

А. Ломбак

**ПЛА-
МЕН-
НЫЕ
ГОДЫ**

ВОСПОМИНАНИЯ

АРТУР ЛОМБАК

А. Ломбак

ПЛАМЕННЫЕ ГОДЫ

Воспоминания

**ТАЛЛИН
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭЭСТИ РААМАТ“
1981**

Титул оригинала:

A. Lombak
«Leekides». Mälestusi
Teine trükk
Kirjastus «Eesti Raamat»
Tallinn, 1980

Перевод с эстонского В. Алексеева

Художник-оформитель *И. Сонн*

i

Ломбак А.

Л74 Пламенные годы. Воспоминания.
Таллин: «Ээсти раамат», 1982, 248 с.

Автор этих воспоминаний (ныне покойный), ветеран ленинской партии, подробно рассказывает о революционных событиях 1917 года, о своем активном участии в гражданской войне, о вооруженном восстании таллинских рабочих 1 декабря 1924 года.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

L $\frac{10604-546}{M901 (16)-81}$ 40-82

0505040000

63.3(2Э)

© Kirjastus «Eesti Raamat», 1980
© Сокращенный перевод с эстонского
Издательство «Ээсти раамат», 1981

Часть первая
В ОГНЕ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ

ПЕРВЫЕ ИСКРЫ

На весеннем поле. Кое-что из истории семьи. Имение-мыза Кабала и его обитатели. Силач. «Наказание». Маленький братишка ломает голову. У кузнецов. Дешевый прием управляющего.

Весна. Раннее утро. В синеве неба ни облачка. Лучи восходящего солнца греют ласково, словно нежные материнские руки. Весело заливаются в небе жаворонки, ощущая радость наступающего дня. Они как будто и не замечают длинную цепочку босоногих ребятишек, движущуюся вниз, по буйно зеленеющему полю. Глаза ребят смотрят в землю. Каждый из них внимательно всматривается в участок поля прямо перед собой и на пять шагов в обе стороны. То один, то другой останавливаются для того, чтобы маленькой лопаткой разрубить корень чертополоха. Эти дети лишены радости любоваться просыпающейся природой, слушать пение птиц и стрекот кузнечиков, чувствовать прелесть весны. Они — батраки барона. Позади цепочки ребят, двигаясь то вправо, то влево, ходит крупный мужчина высокого роста. Его злой взгляд пытается охватить каждую пядь полосы, пройденную цепочкой. Это кубьяс, мызный надсмотрщик.

Время от времени кубьяс окликает того или другого ребенка, бранит за плохо прополотый участок, заставляет вернуться и повторить уже проделанную работу. А дети спешат, потому что на противоположном краю поля они смогут немного передохнуть, пока вся цепочка и вышагивающий за ней кубьяс не доберутся туда же. Потом они отправятся в обратный путь, работая уже на новой полосе.

Неожиданно кубьяс, как-то по-звериному сгорбившись, вскидывает лопату и быстро направляется к одному мальчонке, который, опустившись на колени, что-то выковыривает из земли. Ребенок так увлечен, что и не подозревает о нависшей опасности. И только тогда, когда удар лопатой обжигает его правую ногу, он вскакивает и тоже замахивается лопатой для ответного удара. Наверное, он был уверен, что это — злая проделка кого-нибудь из его сверстников. Но увидев перед собой слоноподобную фигуру кубьяса, мальчик, словно оцепенев, замирает и лишь выкрикивает, дрожа от злости:

— Не крепостные нынче времена, чтобы людей бить!

— Молчать, шенок! Ты еще смеешь мне перечить! — ревет обалдевший от неожиданного ответа кубьяс. — Да за такие речи я тебя до смерти забью!

Но прежде, чем кубьяс успевает привести в исполнение свою угрозу, на его плечо опускается чья-то тяжелая рука и твердый голос говорит:

— Погоди, погоди! Не бесись! Что ты на детях свою силу пробуешь? Если тебе уж так хочется с кем-нибудь побороться, так выходи против взрослого мужика!

Никто не заметил, когда на обочине дороги остановился одинокий прохожий. Залатанная одежда, лапти из ивовой коры и небольшая котомка за плечами говорили о том, что чужак либо мызный рабочий, либо батрак. Пушок над верхней губой и едва пробивающаяся борода, еще не знавшая бритвы, подтверждали молодость мужчины. В то же время высокий рост, широкие плечи и ладони, похожие на лопату, явно свидетельствовали о необычайной физической силе.

Кубьяс резко повернулся к появившемуся заступнику, вздрогнул и произнес этаким елейным голоском:

— Ты, Мулликас, опять лезешь не в свое дело.

Чужак зло смотрит на кубьяса.

— Неужто? — серьезно спрашивает он. — Ты, значит, бьешь детишек бедняков, а меня это не касается?! Это ты, кубьяс, так думаешь! А я думаю иначе!

Словно разъяренные быки, два здоровенных мужика несколько секунд смотрят друг на друга враждебными глазами. Затем чужак отворачивается и заводит разговор с мальчуганом. Из какой избы, чей сын?

Мальчик, обрадованный неожиданной переменой ситуации, отвечает живо, с охотой.

— Да я твоего батю очень хорошо знаю, — замечает чужак и продолжает расспрашивать:

— Сколько тебе лет?

— В январе девять исполнилось.

Злость, еще недавно наполнявшая мальчика, сменилась уважением к незнакомцу.

— Ты отличный парень! — говорит мужчина с дружеской улыбкой и снова переводит взгляд на кубьяса.

— Если дорожишь шкурой, то не смей больше прикасаться к этому мальчугану! Запомни это, а то будешь иметь дело со мной.

Кубьяс стоит, будто язык проглотил. Глаза мальчугана сверкают. Под удивленными взглядами ребятишек чужак удаляется. При каждом шаге его огромное тело медленно переваливается, словно большой буй, покачивающийся на волнах. Размеренно шагая, скоро он скрывается вдали.

— Довольно глаза пялить! Сейчас же за работу! — кричит,

опомнившись, кубьяс. И цепочка ребят продолжает свой долгий трудовой день, который закончится незадолго до наступления темноты. Тогда оставшие ноги потащат по домам вконец изможденные тела мальчишек.

Вероятно у читателя на языке давно вертится вопрос — когда и где это происходило? О ком идет речь?

Ответить можно очень коротко. Год 1905. Место действия — мыза Кабала в Вильяндиском уезде Лифляндской губернии. Действующие лица — дети мызных рабочих. А мальчик, которому пришлось на себе почувствовать, сколько злобы таится в душе кубьяса, никто иной как автор этих строк.

Но, пожалуй, лучше начать издалека.

В 1867 году у батрака мызы Карула Лоодиской волости Юхана Ломбака после пяти дочерей, наконец, родился сын, которого окрестили тем же именем, что и отца. Юхан-младший с малых лет почувствовал все тяготы жизни: нужда была постоянным гостем в батрацком доме. Как-то осенью мальчонку отдали учиться в волостную школу. Но посещал он ее не больше двух недель: наступили холода, пошли дожди, а теплую одежду взять неоткуда. В доме имела одна шапка, но ее надевал отец, да и то лишь при крайней необходимости. Отцу приходилось с утра до ночи гнуть спину под открытым небом, чтобы прокормить семью из восьми душ. Вот так и вышло, что Юхан-младший бросил школу и, надо сказать, без особого сожаления, потому как уже на второй неделе занятий учитель ставил мальчика в угол на горюх. Отсюда и появилась неприязнь к учебе. В конце концов, для того чтобы изо дня в день батрачить на мызе, особого ума не требовалось. Юхан был достаточно шустрым и внимательным пареньком. С помощью отца он овладел несколькими строительными ремеслами, мастерством плотника и печника. Однако мыза терпела его только до восемнадцатилетнего возраста. Едва успев возмужать, он ушел из Лооди, закинув за плечи мешок с вещами; с твердым намерением никогда больше не возвращаться сюда. Обосновался он в Вильянди. Знание строительных ремесел приносило заработок. В течение долгих последующих лет именно оно давало юноше основные средства существования, хотя иногда приходилось заниматься и другой работой.

Мари Кийлер родилась в 1874 году в Вильянди, в то время, когда ее отец Михкель, унтер-офицер царской армии, воевал с турками на Балканах под Плевной. Когда ребенку исполнилось три года, умерла мать; отец все еще находился на войне. Воспитание сиротки взяли на себя совершенно чужие, но благодетельные старушки. Благодаря им Мари закончила Вильяндискую городскую женскую школу, где преподавание всех предметов велось на немецком языке. Таким образом, по тем временам Мари стала довольно-таки образованной девушкой.

В начале девяностых годов молодые люди — Мари и Юхан — познакомились, затем поженились. И тут Юхану Юхановичу

Ломбаку пришлось поспешно наверстывать все то, чем обделило его детство. Регулярно, день за днем жена обучала его чтению, письму и простейшему счету. Со своей стороны ученик изо всех сил старался быстрее достичь уровня знаний учительницы. В конце обучения он уже бегло говорил по-немецки.

Но, кроме учебы, существовала, конечно, и другая, более суровая сторона жизни. Семья росла. Скоро в доме было уже трое детей — брат Виллем, я и сестренка Леэни. Строительные работы носили сезонный характер, поэтому регулярно наступали длительные перерывы, а хлеб и другая пища требовались постоянно. Под давлением матери отец в зимние месяцы работал кельнером в ресторанах, прислуживал на празднествах и различных вечеринках. Но на рубеже веков в городе началась острая безработица. Угроза голода заставила искать более благодатное пристанище, и отец поступил на службу к кабаласкому барону Таубе, получая 10 рублей в месяц и, кроме того, бесплатное довольствие, маленький участок под огород и квартиру с дровами. И хотя семья увеличилась еще на младшего братишку Эдуарда и крошечную сестренку Софи, жить стало все-таки немного легче.

Отец терпеть не мог господ и служба у них была для него, несомненно, горьким хлебом. Семья барона жила в имении только летом, а на зиму перебиралась в Таллин. Отцу приходилось следовать за ней. Но даже летом мы видели его редко. Он жил в господском доме, у него была там маленькая комнатка. Когда же отец изредка находил возможность побыть с семьей, его приход был для нас, детей, большим праздником. Я отчетливо помню отца в тот период. Он был среднего роста, сухопарый, но крепкий. Волосы торчали ежиком. По характеру он был добрый, но очень вспыльчивый. В гневе забывал все, но уже через несколько мгновений к нему возвращалось самообладание. К своей семье был очень внимателен, детей просто баловал. Не знаю, так это было или нет, но мне казалось тогда, что именно меня отец любит больше всех. Я чувствовал необъяснимую радость, когда он звал меня: «Ну, мальчуган, иди-ка сюда!» Если у отца было больше времени, мы отыскивали ящик, в котором хранились рубанки, молотки, стамески, сверла и прочие инструменты, и мастерили что-нибудь. Мне казалось, что отец умеет все: с любой работой он справлялся удивительно быстро.

Уклад жизни нашей семьи определяла мать, с которой мы жили круглый год. Небольшого роста, сероглазая, темноволосая и смуглая, она была очень доброй, но требовательной. Часто в случае непослушания в ход шли розги, за которыми следовала строгая нотация. Но в конце концов мать прижимала провинившегося к своей груди и ее глаза наполнялись слезами. Все старались доставлять ей как можно меньше огорчений, но суровая действительность иной раз заставляла нас забывать о своем поведении. Мы хорошо понимали, что мать посвятила всю свою

жизнь нам. Зимними вечерами она рассказывала длинные интересные истории. Всех нас сызмальства она выучила читать и писать. Я, помнится, понимал язык книг уже в шесть-семь лет. Часто все дети собирались вместе, кто-нибудь читал вслух, а остальные слушали. Несомненно, это оказывало влияние на развитие и самых младших из нас, приучая с ранних лет задумываться над жизнью.

Умение читать принесло мне много неожиданных открытий. Отец регулярно получал газеты, а они в те времена имели всевозможные приложения с рассказами. Все эти приложения отец аккуратно вырезал и хранил в ящике платяного шкафа в своей комнатке в господском доме. Однажды, будучи в гостях, я случайно открыл ящик и увидел его содержимое. Сердце мое забилося от радости и я тотчас же упросил отца одолжить мне эти вырезки для чтения (позднее с помощью отца, я переплел их — для этого у отца было все необходимое).

Среди других произведений я обнаружил в вырезках «Мстителя» и «Борьбу в Виллу» Эдуарда Борнхэе. Я залпом прочел их и дал прочесть брату. Хотя мы и раньше кое-что знали о господах, только теперь нам стало особенно ясно, что бароны ведут свой род от тех самых рыцарей-завоевателей, которые однажды, в погоне за добычей и с благословения святой церкви, вторглись на земли нашей родины. Книги рассказывали о героической и самоотверженной борьбе народа с поработителями, о восстаниях и их бесстрашных вождах, павших в неравных схватках.

Битвы далеких веков стали любимой темой разговоров деревенских мальчуганов. Каждый из них мечтал стать тем самым храбрым и ловким воином, который освободит народ от гнета баронов. Эти разговоры воспитывали ненависть к господам, перед которыми каждый простолюдин, шагавший по мызной земле, должен был с низким поклоном снимать шапку, когда эти господа, беззаботно посвистывая, в сопровождении своры собак раскатывали по «своей» земле. Господам принадлежало все вокруг: лошади, кареты, оранжереи, поля, луга, леса, пасеки и большие просторные жилища. В то время, как простые смертные с раннего утра и до позднего вечера надрывались на работе, господа не знали, как убить время. Батрака уже издали можно было узнать по оборванной одежде, лаптям или вовсе босым ногам. А при приближении дам и господ, ухо улавливало шорох бархата и шелка, в нос бил крепкий, приторный запах дорогих духов и мазей.

Так мы учились видеть в правильном свете дворян и, прежде всего, нашего собственного господина, кабалаского барона Таубе, за внешним лоском которых скрывались высокомерие, чванство, пренебрежение к простым людям. Человек среднего роста, с тоненькой полоской усов, наш барон, разгуливая по мызе, всегда поигрывал тростью и насвистывал какой-нибудь мотивчик, на его румяных щеках играла легкая улыбка. Он не имел привыч-

ки отвечать на приветствия. Иногда во дворе мызы можно было видеть и баронессу, направлявшуюся на скотный двор. Поговаривали, что она ходит туда дышать «целебным воздухом».

Старшая дочь Таубе вышла замуж за барона Нолькена. А сын Харри был почти ровесником моему брату Эдуарду. Случалось, они играли вместе. Однажды, когда мальчики «сражались» деревянными мечами, Харри больно ударил по пальцу Эдуарда. Брат разозлился, подскочил к «противнику» и начал колотить его по голове, спине, куда попало. Потом отцу пришлось долго объясняться с бароном.

Барон Таубе мог спокойно улыбаться — он не знал, что такое физический труд. У него были помощники, которые крепко держали в узде мызных батраков. Поскольку барон жил в имении только летом, действительным хозяином Кабала являлся управляющий фон Эйхен. Он жил отдельно в доме на развилке дорог. Квартира амбарщика Ойдермана была в том же доме, что и наша. Его «фрау», кроме всего прочего, заведовала еще и мызной школой для малышей. Четыре сына амбарщика всегда играли вместе с нами. Позднее, в годы гражданской войны, один из них, Отто, в чине майора эстонской буржуазной армии командовал так называемым «сакаласким партизанским батальоном». В 1924-м он спился и умер от отравления алкоголем.

Кубьяс жил недалеко от мызной конюшни, где держали рабочих лошадей. Управляющий, амбарщик и кубьяс, все трое высокого роста и крепкого телосложения, походили на братьев-близнецов.

Остальные «должности» занимали люди, игравшие более нейтральную роль в жизни мызных рабочих. Маслодел и главный скотник жили под одной крышей в здании маслобойни, недалеко от коровников и свинарников. Маслобойня и сыроварня работали круглый год. За большим садом с плодовыми деревьями и кустами всевозможных ягод, за оранжереей и цветником ухаживал садовник со своими помощниками. Винокурный завод находился в скотоводческой мызе Мяо. Отсюда барду в больших бочках возили в Кабала на корм скоту.

В имении жили три кучера во главе со старым краснощеким Мадисом. У него всегда было очень важное выражение лица, особенно когда он садился на облучок кареты, запряженной четверкой рысаков. Блеск его цилиндра соперничал с блеском лакированной кареты, чистых лошадиных боков и медных частей упряжи. Конюх Кягу или, как его называли, «штальмейстер» следил за всеми лошадьми мызы, а их насчитывалось более сорока. Его сын Кяо Кусти — в те дни завсегда́тай нашей компании — позднее стал известным революционным бойцом. К слову сказать, в 1945—1946 годах он работал парторгом Кабалаской волости.

Главный кузнец мызы Нымм считался потомственным мастером своего дела. Еще его отец работал кузнецом в Кабала, а

когда я был маленький, старый Нымм сторожил мызную водокачку. В ветреную погоду ветряк вращался сам, а когда ветер стихал, насос приводила в действие старая вороная лошадь. Водокачка стояла в полукилометре от мызы. По подземному трубопроводу она снабжала водой господский дом, дом управляющего, маслобойню, коровники, конюшни и свинарники.

Батраки жили в километре от мызы, а местные крестьяне — на окраинных землях имения. Все многочисленные обитатели мызы строго придерживались раз и навсегда заведенных правил. Каждое утро во вместительной приказчиьей кубьяс распределял между ними работу.

Мыза Кабала была большим имением. Ее территория делилась на несколько частей. Площадку перед господским домом украшал обширный газон овальной формы с цветочными грядками, окруженный хвойными деревцами, подстриженными в виде шаров. На одном краю следующей площадки стоял дом управляющего, на другом — конюшня для выездных лошадей. Прямо перед крыльцом нашего дома располагался огороженный еловой изгородью загон для прогуливания лошадей. Недалеко находился сарай для сельскохозяйственных машин. Третью площадку окружали приказчиья, конюшня с рабочими лошадьми и сарай для телег. В центре четвертой площадки находился пруд, заполненный навозной жижей. На одном его берегу стоял грязный батрацкий дом, где в страшной тесноте жили скотницы, конюхи и свинарки. Дом этот прозвали «кошкиным хвостом». Напротив «кошкиного хвоста» красовался свинарник, где держали своих свиней мызные рабочие и слуги. Из него в пруд и стекала жижа. Пятую площадку опоясывали маслобойня, коровники и свинарники. Кузница, зерносушилка, мельница и птичник были построены в стороне от усадьбы. Птичник окружали три пруда. В двух из них плавали утки и гуси, а третий кишел карасями.

На всей остальной территории, не занятой постройками, располагались плодовые сады и липовая роща позади господского дома.

Каждый день у нас, деревенских мальчуганов, был заполнен всякими делами. Прежде всего нужно было принести матери воды, потом покормить свиней. И в огороде всегда находилось дело. После этого можно было идти куда тебе вздумается. Непременно хотелось обойти все мастерские, скотные дворы, свинарники, конюшни, птичник и прочие «заведения». Везде мы имели знакомых мастеровых и подмастерьев.

Большой компанией ходили в лес за ягодами, грибами и орехами. В близлежащих лесах всего было в изобилии. Мы, босоногие ребяташки, как свои пять пальцев знали каждую тропинку в лесу и ничего недосягаемого для нас в округе не имелось. Но больше всего нас соблазнял пруд с карасями, хотя бы потому, что их ловлю хозяева мызы категорически запретили. За соблю-

дением запрета следил управляющий фон Эйхен. Остальных мальчищечи проделки не интересовали. Управляющему же очень редко удавалось поломать чью-нибудь удочку — охотники за карасями имели проворные ноги. Удобнее всего ловить карасей было корзиной. Ее покрывали мешковиной с отверстием по середине, ко дну привязывали кусок хлеба, который в течение нескольких часов заманивал в ловушку десятки крупных карасей. Добычу жарили на костре в каком-нибудь укромном месте подальше от пруда.

Но далеко не всегда ребятам выпадали такие беззаботные дни. Мыза очень рано начала использовать нас на различных работах. Одной из них и была прополка всходов на полях, проводившаяся каждую весну. В ней должны были принимать участие дети всех мызных батраков. Работа шла быстро и без особого напряжения. Острые лопаты легко разрубали корни чертополоха и опостылевшие всем сорняки засыхали под лучами солнца. Прополка должна была гарантировать хороший урожай. Хотя работа сама по себе и не являлась тяжелой, но рабочий день тянулся от зари до зари и утомлял именно этой своей чрезмерной длительностью. Находясь постоянно в движении, да еще на свежем воздухе, дети никогда не страдали отсутствием аппетита и уплетали найденную на поле «заячью картошку» — корневища толстолистного растения, которые, очищенные от кожуры, имели довольно приятный вкус. В тот раз, когда кубьяс ударил меня лопатой, я выкапывал именно «заячью картошку». Мне, конечно, досталось бы гораздо больше, если бы взбесившегося кубьяса не осадил случайно проходивший мимо силач Мулликас.

И было бы крайне несправедливо, если я обошел бы молчанием Александра Мулликаса. Пожалуй, никто из ребят, работавших в тот раз на поле, никогда прежде не встречался с ним. Но слышали о нем абсолютно все. А один из его подвигов до сих пор живет в памяти местных старожилов.

... С самого раннего утра на поле хутора Ванга, что в деревне Пала, можно было видеть мужика, пахавшего на белой лошади. Но даже беглый взгляд мог заметить здесь явное несоответствие. Мужик был высокого роста, ширококостный, лошаденка же — маленькая и немощная. Низкорослая кляча из последних сил тащила соху, а мужик тянул ее назад. Еще не наступил полдень, а лошаденка окончательно выбилась из сил. Тяжело дыша, она сначала остановилась, а потом рухнула на пашню.

Остановился и мужик. Смахнув струившийся по лицу пот, он подошел к лошаденке, погладил ее по шее, дал охапку сена. Но все попытки добром заставить ее работать окончились безрезультатно. Еще меньше помогла грубость.

Тогда мужик распряг лошадь, постоял рядом, почесал в затылке и, безнадежно махнув рукой, сел на ближайший камень.

Набив трубку махоркой, он раскурил ее и сделал несколько глупых затяжек, погруженный в свои мысли.

Спустя некоторое время мужик положил потухшую трубку в карман, решительным шагом подошел к лежавшей лошади, просунул под нее руки, слегка напрягся и поставил животное на ноги. А потом взвалил ее на плечо и зашагал к хутору.

Зайдя во двор, он позвал:

— Э-эй, хозяин! Выходи-ка!

На пороге показался хозяин хутора Ванга. Увидев лошадь на плече батрака, он остановился и обалдело уставился на невиданное зрелище.

— Иди, иди ближе! Не бойся! Это же я! — проговорил батрак. — Покажи мне, куда положить твою клячу! Принес эту дохлятину домой, потому как на поле она не только не в силах работать, но и стоять отказывается.

Оправившись от удивления, хозяин напустился на него:

— Это ты, Мулликас; мою лошадь убил.

Батрак снял животное с плеча, поставил в угол конюшни и спокойно сказал:

— Как же убил? Что ты болтаешь, хозяин! Посмотри сам — она дышит. Просто устала от работы на поле, а вот отдохнет неделки две и еще покажет себя.

Так гласила молва. А несколько лет назад мне представился случай убедиться в правдивости этой истории. Я снова посетил места, где в свое время действовал Александр Мулликас. Бывший хозяин хутора Ванга был еще жив и здоров. Нашлись и другие, знавшие Мулликаса. Они подтвердили, что он действительно принес лошадь домой и что разговор между батраком и хозяином народной молва передала довольно точно.

Но вернемся к тому запомнившемуся весеннему дню, когда богатырь Мулликас так здорово помог мне. К сожалению он смог отвести от меня только кулаки кубьяса, но не его зловредный язык. День еще не кончился, а отца уже вызвали к барону, который, приглаживая свои стриженные ежиком волосы и скривив рот, зло пробасил:

— Слушай, Йохан, тфой зон Артур ест бунтофшик. Он подстрекайт других рапоших протиф господ и весь государственный фласть! Ты ошен плёхо фоспитал его!

Отец, еще ничего не знавший о происшедшем на поле, удивленно ответил:

— Господин барон, наверное, ошибается! Моему сыну всего-то девять лет. Он еще никак не может быть бунтовщиком.

— Нет, нет, Йохан, не спорь со мной, — раздраженно проревел барон. — Запомни на фсю шизн: тфой господин никогда не ошибайся! Если уш он сказал, то это тошно. Именно тфой зон Артур налетел сегодня на кубьяса, бессофестно его ругал и хотел лопатой ударить. Поэтому я тебе приказайт сегодня ше его хорошенко пороть, штобы он софсем и думать забыл бунтофать. И

ты сам должен это делать или сразу уезжай из мыза. В сфой имение я бунтофшик не терплю. Иди и тотчас же исполняй мой приказ!

Отец вышел из господского дома и, глубоко погруженный в свои мысли, медленно побрел домой. Перед глазами проходила вся его прежняя жизнь, и он вдруг увидел, что всегда был принужден служить кому-либо, беспрестанно выполнять чьи-либо приказания. Вот и сейчас его заставили выбирать одно из двух: или выпороть собственного сына «бунтофшика», или покинуть мызу. Такова была воля барона Таубе, полновластного хозяина Кабала, чье слово являлось законом для всего имения.

Бить меня отец не хотел, но куда податься с такой большой семьей, не выполни он волю барона? Ехать некуда. Всюду хозяйничали такие же самодуры, как кабалаский барон. Так и не найдя никакого выхода, он зашел в комнату, где вся семья ждала его прихода.

Подсев к столу, отец тихо сказал:

— Ну, Артур, бунтовщик ты этакий, подойди-ка сюда и расскажи, как ты сегодня обругал кубьяса да еще хотел его лопатой ударить.

Я без утайки выложил всю историю. Заодно показал отцу и распухшую ногу. Увидев ее, мама на мгновение испуганно прижала меня к себе, а потом, сходяв за свежими сливками, намазала ими рану и перевязала чистой тряпичей. С гневом и слезами в голосе, она причитала:

— Ты смотри какие поганцы! Сами же первые пристают к моему сыну, бьют его, а потом еще называют бунтовщиком и велят выпороть! Этим подлым дармоедам самим надо шкуру содрать!

На маму в очередной раз нахлынула волна негодования. Погрозив кулаком куда-то в пустоту, она продолжала еще более возбужденно:

— Погодите, злодеи! Вот подрастут мои сыновья, они вам покажут! За все зло, вами содеянное, получите сполна!

Отец и мать пошептались о чем-то и вышли из комнаты. Вскоре отец вернулся, неся с собой пучок толстых березовых прутьев. Вытанув на середину комнаты длинную скамейку, он приказал строгим голосом:

— Ну, сын, снимай штаны и ложись! Остальные в другую комнату! Быстро!

Не успел он договорить, как вся детвора подняла шум в мою защиту. В то же время я, ни слова не говоря, лег на скамейку, решив лучше язык себе откусить, чем проронить хоть звук.

Братьям и сестрам все же пришлось удалиться в заднюю комнату. Заперев дверь на ключ, отец схватил розги и, крикнув: «Вот тебе, вот тебе, бунтовщик!», начал стегать... лежавшие на полу пустые картофельные мешки. Он делал это с такой яростью, будто сек самого злейшего врага.

С каждым ударом визг в соседней комнате все возрастал, разлетаясь из открытого окна далеко в темноту. Соседские дети слушали его с ужасом, всем сердцем сочувствовали страдающему «бунтарю». А «бунтофшик» в это время преспокойно прижался к своей матери.

Так «вышибли» из меня, согласно приказанию барона, бунтарский дух.

На следующее утро все дети сидели за столом тихо, озабоченно поглядывая на меня. Я же усердно налегал на еду и не отрывал глаз от тарелки.

Молчание нарушил маленький Эди:

— Мама, а почему папа вчера вечером бил Артура? Он сделал что-нибудь плохое?

— Нет, не сделал! — подумав, ответила мама. — А ты лучше ешь и не болтай!

Но Эди не отставал.

— Мамочка! А если Артур не сделал ничего плохого, почему тогда папа его порол, да еще так долго?

— Почему, почему? Потому что барон приказал, — помрачнев, ответила мама.

— Но ведь Артур не баронский сын, а наш. Почему же барон велит наказывать чужих детей?

— Эдик, барон богатый, а мы бедные, — при этом мама глубоко вздохнула. — Если он что-нибудь велит, мы должны слушаться.

С минуту Эди молча смотрел на маму, потом с самым серьезным видом проговорил:

— Мамочка! Если бы я был богатым, то тут же приказал бы выпать розог самому барону, чтобы он не смел больше обижать детей.

Мама улыбнулась и погладила Эди по голове:

— Эдик, никогда не говори так. Если барон это услышит, он велит и тебя высечь.

Эди задумался. И вдруг неожиданно спросил:

— Мамочка! А почему этот злой барон богатый, а мы бедные?

— Такова уж воля божья, сынок. Бог решает, кому быть богатым, кому бедным, и люди не властны изменить этот порядок.

— Мамочка! Выходит, бог за плохих людей и против хороших, да? — спросил Эди и сам же вдруг ответил: — Раз так, то он сам тоже плохой и злой.

Мама вытерла глаза краем фартука.

— Эх сынок, обо всем-то ты спрашиваешь и на все хочешь сразу же получить ответ. Погоди немного, вот подрастешь — сам начнешь понимать...

Обитатели мызы несколько дней только и говорили о том, как мы с Мулликасом «победили» кубьяса. Каждый рассказывал так, будто видел все собственными глазами, но во всех вариантах кубьяс оказывался посрамленным.

Куда делся мой спаситель, никто не знал. «Бунтовщик» же сидел дома и залечивал полученные «раны». А когда мама, наконец, разрешила мне выходить, я сразу побежал в кузницу, к своим старым друзьям, которым часто помогал раздувать мехи. На этот раз кузнецы сразу оторвались от дела и глазели на меня как на какую-то диковинку.

— Здравствуй, Артур! — радостно приветствовал меня старый Нымм. — Ну-ка, расскажи, как ты задал трепку кубьясу.

— Если еще к тебе прицепится, швырни в него камень и бегом сюда, к нам, — сказал Варес. — Мы уж тебя в беде не оставим.

Старый Нымм расхохотался:

— А хочешь, мы тебе меч сделаем. Наточим как бритву. Тогда уж можешь никого не бояться. Раз махнешь и у барона голова с плеч. Ну как? Сделаем?

Кузнецы вновь взялись за работу. Кийласпеа спросил:

— Ты наверное, пришел нам помогать? Тогда иди к меху и за дело!

И веселый стук молотов, слышимый далеко вокруг, опять наполнил кузницу. Тяжелому грохоту большого молота, которым орудовал Варес, как бы подыгрывал, задавая ритм, частый звон маленького молота в руках старого Нымма.

* * *

Случай на поле забылся, как и многое в этом мире. Жизнь мызных рабочих, в поте лица батрачивших на барона, шла своим чередом. Страда продолжалась. Не успевали закончить одну работу, как приходилось приниматься за другую. Трудились с большим напряжением, нельзя было терять ни минуты. Поэтому не было года, чтобы не привлекали к тяжелому труду детей. Подходило время, и я, как и другие мальчишки, вместе с братом Виллемом должен был отвозить со скотного двора кучи навоза в поле.

Затем наступала пора сенокоса. Возить копны к стогам было опять-таки обязанностью мальчишек. А косили сено, сгребали, складывали в копны и скирды все взрослые работники имения.

Но труднее всего приходилось во время молотьбы. С утра до ночи трясясь на лошадином хребте, мальчуганы волочили дровни — порожние к молотилке, а оттуда, груженные соломой — к стогам. На всех работах им платили по 20 копеек в день.

Сезон полевых работ заканчивался осенью уборкой картофеля. Здесь обычно были заняты все мызные рабочие и их семьи. И стар, и млад — все шли на поля с корзинами и мотыгами. По распоряжению управляющего к вечеру прямо на поле привозили бочки с домашним пивом и молочные бидоны с сивухой из мясской винокурни. Рабочие выпивали ее и вскоре все радости и горести, обычно таившиеся в глубине души, вырывались наружу, до поздней ночи оглашая песнями близлежащие поля и леса.

А управляющий тем временем от удовольствия потирал руки. Причина одна — быстро и без особых затрат убрал и уложен в бурты картофель. Можно спокойно ждать зиму. Сырье, необходимое для производства сивухи в винокурне господина барона, в основном заготовлено.

С наступлением осени до трудового люда мызы все чаще стали доходить слухи о весьма необычных событиях, то и дело происходивших в разных губерниях огромной Российской империи. Рассказывали о забастовках и демонстрациях в городах и промышленных центрах, о крестьянских бунтах в деревне. Поговаривали, что повсюду народ поднялся на борьбу за землю и свободу. С большим интересом слушали мызные рабочие эти разговоры, с жадностью ловили каждое слово, и надежды на лучшую жизнь постепенно зарождались в этих забытых людях.

Теперь и от отца мы иной раз слышали песни, зовущие к борьбе. Их мотив зажигал, захватывал и нас:

«Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и ни герой;
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо».

Брат Виллем и я тоже ощущали себя храбрецами. В мечтах я видел, как в облике могучего Мстителя громлю вражеские полчища, как остатки разбитых банд бегут с поля брани под натиском трудового народа.

Все мызные рабочие с нетерпением ждали, когда же волна народных выступлений докатится до Кабала. Люди с любопытством окружали каждого, кто приходил издалека, расспрашивали о событиях в столице, в губернском центре, в ближних городах. Хотелось обо всем узнать до мельчайших подробностей...

В то время, как народ радовался любой вести о бунтарях, управляющий фон Эйхен становился все мрачней. Он стал безраздельным хозяином мызы. Барон перебрался со всей семьей в Таллин. Там, под защитой губернских властей, он чувствовал себя в большей безопасности.

И вот, наконец, к нам стали приходиться известия о поджогах мыз, подталкивавшие и рабочих мызы Кабала к выступлению в защиту своих интересов. Батраки все чаще обсуждали между собой этот вопрос.

Перемена в настроениях батраков, разумеется, не прошла

незамеченной для управляющего. В один прекрасный день он собрал всех мызных рабочих в конторе. Так случилось, что и я оказался в их числе и, поэтому, мог наблюдать все собственными глазами.

Какое-то мгновение управляющий стоял молча, его взгляд медленно скользил по лицам присутствовавших.

— Хочу с вами, мужики, поговорить о поджигателях мыз и о прочих погромщиках, — начал он. — О тех, кто, сжигая имения, хочет оставить трудовой народ без работы и хлеба. Хочу рассказать, как узнать этих поджигателей и погромщиков.

Он еще раз обвел всех взглядом и продолжал хриплым голосом:

— Эти поджигатели и погромщики ходят всегда втроем. Один из них высокого, второй среднего, а третий низкого роста. Тот, кто высокого роста — большевик, низкого — меньшевик. Среднего роста — социалист-революционер. Кто увидит похожую трицу в окрестностях мызы, должен немедленно доложить мне. Эти трое и есть поджигатели мыз! Опаснее всех человек высокого роста — большевик!

Такое обилие политических знаний фон Эйхен, наверняка, почерпнул из карикатуры в каком-нибудь черносотенном журнале. В действительности же он хотел своими речами вселить в мызных рабочих недоверие ко всем чужакам и заполучить бесплатных осведомителей. Но его усилия оказались безрезультатными. Управляющего слушали, скрывая усмешки. По смешливым взглядам батраков я понял, что они разгадали истинный смысл слов фон Эйхена.

Атмосфера в мызе накалялась с каждым днем.

2

ИМЕНИЯ ПЫЛАЮТ

Бой в Кирна. Пожары. Боевой отряд в Тырвааугу. Преданный слуга барона. Разгром отряда.

В начале декабря в окрестностях мызы Кирна появились гонцы, мчавшиеся в санях или верхом.

— Э-ге-гей! Мужики! Все, кому нужна земля, собирайся на сходку!

Этот призыв слышали деревенские бедняки и бобыли, безземельные и батраки. Его веками ждали многие поколения крестьян. И вот теперь он дошел до их сознания и захватил умы.

Скоро двор мызы Кирна кишел народом как базарная площадь. Кто пешком, кто на санях, спешила сюда беднота.

Ближе к вечеру на вершине холма недалеко от барского дома появился маленький отряд неизвестных людей.

Один из отряда проехал немного вперед, поднял руку и прокричал:

— Братья! Рабочие люди! Батраки мызы Кирна! Настало время нам самим распорядиться своей судьбой. Россия велика. И всюду рабочие и крестьяне сейчас ведут борьбу против эксплуататоров. Мы с вами тоже имеем право на лучшую жизнь! Власть царя и помещиков уже пошатнулась. Остается нанести последний удар. Нас прислали сюда таллинские рабочие. От их имени мы призываем вас организовать волостной крестьянский революционный комитет, который сейчас же разделит всю землю имения между крестьянами и установит новую, революционную власть. Среди вас есть смелые люди. Пусть сегодня же они вступят в ряды нашего отряда. Во имя светлого будущего мы зовем вас на борьбу, братья и сестры! Долой власть баронов! Землю крестьянам! Долой царское самодержавие! Революционный народ победит!

В ответ раздалось мощное «ура!»

Вышел новый оратор:

— Братья и сестры! Я принес вам привет от рабочих Тюриской бумажной фабрики! В своей борьбе за землю вы всегда можете рассчитывать на нас. В любой момент мы придем к вам на помощь. Совместными усилиями мы, рабочие и крестьяне, свергнем власть царя и помещиков! Да здравствует революция!

Снова прозвучало «ура!». Затем послышались возгласы:

— Тащи сюда господ!

Вывели двух старых дев — дочерей барона Юлию и Нелли.

— Вот они кровопийцы! — крикнул кто-то. — Сколько народу они замучили! Гоните паразитов из мызы!

— Мы ни в чем не виноваты! — захныкали старые девы. — Это наши предки мучили народ, а мы этого не делаем!

Жалкий вид старых дев рассмешил всех. Этим представителям баронского рода было приказано немедленно убираться из мызы, и они уехали в Пайде. Им даже карету подали.

На сходке был создан революционный комитет, в который избрали Ниймана, Хярга и других. Одними из первых в прибывший из Таллина отряд вступили Александр Мулликас и сын кузнеца Мадисона. Отряд двинулся в сторону мызы Локута.

Между тем приехавшие в Пайде старые девы времени даром не теряли, и вскоре в окрестностях мызы Кирна появился конный отряд драгун под командой вьятсаского помещика. Драгуны открыли огонь по Кирна. Нийман был убит. Хярг получил ранение. Драгуны уже были уверены в победе, но тут к мызе подошел отряд рабочих Тюриской бумажной фабрики. Завязалась перестрелка. Драгуны дрогнули и убрались восвояси.

Этот бой память народная запечатлела в строках песни неизвестного автора:

«Когда мы шли из Тюри,
Когда мы в Кирна ехали,
То впереди скакал конек,
Навстречу дул пронизывающий ветер.
На Сихлумяэ есть высокая гора,
Там повстречались войска.
Свистели пули, мы стреляли,
В каретах дырки пробивали.
В Пайде стражники бежали,
Только пятки их сверкали!»

Боевой отряд рабочих Тюриской бумажной фабрики отметил первую победу. Дом владельца имени Кирна подожгли.

Брат Виллем первым в Кабала заметил зарево, осветившее небо со стороны Тюри.

— Эй, ребята, началось! Небо полыхает! Мызы горят!

Тотчас же на крышах и верхушках деревьев появились десятки любопытных. Каждый пытался определить точное место пожара.

— Это мыза Кяревере! — предполагали одни.

— Не-е-т! Это горит мыза Сяревере! — утверждали другие.

— Полыхает мыза Локута, — спорили третьи.

— Ясно одно — горят мызы! — сказал кузнец Нымм. — А очередность не имеет значения.

— Главное, что помещичья земля достанется нам, — добавил штальмейстер Кягу. — И чем раньше, тем лучше!

На следующий день всех облетела весть о движущемся где-то около Тюри многочисленном, хорошо вооруженном боевом отряде. Говорили, что отряд всюду устанавливает народную власть, делит помещичью землю и имущество, поджигает помещичы дома. После таких разговоров уже никто не хотел работать на господ. Стали ждать, когда очередь больших перемен дойдет и до Кабала.

Просторная приказчиья превратилась в своеобразный штаб, где целыми днями обсуждали происходящие события. Всё чаще слышалась быстро ставшая популярной песенка:

«Именья пылают,
Господа удирают,
Крестьяне наследуют земли господ!»

Почти никто не сомневался, что все пойдет именно так. По общему мнению, боевой отряд уже через несколько дней должен быть в Кабала. Все были уверены, что с его прибытием определится судьба имения, будет разрешен земельный вопрос.

Еще пару вечеров провели у чердачных окон, продолжая

наблюдать за отблесками новых пожарищ, то и дело освещавших небосвод. Нетерпение все возрастало.

Управляющий фон Эйхен больше не появлялся на дворе. Он отсиживался в своем доме, за запертыми дверьми, и тоже ждал...

Горевшие мызы казались простому народу чем-то естественным, неотвратимым. И тут произошло нечто неожиданное, что ошеломило все трудовое население мызы. Возок за возком в Кабала съехалось около восьмидесяти прибалтийских баронов. Все они были вооружены ружьями, револьверами и висевшими у поясов кинжалами.

Мыза Кабала стояла на пересечении трех дорог — из Таллина, Вильянди и из Пылтсамаа. Парк вокруг господского дома и плодовые сады окружали толстые высокие стены, сложенные из валунов. Никакая пуля не способна была пробить эти стены. По-видимому, это и привлекло помещиков в Кабала, которое они избрали своим опорным пунктом в борьбе с революционными отрядами. Расположившись в господском доме, помещики послали патрули, которые день и ночь обшаривали все вокруг. Объявив, что будут стрелять без предупреждения, они запретили с наступлением темноты какое-либо движение в усадьбе, а также всякие собрания и даже танцульки, до этого чуть ли не каждый вечер устраивавшиеся в приказчиной. Единственное, что оставалось — это ночью из какого-нибудь чердачного окна следить за полыхавшими вокруг пожарами. А они возникали каждый вечер в новых местах, двигаясь полукругом от таллинского большака в сторону дороги на Выхма.

После боя в Кирна путь боевого отряда рабочих проходил через несколько имений. В мызах Кола, Локута, Сяревере, Мяэ-кюла, Кяревере, Рыуза, Лаупа, Ыйсу — везде бойцы отряда собирали народ, знакомили с обстановкой в стране, призывали всех к борьбе за лучшую жизнь, а затем раздавали бедноте и батракам помещичье имущество. После этого, как правило, господские хоромы сжигались дотла, а боевой отряд продолжал свой путь дальше.

— Бах-бах-бах! — как будто гром с ясного неба 17 декабря разрезал тишину в лесничестве Тыврааугу.

Многоголосое эхо ружейных выстрелов разнеслось по самым далеким чащобам, долетев до домиков рабочих-лесорубов, разбросанных в глубине лесов. За выстрелами слышались звуки революционных песен. Мощным набатом звучали голоса десятков бойцов. Они звали рабочий народ к борьбе за свободу.

«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог».

Казалось, весь лес, каждое деревцо вторило этим словам. Всех охватило чувство, похожее на радость пробуждения от тяжелого сна. И старые, и молодые устремились туда, откуда неслась песня.

Отряд вооруженных людей направлялся к Кабаласкому лесничеству. Местные жители присоединялись к идущим, и звуки песни становились все мощнее.

Во главе отряда ехали верхом трое. Один из них, в красной куртке, время от времени поднимал револьвер и, почти не целясь, стрелял, попадая в шишки у самых верхушек елей. Это был командир боевого отряда.

Рядом ехал его заместитель. Вслед за ними знаменосец. Высоко над его головой развевалось красное знамя.

У дома лесничего всадники остановились. Командир отряда поднял руку, указал на господский дом и, когда все остановились, крикнул:

— Бойцы отряда, крестьяне! Дорогие братья и сестры! Смотрите, вот в этом доме мы сегодня остановимся. Заходите в него и почувствуйте себя хозяевами!

19 декабря бойцы отряда спозаранку были на ногах. Они готовились к штурму мызы Оллепа, откуда на следующий день собирались двинуться в глубь владений барона Таубе — к мызе Кабала. С раннего утра к барскому дому собрались крестьяне.

Наконец на балкон вышел командир.

— Дорогие братья по борьбе! Трудящиеся лесничества Тырвааугу! — обратился он к собравшимся. — Наш отряд уходит отсюда, чтобы и в других имениях разжечь пламя борьбы за свободу. Приложим все силы, чтобы власть царя и помещиков дотла сгорела в этом пламени, чтобы всюду горела земля у них под ногами! Народ сам должен стать хозяином своей земли! Долой власть помещиков! Смерть кровопийцам! Превратим в пепел их логовища!

Вскоре из открытых окон и дверей господского дома повалили густые клубы дыма. Из толпы вышли два музыканта, и полились звуки гармошки. Зазвучала песенка:

«Имения пылают,
Господа удирают,
Крестьяне танцуют на землях господ!
Танцуют, танцуют на землях господ!»

Чем сильнее становилось пламя, пожиравшее барские хоромы, тем веселее становились люди, тем быстрее двигались их ноги. Когда от здания остались только торчащие трубы, послышался голос командира:

— Выступаем!

Командир и его заместитель вскочили на лошадей. Местные

жители долго шли следом, провожая уходивших. Многие хотели бы пойти вместе с ними, да не было оружия.

Извилистая заснеженная дорога уже давно скрыла отряд за деревьями, но все еще слышалась песня:

«И настанет година свободы,
Сгинет зло, сгинет ложь навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда».

Все это время кабалаский лесничий сидел словно на раскаленных углях. Этот преданный слуга барона Таубе уже несколько дней не находил себе места. Сообщить в Кабала о приближении боевого отряда повстанцев он хотел сразу же, как только узнал об этом, но телефонная линия была перерезана. Боясь, что кто-нибудь уличит его в предательстве, он не смел что-либо предпринять и слонялся из угла в угол сам не свой. Но как только отряд ушел из лесничества, он кинулся к перерезанным проводам, соединил их и позвонил в имение. К телефону подошел сам управляющий фон Эйхен и сразу же заорал, почему в Тырвааугу ему два дня никто не отвечал. Дрожаящим голосом лесничий объяснил «достопочтенному господину управляющему», что все это время он находился в руках погромщиков.

— Они созвали народ со всей округи, — захлебываясь, докладывал лесничий. — Говорили речи, убеждали людей свергнуть власть царя и помещиков. Потом устроили гулянку в барском доме, а под конец сожгли его и пошли дальше.

Сразу же оценив обстановку, фон Эйхен начал подробно расспрашивать лесничего о том, сколько всего «разбойников», как они вооружены, когда и в каком направлении ушли, пешком или на лошадях. Лесничий отвечал, что отряд насчитывал более тридцати человек, вооруженных охотничьими ружьями, а у некоторых есть и револьверы. Из Тырвааугу они ушли не более четверти часа тому назад по той заснеженной дороге, по которой возят лес в Оллепа.

Разузнав обо всем, фон Эйхен поспешил закончить разговор, еще раз заверив лесничего, что барон Таубе никогда не забудет его большой услуги. Радостно потирая руки, он на какое-то мгновение задержал взгляд на телефонной трубке, схватил шапку, нахлобучил ее на голову и, на ходу надевая полушубок, кинулся по лестнице во двор. Заметив проезжавшие мимо сани, он крикнул сидевшему там мужику:

— Стой! Сейчас же поворачивай сюда!

Быстро прыгнув в сани, управляющий приказал:

— Гони к барскому дому!

Не дожидаясь пока сани остановятся, фон Эйхен спрыгнул и

помчался на верхний этаж, где расположились собравшиеся в Кабала вооруженные помещики.

— Господа! Мне необходимо сообщить вам нечто важное и весьма срочное. Поэтому прошу всех немедленно подойти поближе.

Все эти нолькены, стакельберги, энгельгарты, вульфы, мантойфели, таубе и прочие быстро окружили запыхавшегося фон Эйхена, чтобы услышать это «нечто важное и весьма срочное».

Быстро обсудив положение, помещики решили половину своего отряда немедленно отправить в Оллепа, чтобы опередить восставших. Такой план был возможен, так как Оллепа находится в 6—7 километрах и от Кабала, и от Тырвааугу.

Боевой отряд рабочих двигался к Оллепа пешим порядком, помещики же решили ехать туда на санях, быстро занять там оборону и, когда восставшие подойдут, нанести по ним неожиданный удар.

Пока помещики одевались и проверяли оружие, фон Эйхен приказал запрячь в сани самых лучших лошадей. К большому удивлению обитателей мызы во двор вышло сорок господ. Никому прежде не приходилось видеть такого сборища помещиков, да еще с оружием. Большинство баронов было вооружено винтовками, с которыми обычно охотятся на лосей, а кое-кто имел трехлинейки. Почти у каждого на поясе висели револьвер и кинжал. Нервно шагая взад-вперед по двору, они как заговорщики перешептывались. Вскоре подали около двадцати саней. В каждые сани сели по два-три помещика. Фон Эйхен подозвал к себе молодого батрака Андруса Пыдера.

— Ты, Пыдер, знаешь самую короткую дорогу на Оллепа. Поезжай впереди: будешь указывать нам путь.

— Не-е, я эту дорогу плохо помню, — испуганно ответил Пыдер. Он почесал в затылке и лениво продолжал: — Давно по ней не ездил. Боюсь, заведу на какую-нибудь другую дорогу.

Побагровев от злости, управляющий заорал:

— Что ты плетешь! Хочешь сказать, что не знаешь этой дороги? Когда возишь по ней бревна, то помнишь, а сейчас вдруг забыл! А ну, садись в сани и трогай без разговоров! Это мой приказ!

Пришлось Андрусу Пыдеру подчиниться. Обоз тронулся, быстро выехал из усадьбы и скрылся из виду.

Цель, с которой господа отправились в Оллепа, знали только сами помещики и управляющий фон Эйхен. Для мызных рабочих их отъезд был загадкой.

— А не удрали ли они из Кабала? — спрашивали одни.

— Да, но примерно половина баронов еще в мызе, — замечали другие. — И управляющий остался. Если бы почуяли, что им конец, все бы удрали.

Как ни гадали, а до истины все равно не добрались.

Через некоторое время во двор мызы стали съезжаться бедняки со всей Кабалаской волости. По-видимому, они тоже что-то

прослышали о приближении боевого отряда рабочих. Привязав лошадей к коновязи, крестьяне вели оживленные беседы. Скоро двор напоминал шумный базар со множеством людей, с беспре-
станным ржанием лошадей...

После отъезда помещиков прошло не более часа, когда во двор мызы въехал Андрес Пыдер. Его сани тесным кольцом окружили мужики. Посыпались вопросы:

- Далеко ли ездил?
- Побили ли баронов?
- Скоро ли наши будут здесь?

Андрес Пыдер молча вылез из саней и обвел туманными глазами окружающих. Казалось, он не слышал и не понимал задаваемых вопросов. Наоборот, на его лице можно было прочесть немой вопрос: «Что здесь стряслось?» На глаза молодому батраку навернулись две крупные слезы и потекли вниз по щекам.

— Эту нечисть, будь она проклята, сам я и навел на своих же братьев, — запинаясь заговорил он. — Когда увидел отряд, подходивший под красным знаменем к Оллепа, у меня внутри словно все оборвалось... Зажмурил глаза, развернул лошадь и что есть мочи сюда... Что там дальше было, я не знаю. Слышал только ружейные залпы.

Он тяжело рухнул на край саней и опустил голову. Окружающие оторопело глазели на него.

Известие о бое между отрядом рабочих и помещиками у мызы Оллепа разлетелось с быстротой молнии. Все говорили только об этом. Большинство было уверено, что из стычки победителями выйдут рабочие. Всем хотелось, чтобы, разбив баронов, боевой отряд быстрее пришел в Кабала и принес свободу.

* *
*

Как же на самом деле развернулись события?

Когда после полудня отряд рабочих вышел из лесу, до Оллепа оставалось еще около километра. Все бойцы отряда уже хорошо видели мызные постройки. Одновременно от станции Выхма по дороге, идущей параллельно железнодорожному полотну, спешил в Оллепа помещичий обоз. Заметив выходящий из лесу боевой отряд, помещики начали бешено стегать лошадей, стараясь первыми прибыть на место. От этого зависел успех задуманной ими операции.

Командир отряда рабочих и его заместитель видели сани, двигавшиеся со стороны Выхма, видели лежавших в них людей. Сани были самые обыкновенные, крестьянские.

— Мужики! — закричал заместитель командира, указывая на помещичий обоз. — Смотрите, к нам подмога едет!

— Знаменосец! Выше знамя! — скомандовал командир, выстрелил вверх из револьвера и радостно крикнул: — Ура!

Ему ответили единодушным троекратным «ура!».

Мысль о встрече с «пополнением» придавала сил, и отряд зашагал быстрее.

Сопровождаемый приветственными криками, баронский обоз въехал в Оллепа и скрылся за постройками. А революционные бойцы, поддавшись страшному заблуждению, спешили прямо в лапы к своему заклятому врагу. До мызы оставалось еще несколько сот шагов, когда послышался приказ командира:

— Запевай!

Призывные звуки революционной песни понеслись с особой силой. Их слышали и рабочие мызы, и прибывшие помещики, первые с волнением, вторые — с ненавистью.

«Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, люд голодный!
Раздайся клич мести народной!
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!»

А бароны быстро выпрыгнули из саней и, пригнувшись, цепью побежали к ограде, которая скрывала их от глаз приближавшихся рабочих. Зарядив оружие, они стали поджидать рабочих, которые, ничего не подозревая, с песней шагали к своей гибели. Большинство сидевших в засаде помещиков были опытными, хладнокровными убийцами, многие из них в свое время служили офицерами в царской армии. Сейчас они собирались первым же залпом уничтожить как можно больше бойцов отряда, для этого каждый заранее выбрал себе определенную мишень.

С болью в сердце следили мызные рабочие за действиями помещиков. Но никто из них не знал, что нужно сделать, чтобы предотвратить надвигающуюся беду.

Боевой отряд пересек железную дорогу и находился совсем близко от мызы. Помещики ясно видели лица поющих.

И тут грохнул залп. Смертельно раненные, повалились с лошадей командир отряда и его заместитель, полегло большинство бойцов. Сказочный силач Мулликас, который в честном бою согнул бы в баранку десять баронов, рухнул как подкошенный. В него попало несколько пуль. Не успев убить ни одного барона, этот богатырь бился сейчас в предсмертных судорогах. Снег вокруг него вскоре стал красным, таким же, как знамя, выпавшее из его рук.

Сразу же за залпом последовала частая беспорядочная пальба по тем, кто еще стоял на ногах. Помещики старались уничтожить бойцов отряда, всех до единого.

Мужественных борцов перебили прежде, чем они успели выпустить хоть одну пулю по врагу. Только одиночкам удалось отступить к лесу и там скрыться.

Отсутствие военного опыта, элементарной осторожности и бдительности сыграло роковую роль в судьбе боевого отряда.

Собравшийся во дворе мызы Кабала народ со все возрастающим интересом ждал новых вестей к тому, что рассказал Андрес Пыдер. Чем закончился бой у Оллепа? Кто вышел победителем — ненавистные бароны или революционные бойцы? Кто скорее появится на кабалаской дороге? Чем закончится день 19 декабря 1905 года в мызе Кабала? Мужики, женщины, дети — все, не отрывая глаз, смотрели на дорогу, ведущую из Оллепа.

Кто-то первым тихо произнес слово:

— Едут!

Десятки голосов повторили:

— Едут! Едут! Едут!

Кто едет, никто еще не понял. Виден был только обоз, выполнявший из-за пригорка у развалин старого ветряка. Лошади бежали рысью, сани быстро приближались. Все стоявшие во дворе, чтобы лучше видеть едущих, выбежали на дорогу.

Неизвестно к кому обращаясь, кто-то спросил:

— А почему они едут без красного знамени?

— И вправду, почему? — повторил вопрос другой, и лица у всех стали серьезными.

Обоз все приближался.

— Бароны! — послышался чей-то хриплый голос.

Да, это, действительно, были бароны, те самые, которые каких-нибудь несколько часов назад уехали из Кабала.

Едва обоз въехал во двор, как около двадцати помещиков быстро выпрыгнули из саней и, угрожающе выставив перед собой оружие, устремились к коновязи, где были привязаны крестьянские лошади. И тут же послышалась их многоголосая ругань:

— Вон со двора, негодяи! Убирайтесь отсюда! Проваливайте, погромщики, а то будем стрелять!

В одно мгновение безоружные крестьяне прыгнули в сани и быстро выехали со двора мызы. Вслед за ними, испуганно оглядываясь, начали расходиться и мызные рабочие, которые, впрочем, вскоре снова собрались, но уже в другом месте.

А многочисленная ватага мальчишек, невзирая на окрики помещиков, оставалась на своем наблюдательном пункте. Мы не собирались никуда прятаться, хотели все видеть своими глазами и первыми узнавать, что же будет дальше. Мы не боялись никого.

Брат Виллем прошептал, указывая пальцем на баронов:

— Ты смотри, просто лопаются от злости.

— А, по-моему, они больше похожи на свору собак с помещичьей псарни, — ответил я.

И действительно, в этот момент помещики напоминали породистых псов, жравших сырое мясо перед тем, как их посадят на цепь после ночной службы. Ноздри раздувались, словно они и

здесь чувствовали запах пролитой крови. Эти потомки средневековых рыцарей всячески старались показать свое высокомерие, превосходство над простыми людьми. Да и почему им было не держать себя заносчиво, ведь они только что выиграли бой, истребив немало сынов рабочего класса и не пролив при этом ни капли собственной крови.

В качестве живого доказательства своих кровавых подвигов, помещики привезли с собой шестерых раненых бойцов отряда. И теперь их возили по всей мызе, останавливаясь у каждого дома, чтобы все работники видели мучения жертв помещичьей расправы. Наконец раненых привезли к барскому дому. Несчастным приказали вылезти из саней и встать спиной к дому.

Раненые бойцы еле держались на ногах и, стараясь приглушить страшную жажду, до крови кусали свои губы. В их глазах отражалась великая мука, но никто из них ни разу не застонал. Из открытых ран сочилась кровь...

В толпе послышался чей-то тихий, взволнованный голос:

— Какими же мы были дураками! Торчали здесь и ждали, когда нам прямо домой кто-нибудь принесет, как колбасу с базара, землю и свободу. Надо было сразу, как только начали жечь мызы, самим действовать. Тогда бы мы этих паразитов смяли прежде, чем они успели объединиться. А теперь вот стоим здесь такими беспомощными детками и нечего больше делать, как только смотреть на страдания тех, кто боролся за то, чтобы дать нам землю...

Кто-то заговорил слегка запыхавшимся голосом, который показался мне очень знакомым:

— Только что приехал молочник из Оллепа. Говорит, что вместе с убитыми прямо на снегу лежат и тяжелораненные. Бароны под страхом смерти запретили оказывать им помощь.

И снова зашептал первый голос:

— Давно известно, что на любовь этих палачей нам рассчитывать нечего...

Я обернулся к шептавшимся. Да это ж мои друзья, кузнецы! Они тоже заметили меня. Варес подошел и спросил:

— А ты знаешь, что бароны убили твоего защитника Мулликаса? Он лежит в луже крови на поле у Оллепа.

Это известие оглушило меня. Инстинктивно я еще раз посмотрел на помещичий дом. Со второго этажа улыбались лица барынь, а внизу, едва держась на ногах, стояли раненые бойцы. Руки мои сжались в кулаки и поднялись в немой угрозе. В тот момент я особенно глубоко почувствовал, что никогда не смогу забыть этой картины, что должен стать борцом за народное дело и беспощадно мстить богачам.

Наконец помещики, видимо, решили, что достаточно запугали местных крестьян. Грубыми окриками они загнали пленных в барский дом, где поместили их в дальнем углу темного коридора на нижнем этаже.

Дверь за пленными с грохотом захлопнулась. Мызные рабочие еще долго в подавленном молчании стояли во дворе. Недавно им ярко светил луч надежды, обещая свободу и землю. А сейчас он исчез вместе с ранеными бойцами за дверью барского дома. Понурился, рабочие начали один за другим расходиться по домам.

Я тоже поплелся домой. Мама встретила меня у двери встревоженными возгласами:

— Боже праведный! Что это с тобой стряслось? На тебе лица нет! Уж не заболел ли ты?!

Тут я не выдержал. Прижался к маме и, громко всхлипывая, излил наболевшее за день:

— Мама, там раненые мучаются... Мой Мулликас убит... Убийцы-помещики, их жены издеваются...

Мама сразу же подвела меня к кровати, откинула одеяло и проговорила:

— Успокойся! Забирайся под одеяло и больше ни о чем не думай...

Я быстро натянул одеяло на голову. В наступившей тишине я слышал только возбужденные удары собственного сердца. Наконец и они притихли. Как живые перед моими глазами стояли раненые. Они словно звали меня. И тут во мне родился непреодолимый порыв броситься к ним на помощь.

Но как это сделать? В одиночку это не по силам... Одного за другим я мысленно перебирал всех мужчин и мальчишек мызы. Да, каждый из них хотел бы помочь раненым. Большинство их во главе с мызными кузнецами пошли бы на штурм господского дома. Но что могли они сделать голыми руками против семидесяти-восемидесяти вооруженных помещиков! Несомненно, штурмующих потопили бы в крови. Что же в таком случае делать? Где выход?

«Пойду один и подожгу барский дом, — вдруг пришла в голову безумная мысль. — Пусть бароны изжарятся как овцы на вертеле! Но тогда сгорят и раненые бойцы, им не выбраться из огня!...»

Я слышал, как братья и сестры потихоньку легли спать. Они друг с другом говорили только шепотом. Все были в подавленном состоянии.

Наконец пришел домой отец и сразу же начал возбужденно обсуждать события дня.

— Эти люди никакие не разбойники, как их господа называют. Я отнес им воды и кое-что закусить. Удалось даже поговорить. Для них главное, чтобы народ получил землю. Они хотели свергнуть власть помещиков... — Отец тяжело вздохнул. — Ума не приложу, как выручить их из беды.

Отец с матерью еще немного поговорили, не догадываясь, что я не сплю и все слышу. Наконец и они легли спать.

Когда я проснулся, был уже полдень. Я быстро вскочил с постели и побежал в кухню, где мама хлопотала у плиты.

— Мамочка, а как же они? Что с ними будет?

Мама понимающе вздохнула:

— Еще рано утром под охраной их увезли на станцию Выхма. Говорят, оттуда их повезут в Вильянди.

С того дня исчезли зарева пожаров, каждый вечер вспыхивавшие в направлении Таллина. Потом все помещики разъехались из Кабала. А через некоторое время, в январе 1906 года, в Кабала прибыл карательный отряд. Первыми пришли несколько десятков конных драгун, затем около двухсот пехотинцев и два полевых орудия.

Господа офицеры (один из них, по имени Иваск, говорил по-эстонски) и часть солдат расположились в барском доме, остальные устроились в других мызных постройках.

Карательный отряд принес с собой всю жестокость военных порядков. Днем и ночью по мызе шагали патрули. После захода солнца жителям мызы запрещалось выходить из домов. Солдаты объявили, что будут стрелять без предупреждения.

Всем жителям округи строжайше приказали сдать какое бы то ни было оружие. За невыполнение приказа — расстрел. Скоро во двор мызы из волостного правления пришли сани, нагруженные всевозможными охотничьими ружьями. Взявшись за ствол, солдаты разбивали деревянные приклады о каменную стену. Металлические части ружей отправили в кузню, где на следующий день их расплющили на наковальнях.

У жителей волости, кроме того, отобрали еще много револьверов. Их вывалили на простыню, расстеленную на полу квартиры кубьяса. Наблюдая через окно, мы с Виллемом заметили миниатюрный с перламутровой отделкой «Монте-Кристо» и мгновенно потеряли покой. Сразу же начали придумывать, как заполучить такую чудесную вещь. В тот момент, когда мы, прижавшись лицами к стеклу, наблюдали за оружием, чьи-то сильные руки сзади схватили нас обоих. Мы обернулись и увидели перед собой одного из солдат карательного отряда, которого все особенно боялись. Наше замешательство, видимо, развеселило солдата.

— Ага! Попались, птички!

Но тут же потрепал нас по плечу:

— Не бойтесь! Вы славные мальчуганы! А что вы тут с таким интересом рассматривали?

— Револьверы, — объяснил брат, используя свои немногие познания в русском языке, приобретенные в Пилистрвереской приходской школе. — Один нам очень понравился.

— Покажи-ка, какой вам понравился, — попросил солдат.

Мы сразу же указали пальцами на маленький револьвер.

И тут же заметили, что на погонах солдата имеется одна нашивка. Стало быть мы имели дело не с простым солдатом, а с

ефрейтором. Значит, он был все же небольшим начальником. Заискивающим тоном брат заговорил о том, что господин начальник мог бы подарить нам этот маленький револьвер.

Ефрейтор рассмеялся.

— Сейчас я этого сделать никак не могу. А попозже, к вечеру, подарю. Но только, чтоб об этом никому ни слова!

Ефрейтор спросил, где мы живем. В ответ мы позвали его с собой. Мама, увидев нас с гостем, испугалась. Но узнав о наших приятельских отношениях, предложила ефрейтору сесть. Вскоре на огне зашипела сковорода, а чуть позже на столе перед неожиданным гостем дымилась яичница. Мама начала разговор с ефрейтором и сказала ему со слезами на глазах:

— Те, кого вы сечете у волостной управы, бедняки. Они и так несчастны. У них жены, дети. Почему же вы их наказываете? За что?

Ефрейтор вздохнул:

— Мы, солдаты, тоже из бедных. Но мы обязаны выполнять приказы своих командиров. Солдат, который откажется выполнять приказ, тотчас попадет под полевой суд и будет расстрелян. Таковы воинские порядки. Изменить их не в нашей власти.

— Ну, раз так, то не бейте так ужасно этих бедных людей, — попросила мама.

— Мы и так пытаемся это делать как можем, — ответил ефрейтор.

Когда стало вечереть, мы отправились к своему новому знакомому за револьвером. Сквозь окно мы опять наблюдали, как ефрейтор вошел в комнату и приблизился к куче револьверов. В то же время мы видели, как вслед за ефрейтором в комнату вошел вахмистр с черными усами на злом лице. Покручивая висевшую на руке нагайку, вахмистр оценивающе разглядывал лежавшее на полу оружие. Его взгляд остановился на маленьком револьвере с перламутровой рукояткой и он тотчас же взял его. Револьвер еще немного лежал на ладони вахмистра и затем медленно скользнул в его карман. Все наши мечты рухнули. Ефрейтор тоже с кислой миной наблюдал за вахмистром, но делать нечего: вахмистр был чином выше.

Закончив свое «героическое сражение» с безоружным населением Кабалаской волости, карательный отряд ушел, таща за собой по глубоким сугробам две пушки. Отряд ушел в соседнюю волость. Его путь отмечен лужами крови, свежими могилами, пепелищами сожженных крестьянских домов, слезами женщин и детей. Преступления карателей рождали в сердцах рабочих жгучую ненависть к господам и их власти.

После ухода карательного отряда жизнь постепенно пошла по обычному руслу. Луч надежды на светлую жизнь, казалось, навсегда скрылся за черными тучами. В имени по-прежнему работали на паразитов помещиков...

В домишках мызных рабочих постоянно гостили лишения и

горе. Прибавилась еще одна напасть — с необычной скоростью распространялись инфекционные заболевания. Не обошли они и наше семейство: скоро все, включая отца и мать, заболели корью. Я единственный оставался в добром здравии, выполняя одновременно обязанности врача, сиделки и кормильца семьи.

Через пару недель первым с постели поднялся отец. Потом поправилась мама. Дети продолжали болеть. Врач жил от нас в семи километрах, и каждый его визит стоил больших денег — месячного заработка отца. Такой роскоши наша семья не могла себе позволить. Поэтому каждый должен был самостоятельно бороться с болезнью. Особенно тяжело пришлось трехлетней Софи. Вдобавок к кори она заболела еще и дифтерией.

Целыми часами вместе с мамой я просиживал у ее кровати. Белой пенящейся слизи в горле Софи становилось все больше. Мама пыталась удалять ее чайной ложкой, без конца вычищая горло дочери. Но мы с отчаянием видели, как белая слизь тут же появлялась вновь и в конце концов болезнь победила — маленькая Софи задохнулась.

Мама прижала меня к себе и прошептала:

— Артур, никто из детей не должен знать об этом!

Мое горло сдавили судороги. Быстро выбежав во двор, я спрятался в тени еловой изгороди. Там, прижавшись лбом к каменной стене, я плакал до тех пор, пока не продрог от холода.

Революция 1905 года потерпела поражение. Царские нагайки и виселицы вновь стали полновластными хозяевами по всей Российской империи. Под охраной этих нагаек и виселиц продолжали свое паразитическое существование и прибалтийские бароны.

3

МЫ ПОЗНАЕМ МИР

«Мои университеты». Карьера «революционера» Вильмса. У Трефнера. Ссора отца с новым управляющим. Тяжкие последствия. На берегу Селигера. Новые места, новые знакомые.

Я испугался, когда в один прекрасный день мама заявила мне:

— Этой осенью отправлю тебя вместе с Виллемом в школу в Вильянди.

— Мамочка, опять в школу! Может хватит?

В памяти мгновенно всплыли все учебные заведения, в которых я к тому времени уже имел удовольствие обучаться. Первой была мызная школа для малышей. Начинная с трех лет, ее обязаны были посещать все дети рабочих мызы. Весь учебный процесс сводился к так называемому «рукоделию», которое пред-

ставляло собой возию с господским тряпьем. Разрезанные на кусочки поношенные вещи членов семьи барона и прочих домо-чадцев, доставляли «школьникам», которые должны были расщипать их на отдельные волокна. Шерстяная одежда господина барона имела более толстые волокна, поэтому щипать ее было немного легче, но зато в нос лезла густая, вопиющая пыль. Шелковые лоскуты от одежды женской половины баронского семейства не содержали столько пыли и пахли менее противно, но их тонкие нити доставляли много труда. Спина начинала ныть, кончики пальцев с каждой минутой болели все сильнее.

Волокна в зависимости от сорта собирали в разные мешки и снова отправляли на ткацкие фабрики. Благодаря этому, покупка новой одежды обходилась «бедному» семейству барона дешевле.

«Учеба» в школе продолжалась круглый год. Вдобавок ко всему детей заставляли зубрить библию и псалтырь. Всегда, когда я вспоминал время учебы в этой «школе», тотчас же снова чувствовал боль в спине и кончиках пальцев.

Следующей «кладовой знаний» для меня стала волостная школа в деревне Лаэва. Там тоже приходилось главным образом зубрить библию, но, кроме этого, учили еще читать, писать и считать. Учеба велась на русском языке. Преподавал все предметы один учитель, да и классная комната была только одна. Поэтому занятия с учениками всех трех классов проходили одновременно. Мне казалось тогда, что знаний, полученных в стенах этой школы, хватит до конца жизни.

Поэтому я с недоумением спрашивал маму:

— Чему же еще я пойду учиться?

— Сынок, ты даже не представляешь себе, как мало ты знаешь, — с улыбкой ответила мама.

Мама всегда мечтала дать образование своим детям. Заработок у отца был скудный, и поэтому она сама со свойственным ей упорством добивалась осуществления своей мечты: с раннего утра стучала ее швейная машинка. Но бедность слишком сильный и коварный враг, чтобы его можно было победить, строча на швейной машинке.

Злополучная школа для малышей стала одним из факторов, открывших перед нами более широкие перспективы. Бывший амбарщик Ойдерман получил повышение, став управляющим одной из мыз где-то недалеко от Таллина. С ним вместе уехала, разумеется, и его «фрау». Заведовать школой для малышей стала наша мама; ее заботам поручили и мызную аптеку. Аптека отнимала сравнительно мало времени, поскольку в ней не имелось почти ничего, кроме средств первой помощи: бинтов, йода, нашатырного спирта, валерьянки и еще каких-то мазей и настоек. Школе для малышей мама уделяла значительно больше времени, изо всех сил стараясь изменить обстановку в ней к лучшему. Она учила детей чтению, письму, прививала им некото-

рые трудовые навыки — то есть учила тому, что сама хорошо знала: вязанию, плетению. Конечно, нельзя было забывать и о господском «рукоделии» — волокна ткани требовалось сдавать к точно определенному сроку. Но как бы то ни было, все это давало теперь маме хоть и скромный, но зато постоянный заработок.

А чуть позже папу назначили на место Ойдермана, доверив ему ключи от мызных амбаров. Это еще больше увеличило доходы семьи. Благодаря этому я и смог осенью 1906 года продолжить свое образование в Вильяндиской начальной школе.

Любое начало всегда сопряжено с определенными трудностями. Поэтому поначалу и у меня на новом месте не все ладилось. В первое же утро мне пришлось выдержать насмешки своих новых одноклассников. Случилось это так. В тот момент, когда я раздевался у вешалки, кто-то взерошил мне волосы и под общий хохот других мальчишек выдавил сквозь смех:

— Этот, кажется, скоро нестись начнет!

Эта шутка взбесила меня, и я ответил на нее кулаком. Я оказался один против целой оравы и, скорей всего, здорово пострадал бы в этой баталии, не попадись мне на глаза стоявшая в углу кочерга. Как только это «оружие» оказалось в моих руках, нападавшие, расталкивая друг друга, разбежались. На шум появился директор школы Супп. Выяснилось, что мальчишка, которого я только что ударил, его сын. Но ссора закончилась благополучно. Стороны помирились, начались уроки. Ко всегдашней зубрежке библии здесь прибавились совершенно новые для меня предметы: история и география.

Более серьезное столкновение у меня произошло с учителем Кыртсмиком, имевшим обыкновение бить мальчиков, таскать их за волосы, драть за уши. На одном из уроков он ударил линейкой мальчика, сидевшего передо мной. На меня это произвело такое же впечатление, как если бы удар достался мне. Я вскошил и крикнул:

— Вы не смеете бить школьников!

Неожиданность происшедшего ошеломила учителя. На какое-то мгновение он замер и только отупело смотрел мне в глаза. Затем к нему, очевидно, вернулась способность оценивать происходящее. Бешено вращая глазами, он подскочил ко мне и начал выкручивать мою руку. От боли я окончательно потерял самообладание и всадил зубы в руку мучителя. Мгновенно получив свободу, я одним прыжком вылетел из класса, ворвался в класс, где давал урок директор, и закричал:

— Господин директор! Господин учитель Кыртсмик дерется на уроке!

Доселе неслыханное происшествие вызвало большой шум. Дело дошло до инспектора народных школ. Допросили учеников. Но на этом все заглохло. Я продолжал учиться. Однако весной в табель успеваемости Кыртсмик поставил мне за поведение двойку.

Чтобы избежать дальнейших недоразумений и ссор, осенью мама определила меня в Тюрискую церковно-приходскую школу. Тамошний директор Вирман, человек с широким кругозором, относился к своим обязанностям со всей серьезностью. Может быть благодаря этому в школе царил необычайный порядок. Остальные учителя — Мадиссон и Павлова тоже были приятными людьми и старались передать подросткам как можно больше знаний, терпеливо «разжевывая» каждый непонятный вопрос. Я чувствовал, что впервые попал в настоящую школу. Учился я там два года, в течение которых жил у маминного дяди Аадо Юриса, рабочего Тюриской бумажной фабрики. На лето уезжал домой, где проводил время в различных развлечениях, или работал на мызе, чтобы принести семье небольшой приработок.

Учителя приходской школы, где меня считали способным учеником, убедили маму в том, что я обязательно должен продолжить образование.

В поисках возможностей для продолжения учебы весной 1910 года я очутился в Тарту. В кармане у меня лежал адрес студента юридического факультета университета Юри Вильмса. Он был сыном крестьянина Кабалаской волости, а сестра его служила горничной в имении. В разговоре с мамой Юри обещал помочь мне в незнакомом городе. Он снимал двухкомнатную квартиру на улице Тяхтвере. В задней комнате стояли две кровати. На одной из них спал сам Юри, а вторая досталась мне.

Я с любопытством разглядывал студента, о котором много слышал как об активном участнике революции 1905 года. Я знал также, что именно по этой причине Юри исключили из Пярнуской гимназии. Мне было известно и то, что, не обращая внимания на издевки, Юри продолжал заниматься и экстерном сдал экзамены за среднюю школу. Я слышал также, что еще совсем молодой Вильмс несколько раз арестовывался царской полицией и сидел в тюрьме.

Все эти слухи подняли Вильмса в моих глазах до уровня героя, примеру которого я хотел бы следовать. И вот теперь я оказался под одной крышей с таким человеком!

Я следил за каждым движением Юри, отыскивая в нем необыкновенные, героические черты. От моего внимания не ушла ни одна мелочь. Когда на следующее утро Юри обтирался холодной водой, я заметил у него на спине два больших шрама, близко расположенных друг от друга. Когда я спросил об их происхождении, Юри ответил:

— Это рубцы от оперированных нарывов. — И добавил: — Из-за этих шрамов я уже много натерпелся: полиция думает, что из моей спины удалены пули. Именно поэтому меня и обвиняют в участии в московском вооруженном восстании в декабре 1905 года.

После этих слов ореол вокруг Юри, как самоотверженного революционного бойца разросся для меня еще больше. В моих

глазах он был настоящим героем баррикадных боев, стоящего под красным знаменем, под градом вражеских пуль.

Так прошло дней десять. Экзаменационная сессия у Юри в университете закончилась. Мне же оставалось сдать еще несколько экзаменов, и поэтому я должен был после отъезда Юри еще какое-то время прожить один в его квартире.

За день до отъезда Юри вошел в комнату пританцовывая. В высоко поднятой правой руке он держал сторублевую бумажку с портретом Екатерины. Он крутился по комнате и весело насвистывал:

— Ну, Артур, теперь снова все в порядке, — радостно сказал он. — Сейчас же пойду в ломбард и выкуплю свой новый костюм.

Скоро он вернулся на извозчике, запряженном двумя лошадыми. Два его университетских товарища, будущие врачи Кяэрнк и Йонсон, притащили в комнату ящик пива и две бутылки водки. На столе разложили закуску и посуду. Начался «банкет» по случаю окончания учебного года.

— Первый бокал я поднимаю за здоровье твоей тещи, Юри! — провозгласил Кяэрнк. — Потому как именно ее щедрость позволила нам провести вместе сегодняшний вечер. Да здравствует теща!

Все трое поднялись и до дна осушили бокалы.

— Второй бокал я поднимаю за успешное окончание учебного года! Призываю всех поддержать меня! — в свою очередь предложил тост Йонсон.

— А теперь поддержите меня! — сказал Юри и зашел «Gaudeamus».

Когда спели песню и со стола исчезло еще некоторое количество спиртного, будущие медики завели не совсем благопристойные разговоры.

От этих разговоров у меня вдруг так заскребло в душе, словно по ней кто-то прошелся рашпилем. Созданный моим воображением образ героя растаял, как воск, революционный ореол вокруг него улетучился, Юри опустился в моих глазах до уровня обычного мелкого буржуа, лавочника. Юри сам в большей мере помог этому, участвуя в унижительном и циничном зубоскальстве. Может быть этому в некоторой степени помогла стопка водки, от которой я не отказался в самом начале пиршества, но мне почему-то стало казаться, что на том месте, где до сих пор сидел рослый, широкоплечий Юри, развалился огромный племенной бык из мызы Кабала.

Из тумана, в котором постепенно рассевался ореол революционного борца, на меня смотрели красные выпученные бычьи глаза... Я потрянул головой, чтобы видение исчезло, но картина перед моими глазами стала еще ярче.

Тогда я неожиданно указал рукой на Юри:

— Это же племенной бык!

— Чего мелешь, парень! Ты уже, кажется, пьяный, — проговорил Юри.

Но Йонсон расхохотался:

— Ха-ха-ха! Парень, конечно, опьянел, но в цель попадает точно!

Юри сразу же заговорил о другом:

— Друзья, здесь душно, пошли на воздух!

И, недолго думая, в нижнем белье, босиком все трое выбежали на улицу. Я тоже хотел было последовать за ними. Но Юри, заметив мое намерение, запротестовал:

— Сиди здесь и, если хочешь, смотри в окно. Но только на улицу ни ногой!

Сидя у окна, я наблюдал, как Юри и его гости в одном нижнем белье устранивали «цирк» на крышах и заборах домов на другой стороне улицы.

На следующее утро Юри уехал. Вскоре в сопровождении хозяйки дома пришли два здоровенных детины в мундирах и спросили о Юри — они хотели знать, куда он поехал. Но я этого и сам не знал. Позднее я узнал, что Юри арестовали в доме отца, и два жандарма на почтовой повозке доставили его в тюрьму.

Я в это время стал учеником третьего класса гимназии Трефнера.

Не стану подробно описывать это своеобразное учебное заведение, которое несомненно внесло свой вклад в историю эстонской культуры. Не буду также касаться скрытых сторон жизни этой «школы господина Мауруса», так как, начини я делать это, мне трудно было бы что-либо добавить к уже написанному Антоном Таммсааре. Поэтому я ограничусь лишь самыми общими замечаниями.

В первый год учебы в гимназии я жил на чердачном этаже школьного пансионата, переделанном под общежитие. Учащиеся съехались из всех уголков России. Большинство, конечно, составляли эстонцы, в основном деревенские парни, но немало было и детей немецких колонистов из низовий Волги, из Екатеринославской губернии, из Крыма, из казачьих донских степей и других краев юга России. Часть учеников по возрасту не соответствовала установленным для государственных гимназий возрастным нормам. Многие были прежде исключены из других гимназий, как говорили, большей частью «за непослушание и неуспеваемость».

Почему-то именно меня инспектор назначил старостой третьего класса. В соответствии с инструкцией я должен был держать в крепкой узде довольно пеструю ораву мальчишек. Поскольку я оказался среди них физически самым сильным, несение этой обязанности не составляло труда. Никто не помышлял противиться мне. Вскоре я пользовался уже достаточным авторитетом среди своих одноклассников.

Но вместе с тем моя новая «должность» через некоторое

время столкнула меня по меньшей мере со странной педагогической системой директора, в которой очень важное место отводилось так называемому «живодерствованию». Именно об этом я и хотел бы сейчас поговорить, проиллюстрировав эту порочную систему воспитания двумя следующими эпизодами.

В один прекрасный день меня вызвали к самому Трефнеру. Он приказал немедленно привести к нему ученика из моего класса Павлова.

Павлов происходил из семьи староверов и носил длинные волосы. Мы вместе вошли в кабинет «старого Мауруса» и встали рядом. Какое-то мгновение директор молча смотрел на Павлова. Затем вдруг, издав воинственный клич «Ach, du Schinder!», набросился на мальчика и, ухватив его за волосы, стал бешено трепать их. Голова Павлова безжизненно болталась в руках директора, на глаза от боли навернулись слезы. Неожиданно Трефнер отпустил мальчика и стал бегать взад — вперед по кабинету с такой скоростью и усердием, словно боялся опоздать на поезд. Потом он резко остановился перед Павловым и заорал:

— По поручению твоего отца я должен тебя воспитывать. Я должен сделать из тебя человека! А ты, шельма, как себя ведешь?

Он снова схватил Павлова за волосы и снова раздался его воинственный клич: «Ach, du Schinder! Ach du Schinder!» Опять болталась голова Павлова и из его глаз текли слезы. Директор так же неожиданно, как и начал, вдруг прекратил истязание, заорав:

— Прочь с моих глаз! Не желаю тебя больше видеть!

И тут же добавил, обращаясь уже ко мне:

— Отведи его немедленно в класс!

От этой дикой сцены у меня забегали мурашки по телу. Еще в кабинете директора я подумал, что надо будет всегда стричься как можно короче. И уже на следующий день моя голова была гладкой, как брюква.

Эта предосторожность оказалась ненеправильной. Скоро и я получил свою долю маурусовского «живодерства».

Шел урок закона божьего, который вел пастор Пярлин. Павлов отсутствовал и я сел на его место. Пастору это не понравилось. Он потребовал, чтобы я пересел за свою парту. Я начал было объяснять ему, что на этом месте мне лучше слышно и видно, что происходит у доски, но тут распахнулась дверь и в класс, как вихрь, ворвался директор. Добежав до ученика, сидевшего на последней парте, он как всегда издал свой воинственный клич «Ach, du Schinder! Ach, du Schinder!», после чего повторилась уже знакомая нам процедура. Весь класс, затаив дыхание, наблюдал за экзекуцией. И картина, действительно, могла внушить кому угодно страх, и даже ужас. Длинная, широкая, уже успевшая поседеть борода делала Трефнера похожим по крайней

мере на святого. А поскольку он влетел в класс во время урока закона божьего, его внешность сама собой ассоциировалась с самим господом богом — именно таким его изображали в библии на картинках! «Вымучив» из своей жертвы вдоволь слез, директор повернулся к пастору:

— Что у вас тут происходило?

— Я приказал ученику сесть на свое место, а он не слушается.

Без дальнейших расспросов директор повторил свой обычный вопль и набросился на меня. Но ему не удалось ухватить ни одной волосинки на моей коротко остриженной голове. В душе я ликовал...

Первый порыв директорской ярости не причинил мне ни малейшей боли. Тогда он поднял мою голову и посмотрел мне в глаза. Я изо всех сил старался придать своему лицу жалостливый вид, но притворщиком я оказался никудышным. Экзекутор заметил затаенную радость в моих глазах и взялся за дело с еще большим ожесточением. Но глаза мои были сухи и выражали скорее ликование, чем страдание. Наконец Трефнер отпустил меня.

— Ты почему не слушаешься приказов пастора? — спросил он, тяжело переводя дыхание.

— Это место сегодня свободно. Сидя здесь, я лучше слышу то, что говорится у доски, господин директор!

— Если это место свободно, так пусть ученик сидит здесь, — сказал Трефнер пастору и быстро вышел из класса.

Так я стал победителем в споре с пастором.

Как позднее выяснилось, мальчишка с последней парты, которого экзекутировали первым, запустил резинкой в затылок впереди сидящему. Трефнер увидел это через смотровое окно в двери и сразу же бросился наказывать провинившегося.

В следующем году я отказался от трэфнеровского пансиона, поселившись на частной квартире в районе церкви св. Петра. Недалеко от моего нового жилища располагалась спортивная площадка общества «Тервис». Я всегда был равнодушен к спорту, и теперь все свое свободное время проводил на спортплощадке. Наибольшего успеха я добился в беге на длинные дистанции. Повидимому, этому способствовали десятки километров, пройденные по кабаласким лесам, а еще больше игра в теннис дочерей барона и их гостей. Игравшие не слишком заботились о точности своих ударов. Мяч улетал нередко за ограждающую сетку — босоногий мальчуган приносил его с быстротой молнии, так как хотел получить свои двадцать, а то и пятьдесят копеек, полагавшиеся за услугу.

Полученные в детстве навыки бега я теперь ежедневно совершенствовал на спортплощадке «Тервиса», даже не предполагая, что еще только раз я очень ненадолго заеду в Кабала, а затем навсегда распрощаюсь и с Тарту, и с обществом «Тервис», и со «школой господина Мауруса».

За время моего отсутствия в имение Кабала пришел новый

управляющий — фон Бреверн. Он с завидным рвением начал вынюхивать все вокруг и однажды вызвал к себе моего отца.

— Слушайт, Йохан, ты выращивай ошен много свињья. А где ты береш им этот еда?

Сначала отец говорил с управляющим из простого любопытства.

— До сих пор я выращивал каждый год четырех свињей. Семья у меня большая, все есть хотят. Вот и держу свињей.

— Ф этот год я разрешайт тебе держальт тфа свињья, не больше. Ты ворвайт им еда из мызный амбар, — заявил управляющий.

Такое незаслуженное обвинение разозлило отца.

— Это клевета, — сказал он. — Ты сам из рода немецких жуликов и воров!

— Молчать, мерзавец! — заорал управляющий, вскочив со стула.

— Получай, гад! — окончательно разозлившись, крикнул отец и запустил в голову управляющего тяжелую связку амбарных ключей.

Фон Бреверн едва успел увернуться, ключи просвистели в нескольких сантиметрах от него. Голова управляющего осталась цела, но обратно отец ключей уже не получил.

Так летом 1912 года нашей семье пришлось перебираться в Вильянди, где мы поселились в старом доме из одной комнаты, грозившем рухнуть каждую минуту. Но все же это была крыша над головой. Никаких сбережений за всю службу в имении отец не сделал. Едва хватало на хлеб. Поэтому сейчас особенно остро встала проблема питания. Отец и брат Виллем все время проводили в поисках случайного заработка. Мама, у которой окончательно рухнули мечты об образовании детей, надолго слегла в постель. Наши младшие — Леэни и Эдуард — были еще слишком маленькие, и поэтому все заботы по дому легли на мои плечи. Я стал одновременно истопником, поваром и официантом. Готовить я научился быстро, а точнее, это искусство уже давно было мне знакомо. Изю дня в день повторялся один и тот же цикл: на завтрак варил картошку, на обед — картошку, на ужин — тоже картошку, но в «мундире». Прихватив по пути солонку, я ставил готовую еду на стол. Воду можно было потреблять в неограниченном количестве. Пища посытнее — мясо, сахар, рыба, масло — стала для нашей семьи недостижимой роскошью.

Оказавшись в трудном положении, когда главной для отца стала забота хоть как-то прокормить семью, я, естественно, не мог и думать о продолжении учебы. Мне исполнилось 16 лет, и я считал своим долгом встать на самостоятельный путь в жизни. Эту мысль одобрили и некоторые тетушки, знакомые мамы. Они-то и начали подыскивать мне место и, наконец, нашли — далеко в России, у истоков Волги.

Итак, мне предстояло длительное путешествие в незнакомый мир. Грусть расставания несколько сглаживалась тем, что как раз за несколько дней до моего отъезда отец получил более или менее приличную работу.

Долгое время чайной вильяндского «попечительства о народной трезвости» заведовал дядя моего отца Реннит. Из-за преклонного возраста он попросил освободить его от должности, и отцу удалось занять это место. Чайная находилась в центре города, у базара, и имела шесть или семь комнат; публику туда больше всего притягивали два бильярда. По вечерам там собирались люди. Одни играли, другие просто смотрели, третьи заключали пари или ждали своей очереди. И бильярд, и чайные столы принадлежали государству, поэтому доходы от них ежедневно строжайше учитывались. Отец получал десять рублей зарплаты в месяц, плюс квартира в том же доме с казненным отоплением и освещением. Позднее папа с мамой стали торговать еще продуктами и папиросами. Доходы от них не принадлежали казне и давали дополнительные средства к существованию.

Хотя мои домашние теперь могли не бояться прежней нужды, я все-таки покидал их с тяжелым сердцем. Весна в тот год пришла рано. Когда утром 13 марта мама провожала меня на станцию, на полях белели только редкие островки снега. Но даже эта картина просыпающейся природы не изменила моего мрачного настроения. Ведь я отправлялся в чужие места. Какой он, этот далекий край, как примут там меня? Наверное, и мама думала о том же.

Сердце мое защемило. С каким удовольствием я вернулся бы сейчас домой! Но я ехал на заработки. Всю прошлую зиму мы прожили на картошке с солью и воде. Предстоявшее путешествие должно было положить конец этой убогой жизни. Поэтому я подавил волнение и решительным шагом направился к поезду. Последние вопросы, советы, поцелуи, слезы... Потом третий звонок, свисток кондуктора, и поезд тронулся. Все дальше увозил он меня от машушей платком мамы, а скоро и городские постройки Вильянди скрылись за холмами.

Проехали Мыйзакуола, Валга, Псков, Старую Руссу, Бологое... Промелькнули и другие станции, пока я не добрался туда, где мне предстояло жить и работать, — в Осташков, расположенный на берегу озера Селигер. До сих пор я знал об этих местах только по урокам географии в «школе господина Мауруса», на которых мы зазубривали названия городов Тверской губернии: Тверь, Торжок, Осташков, Кимры, Вышний Волочек. Еще я знал, что в этом городе шьют много сапог, в том числе знаменитые «осташи» для охотников и рыбаков.

В Осташков поезд пришел поздно вечером. Когда извозчицы сани, на которых я ехал от станции, остановились на центральной площади перед аптекой Хансена, стрелки часов приближались к одиннадцати. Я еще не успел вылезти из саней, как кто-то,

увидев меня сквозь застекленную дверь аптеки, громко сообщил о моем приезде «барину». Я вошел и тут же увидел самого «барина». Передо мной стоял человек средних лет, со смуглым, чересчур вытянутым лицом, которое казалось еще длиннее из-за черной козлиной бородки. Он заговорил со мной по-немецки, приглашая на второй этаж ужинать. За столом уже сидела его жена, женщина лет тридцати пяти, родом из Гамбурга, говорившая только по-немецки. Предложив мне сесть, хозяйка начала задавать разные вопросы. Я лихорадочно вспоминал полученные от мамы уроки хороших манер и старался не делать и не говорить ничего лишнего.

Наконец меня проводили спать в подсобное помещение аптеки, где стояли две кровати. Одну из них я и получил в свое распоряжение. На другой уже отдыхал ученик аптекаря Николай Николаевич Молчанов. При моем появлении он проснулся; опять начались расспросы, по-прежнему на немецком языке. Мой будущий сослуживец, смуглолицый парень, чуть выше меня ростом, оказался родом из Тарту. Он находился у Хансена уже полтора года и считался опытным работником.

В 8 часов утра мы оба уже стояли за аптечным прилавком. Погода выдалась холодной, заболеваний было сколько угодно, и работы, поэтому, хватало. Коля Молчанов стал моим главным учителем. Он давал мне одно поручение за другим. Одновременно я получал от него много ценных советов. Через несколько месяцев я почти догнал его: мне не представляло большого труда приготовить микстуру, порошок, мазь или даже пилюли. Я хорошо изучил содержимое всех коробок и ящиков. Когда я нанимался на работу провизор сообщил мне, что на первом году службы буду получать 10 рублей в месяц плюс питание и квартира, на втором — 15 и только на третьем — 20 рублей. Но уже через три месяца он увеличил мне зарплату до пятнадцати рублей, а через год — до двадцати пяти.

Сам господин Хансен работал в аптеке только по воскресеньям, когда в город наезжало много народу из деревень. Мой и Колин рабочий день заканчивался в половине десятого вечера. Мы закрывали двери аптеки и после этого всю ночь по очереди сторожили. Мы могли, конечно, в это время преспокойно спать в своей постели, но не имели права никуда отлучаться из дома и находиться всегда под рукой, если какому-нибудь запоздалому посетителю вдруг срочно требовалось лекарство. Были у нас и выходные дни: у Коли — понедельник, а у меня — четверг. В остальные дни мы с утра до вечера крутились как белки в колесе.

Почти все Колины знакомые скоро стали и моими знакомыми. Это были главным образом представители трудовой интеллигенции: школьные учителя, чиновники из городского правления, судебных органов и земства, наши коллеги из других аптек, а также их родственники, в основном учащиеся. В кругу новых знакомых я проводил вечера и свободные дни. Молодости всегда

присуща энергия: даже после самого тяжелого дня мне не сиделось на месте. Кроме того, в вечерние часы дел в аптеке уже бывало меньше и у прилавка мог оставаться лишь один из нас. Хозяин все лето жил где-то в деревне и в город навещался раза два в месяц. В его отсутствие всеми аптечными делами мы занимались сами.

Мои знакомые принимали меня радушно, со свойственным русскому народу гостеприимством. Здесь собирались представители самых разнообразных политических течений, отстаивавшие различные точки зрения. В центре внимания находились вопросы, обсуждавшиеся в Государственной думе и волновавшие широкую общественность. Спорили часто и отчаянно. Но в конце концов всех примирял преферанс. Если же после картежной игры подавали чай или что-нибудь горячительное, тогда в доме допоздна звучали песни. Особенно популярными были народные песни героического содержания. Меня покорила «Дубинушка».

«Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину,
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину».

Однако мои ошастковские знакомые дальше исполнения революционных песен не шли. Да и это они делали за закрытыми окнами и дверьми, в теплой квартире, пропустив предварительно стопку-другую горячительного. Так происходило изо дня в день, из месяца в месяц...

Но мне доводилось встречаться и с представителями других слоев общества.

Почти каждодневным посетителем нашей аптеки был Иван Антонович Антонов. Его привлекала сюда близость почтовой конторы. Став раньше, он вложил свои деньги в акции какого-то петербургского банка, и теперь внимательно следил за их курсом по страницам «Биржевых ведомостей» и «Вечернего времени». Не имея терпения дожидаться газет дома, он околачивался в аптеке, здесь же прикидывая, от каких акций следует немедленно избавиться и каких нужно, напротив, прикупить. После этого в адрес петербургского банка отправлялась срочная телеграмма с соответствующим распоряжением. Своими бедами и радостями, замыслами и планами Антонов делился с Хансеном, который тоже вкладывал свои барыши в биржевые операции. Иван Антонович являлся ярчайшим представителем паразитирующего капитализма: игра на бирже, скупка и продажа акций были его единственным занятием. К тому же, он состоял членом так называемого «Общественного собрания». По его рекомендации и я получил доступ в стены этой организации. Местная элита устраивала

здесь свои празднества и балы. Дамы, кавалеры, священники, офицеры, приезжие и местные, весело проводили там свое время.

Но истинными хозяевами Осташкова были Савины. Им принадлежали кожевенные и обувные фабрики, магазины. Они же стояли во главе городской управы. В аптеке они имели постоянный счет. По именам различать Савиных было почти невозможно. Вряд ли кто мог удержать их все в памяти. Савин Иван Иванович, Савин Иван Александрович, Савин Александр Иванович, Савин Иван Кузьмич, Савин Кузьма Иванович и так до бесконечности. Я, например, как ни старался, так и не смог всех запомнить. Но за каждым именем и отчеством стоял все же вполне определенный Савин, именитый гражданин города Осташкова, владелец может кожевенной, а может обувной фабрики, либо богатый купец. В отличие от меня, провизор Хансен очень хорошо знал их всех и пытался добиться того же от меня. Поскольку на имя Савиных поступало много рецептов, легко можно было ошибиться. Но выручали номера, имевшиеся на каждом рецепте.

Всех Савиных одновременно можно было лицезреть только раз в году — на пасху, когда они вместе с семьями, усевшись в большие сани, запряженные тройкой добрых коней, украшенных бубенцами и разноцветными лентами, несколько часов подряд раскатывали по самому длинному бульвару в городе, несколько раз проезжая мимо аптеки.

А простые люди пребывали в то же самое время в темноте и невежестве. Крестьян, сгибавшихся под тяжким бременем помещичьих поборов, можно было узнать издалека. Войдя в аптеку, они опускались на колени перед висевшей в углу иконой и, беспрестанно кланяясь и крестясь, произносили молитву. Иногда их, «воздающих славу господу», на полу аптеки собиралось около десятка. И только закончив молитву, они обращались со своими бедами и страданиями к нам.

Отцы церкви эксплуатировали крестьян ничуть не меньше, чем помещики. В одном только Осташкове насчитывалось несколько церквей и два монастыря: один — мужской, другой — девичий. А на другом берегу Селигера, вдали от города, стоял знаменитый монастырь Нилова Пустынь. Все эти богоугодные заведения и их обитатели всячески заботились о том, чтобы простой народ так и не вылезал из темноты и невежества. Тысячи паломников со всех концов России стекались в Нилову Пустынь, ища у тамошних святых помощи и защиты...

Когда я пишу об этом, перед моими глазами отчетливо всплывает типичная картинка из тогдашнего быта. Где-то недалеко от аптеки возник пожар. Бревенчатые стены двухэтажного дома трещали, охваченные ярким пламенем. Били церковные колокола; все больше народу собиралось к месту происшествия. Многие тащили ведрами воду и выплескивали ее в огонь. Но от этого мало толку. Я ждал, что вот сейчас примчатся пожарники в блестящих медных касках, вооруженные помпами и брандспой-

тами, как это бывало в Вильянди. И, действительно, через некоторое время в толпе послышались крики:

— Дорогу!

— Дайте дорогу!

Прибывали пожарники? Нет, к пожару приближались с одной стороны монашки из девичьего монастыря с изображением самой большой своей богородицы, с другой — монахи с иконой самого чудотворного из своих святых.

В толпе закрестились. Доносились возгласы:

— Слава богу! Наконец-то!

Деревянные изображения святых повернули ликом к огню. Вскоре подоспели другие изображения святых, рангом пониже. Их тоже повернули к пожару. Делалось все это крайне серьезно.

Люди стояли и иступленно крестились. Большие и маленькие, деревянные и металлические, серебрянные и бронзовые лики святых, принесенные из монастырей, уставились своими окаменелыми взглядами на разбушевавшееся пламя. А пожар делал свое дело: с треском обвалились стены и крыша дома, и, как бы желая посмеяться над святыми, останки строения запылали с еще большей силой. Наконец, от дома остались лишь дымящиеся головешки. Народ с прежним усердием продолжал креститься. То здесь, то там слышались вздохи:

— Да славят тебя, господи, все дела твои!

— Да будет воля твоя!

— Бог дал, бог и взял!

Монахи и монашки встали по четверо, чтобы взвалить на плечи носилки с тяжелыми святыми и с неопишуемыми почестями вернуть их на привычные места в монастырях.

Насколько больше пользы принесла бы одна ручная помпа с брандспойтом!..

Подобные наблюдения, а также контакты с представителями различных общественных слоев тогдашнего полупатриархального Осташкова оказали немалое воздействие на развитие моего мироощущения. Я учился все яснее видеть людей и окружающий мир.

4

В ДНИ ВОЙНЫ

Возникновение пожара мировой войны. «Пушечное мясо». Настал и мой черед. Приключения в пути. «Под ружьем». Случай в Вильяндиском полицейском участке.

Середина лета 1914 года. Медленно, лениво текла жизнь на берегу Селигера. Иногда казалось, что ее течение вовсе остановилось. Всеобщей лености способствовала необычайная жара. В

высоких ботах, с раскрытым зонтом по бульвару уже второй день прогуливался известный своими чудачествами помещик Палюбин. Он постоянно жил в городе, но на людях появлялся только раз в году.

Купцы с сонными лицами ждали покупателей, сидя за прилавками своих магазинов. Тихо напевая себе под нос, не торопясь, постукивали молоточками, копошились в своих крошечных мастерских ремесленники. Никто никуда не спешил. Я тоже стоял за аптечным прилавком, с трудом подавляя зевоту. Заказов на изготовление медикаментов поступало очень мало: тому причиной — хорошая погода.

Не было видно конца этой лениво текущей жизни. Долгожители этих мест со спокойствием заявляли, что так здесь бывало всегда и поэтому все считали подобное положение нормальным.

Ненадолго разнообразие в эту тихую жизнь вносил духовой оркестр, гремевший по вечерам в парке на берегу Селигера. Но он умолкал, и до следующего вечера все опять погружалось в дремоту.

И вдруг в эту сонливую жизнь начали врваться один за другим все более тревожные слухи о событиях в столице. Говорили о массовых забастовках рабочих, о крупных уличных демонстрациях. Находились даже очевидцы, видевшие все это своими глазами. Они рассказывали о кровавых столкновениях рабочих с полицией, о перевернутых трамвайных вагонах на улицах Петербурга.

Вскоре пришло известие, что сербский гимназист Гаврило Принцип убил наследника австрийского престола эрц-герцога Франц-Фердинанда. Потом стало известно об ультиматуме австро-венгерского правительства и об объявлении войны Сербии. События развивались с головокружительной быстротой: началась мобилизация в России, Германия объявила войну Франции и тут же ввела свои войска на территорию Бельгии. Затем последовали ультиматум английского правительства и объявление войны Германии.

Началась мировая империалистическая война. Город на берегу Селигера очнулся от дремоты. Никто уже не говорил о беспорядках в Питере. У всех не сходило с языка одно и то же слово:

— Война!

Повторяли хвастливое заявление какого-то царского генерала: «Позавтракаю в Петрограде, пообедаю в Варшаве, ужинать сяду в Берлине». Местные купцы не уступали ему в своей удали. «Шапками закидаем эту Германию», — вопили они с пеной у рта.

На вокзале в те дни можно было наблюдать душераздирающие сцены. В товарные вагоны с лаконичными пометками: «8 лошадей, 40 человек» грузили военнообязанных. Эшелон с эшелонем с мобилизованными уходили на фронт. Матери, жены с детьми провожали своих кормильцев. У большинства из них было

такое предчувствие, что в последний раз видят своих родных. Плач, крики, проклятия слились в единый разноголосый вой, и они уже не волновали никого, кроме самих расстающихся. Звучит сигнал отправления, и очередная порция «пушечного мяса» исчезала вдали. Ни днем, ни ночью не прекращалась на вокзале эта адская работа. Все новые и новые партии мобилизованных поглощала ненасытная глотка войны.

Я по возрасту еще не подлежал призыву, а вот мой брат Виллем в числе первых ушел шагать по суровым военным дорогам. Много позже я услышал рассказ о том, как их в Вильянди грузили в эшелон. А уже через несколько дней наспех обученных новобранцев бросили под Варшаву, в самый ад. День и ночь там шли ожесточенные бои, непрерывно поступало подкрепление. Но несмотря на самоотверженность и мужество русских солдат добиться успеха не удавалось. Превосходившие количеством немецкие орудия вели огонь осколочными. Под их градом солдаты русских полков гибли сотнями. А у царской артиллерии зачастую не было даже снарядов.

Но самые яростные бои завязались под Ловичем. Пехотный полк, в котором служил Виллем, в тот день отбил не одну атаку немцев. Огонь батарей противника все усиливался. Земля дрожала от разрывов снарядов крупного калибра. Густая пелена дыма застилала все вокруг. Ряды русских солдат, сидевших в траншеях, таяли с каждым часом.

Вдруг Виллем почувствовал сильный удар в голову, еще мгновение — и все покрылось мраком. Очнувшись, брат услышал немецкую речь. Он попробовал вскочить, но не смог: тело было словно зажато в тиски. Вокруг него суетились какие-то люди в белых халатах.

Оказалось, что он находится в немецком полевом лазарете, где провел без сознания целых пять дней. Осколок снаряда оставил на темени дыру диаметром в пять сантиметров. Врачи уже удалили из раны семь кусочков черепной кости. Но мозг, к счастью, задет не был. Из-за сильной контузии ноги и левая рука оказались парализованными. Так закончилась война для моего брата. В полку его занесли в списки пропавших без вести.

За это время и в моей жизни произошли изменения. После конфликта с фрау Хансен я взял расчет и направился в город Колпино, расположенный недалеко от Петербурга. Поскольку я уже имел опыт работы в аптеке, то найти место мне не составило большого труда. Недели через две я уже стоял за прилавком аптеки Курикова.

Самым крупным предприятием города был знаменитый Ижорский металлургический завод, на котором трудились тысячи рабочих. Они изготавливали снаряды, броню и другую военную продукцию.

Я с большим уважением смотрел в часы пересменок на толпы рабочих, могучей волной заполнявшие улицы. Скоро у меня

появились знакомые и друзья среди рабочих завода, в числе которых были и мои земляки.

Особенно частым гостем в маленькой комнатке, где я жил вместе с одним из своих сослуживцев, был Кусти, молодой браковщик снарядной мастерской. Его фамилию я, к сожалению, забыл. Нередко он приносил нам листовки, в которых разоблачалась грабительская сущность империалистической войны, просто и понятно говорилось о том, что война на руку только банкирам, капиталистам и помещикам всех стран, которые сказочно богатеют на выполнении военных заказов.

Большевистские листовки призывали брататься с солдатами неприятельских армий, призывали народ превратить войну грабительскую в войну гражданскую против империалистической буржуазии. Эти листовки разъясняли, что организованный рабочий класс должен во всех странах выступить в авангарде широких народных масс и руководить их борьбой против паразитирующих классов общества, являвшихся зачинщиками мировой войны. Лозунгом народных масс, на плечи которых легли все тяготы военного времени, должен стать: «Война — войне!»

* *
*

Около года длилась кровавая бойня. Эшелон за эшелонам отбывали на фронт маршевые роты, где их перемалывали на гигантских жерновах войны. Уже миллионы людей были одеты в солдатские шинели. Миллионы же полегли на полях сражений или стали калеками. Но и этого было еще недостаточно. Мобилизационные приказы следовали один за другим.

В мае 1915 года царь призвал в армию лиц мужского пола 1895 года рождения. В июле я поехал в Питер, чтобы купить себе обувь. Соскакивая с трамвая, я услышал крики мальчишек, разносчиков газет:

— Специальный выпуск! Царский манифест о досрочной мобилизации лиц 1896 года рождения! Первый призыв 7 августа!

Таким образом процесс превращения людей в пушечное мясо дошел и до меня. Я поехал в Вильянди, чтобы оставшиеся до призыва дни провести с родными.

В день призыва я уже с раннего утра был на месте. Комиссия начала работу. Я стоял в очереди восьмым. На вопрос председателя комиссии: «Здоров?» все семеро призывников, стоявшие передо мной, ответили один за другим:

— Болен!

— Раздевайтесь! На врачебную комиссию шагом марш! — следовал приказ председателя.

Фронт не отказывался и от людей с плохим здоровьем. Поэтому врачебная комиссия очень редко признавала кого-либо

негодным. Для этого нужно было быть либо полуслепым, либо одноруким или одноногим.

Я не имел никаких оснований жаловаться на свое здоровье. На стандартный вопрос председателя: «Здоров?» я быстро и коротко ответил:

— Здоров!

— Молодец! — гаркнул стоявший рядом унтер-офицер и похлопал меня по плечу.

— Призван! — произнес председатель комиссии и указал мне на какую-то дверь. Первым из призванных я вышел через нее и оказался во дворе.

Стоя у окна, я мог оттуда следить за работой комиссии, перед которой предстал как раз сильно хромавший призывник с кривой ногой. Один из врачей неожиданно стукнул парня деревянным молоточком по колену — нога тут же выпрямилась. Неудачнику указали на дверь во двор. Очередь дошла до паренька, который ощупывал руками воздух, как это делают слепые. За его спиной на высоте в полметра быстро натянули черную нитку.

— Слепой? Таких нам не надо! Можешь идти домой! — сказал председатель комиссии.

Парень быстро повернулся и направился к выходу. Но на радостях забыл про свою слепоту. Дойдя до нитки, он перешагнул ее.

— Назад! Призван! Во двор! — вырвалось сразу у нескольких членов комиссии.

Во всем этом не было ничего удивительного. Всегда находились молодые люди, кто хотел любыми путями отделаться от призыва в армию и для этого пытался обмануть комиссию. Но там сидели старые опытные вояки, видевшие на своем веку всякие трюки. Наивные хитрости призывников только забавляли их. Количество призванных быстро увеличивалось.

Чтобы проститься с родными, новобранцам дали три свободных дня. На четвертый день нас собрали в парке «Анстальт» перед немецкой гимназией, где мы должны были присягать на верность царю и отечеству.

В строю стояло более пятисот новобранцев. Около двадцати из них являлись православными. Они выстроились отдельно на правом фланге. Рядом с полковником, воинским начальником, принимать присягу шли поп Лусик и пастор Миквиц. Первый из них встал перед православными, второй — перед лютеранами.

Появление Миквица вызвало всеобщее волнение. После поражения революции 1905 года этот священнослужитель, немец по национальности, убеждал своих прихожан слушаться начальство. Он объяснял:

— Казацкая нагайка — это божья розга.

Молодежь знала об этом. Новобранцы, не долго думая, запе-

ли сатирическую песенку, в свое время ставшую чрезвычайно популярной и направленную острием против Миквица:

«Казацкая нагайка была божьей розгой...»

Пастор, раскрыв свой молитвенник, начал читать слова присяги. Стоявший рядом с ним полковник держал шапку в руках, вперив взгляд в землю. Вдруг до него донеслись все усиливающиеся звуки песенки. Он поднял глаза, увидел шапки на головах новобранцев, взял пастора за рукав и заорал что было мочи:

— Молчать, мерзавцы! Шапки долой!

Затем он повернулся к сопровождавшим его солдатам и крикнул:

— А ну-ка, дайте подлецам хорошенько! Сбейте у них шапки!

Солдаты кинулись выполнять приказ полковника, но до рукоприкладства дело не дошло. Призывники сами сняли шапки, и комедию с принятием присяги удалось кое-как довести до конца.

После этого новобранцев повели на продовольственный пункт. Но искры недавнего протеста еще не угасли, и выходявшая из парка колонна неожиданно запела «Марсельезу». Песню знали все. Родственники новобранцев, плотной толпой шедшие по обе стороны колонны, тоже пели. Все громче звучали слова этой революционной песни, поднимая настроение...

На улицах не было видно ни одного полицейского. Никто даже не пытался остановить пение. Солдаты, сопровождавшие новобранцев, шли молча, будто ничего не слыша.

Через несколько дней молодое пополнение повели на станцию. Со вздохами и плачем рядом со строем брели родители и близкие новобранцев...

Сразу же, как только позади остался Вильяндиский вокзал, новобранцы повели себя свободнее.

Если где-нибудь на станции вдруг появлялся человек, весьма смахивавший на помещика, новобранцы кричали:

— Бей баронов! Долой помещиков!

В прогуливавшегося по перрону представителя помещичьего сословия летели кости, горбушки хлеба — все, что попадалось под руку.

На станции Тюри к эшелону прицепили вагоны с новобранцами из Пайде. Если до сих пор мы ехали по узкоколейной дороге, то в Таллине нас пересадили в товарные вагоны широкой колеи. В Раквере в хвост эшелона прицепили еще вагоны с призывниками. Общее количество отправляемых на бойню приблизилось к полутора тысячам.

Раквересцы тоже провожали своих парней с плачем и стенаниями. Вильяндиские новобранцы уже безо всяких эмоций смотрели на эти печальные сцены. Боль, причиненная разлукой с близкими, утихла. Вагоны с парнями из Вильянди стояли прямо перед зданием вокзала. Большинство из нас сидело на крышах теплушек, откуда мы хорошо видели все происходившее вокруг.

Кто-то запел революционную песню, ее быстро подхватили

другие. Одновременно в воздух взлетели шапки. Толпы провожавших пели с нами.

Из здания вокзала выбежал начальник эшелона, сильно хромавший прапорщик, и встал посреди перрона. Несколько секунд он очумело оглядывался, а затем заорал:

— Молчать, мерзавцы!

Но песня звучала с еще большей силой. Как бы в ответ на это послышался звон станционного колокола, а вслед за ним и свисток кондуктора. Под звуки песни и под крики «ура», которыми публика на перроне приветствовала отъезжавших, поезд тронулся. Вскоре Раквере не стало видно.

Около полуночи эшелон прибыл в Нарву. Местные власти были готовы к его встрече. Вдоль длинного вокзального здания стоял плотный строй здоровенных полицейских. По-видимому, звуки революционных песен, исполняемых новобранцами, долетели уже и сюда. Все двери, ведущие в здание вокзала, оказались накрепко закрытыми. Нельзя было даже пройти в буфет. Много родственников парней, призванных в Раквере, пришло на нарвский вокзал, чтобы может быть в последний раз повидать близкого им человека, но на перрон их не пустили. Без толку ходили мы от одной двери к другой. Наконец, чаша переполнилась.

— Эй! Сакалаские новобранцы! — закричал я неожиданно для самого себя. — Выходи из вагонов! На штурм, бегом — марш!

Новобранцы высыпали из вагонов, как картофелины из мешка. Все пространство перед вокзалом превратилось в огромный потревоженный муравейник. Шум, гам, крики наполнили все вокруг. Сотни парней приготовились пробить строй полицейских и силой вломиться в здание вокзала. Оценив обстановку, начальник тотчас отдал распоряжение о немедленном отправлении эшелона. Послышался долгий звон вокзального колокола, перебивший шум и крики новобранцев.

— По вагонам! По вагонам! — раздались команды.

Грохоча буферами, эшелон стал набирать скорость. Из-за поспешного и неожиданного отправления многие отстали от поезда.

На следующее утро эшелон, груженный свежим пушечным мясом, прибыл в Красное Село, где находился крупнейший пункт сосредоточения царских войск.

Новобранцев отвели в бараки 176-го запасного полка. Здесь стояли двухъярусные деревянные нары. Из постельных принадлежностей выдали соломенный матрац, ширины которого хватало только на то, чтобы лежать на боку.

Спали мы впритирку друг к другу как селедки в бочке.

Через некоторое время настал день распределения по частям. О подозрительных настроениях вновь прибывших новобранцев и их проделках по дороге полковое начальство было, по-видимо-

му, уведомяно. Поэтому нас раскидали по разным подразделениям и частям, по двенадцать человек в каждый.

Вместе с ребятами из Псковской и Новгородской губернии меня отправили в 429-й Рижский пехотный полк, расквартированный в Пярну.

Когда мы прибыли в полк, нас построили. Принимать нас прискакал рослый, великолепной выправки офицер с погонами штабс-капитана. Он легко прыгнул с коня и, оставив его на попечение денщика, прошелся перед нами. Остановившись примерно на середине строя, он сказал:

— Здравствуйте, дорогие русские люди! Вас сюда призвали для того, чтобы научить защищать царя и отечество. Я люблю всех вас, и именно поэтому сам приехал принимать вас. Моя фамилия Хвостов. Может быть многим из вас она ничего не говорит. Ну так знайте, что мой дядя Хвостов — самый умный человек во всей Государственной думе. И он тоже любит вас. Желаю вам успеха на царской службе и надеюсь, что все вы станете верными слугами нашего любимого государя!

Потом этот потомок дворянского рода прошелся до конца строя. Он внимательно вглядывался в глаза каждого, стараясь найти в них выражение восторга и уважения к человеку, у которого такой умный дядя в Государственной думе. Сразу же вслед за этим молодое пополнение распределили по ротам. Я попал в девятую.

* * *

*

Всех новобранцев поместили в палатки, разбитые в лесу недалеко от мызы Таммисту, в двух километрах от Пярну, где из нас стали усердно делать солдат. Занятия шли одно за другим по строгому распорядку дня: строевые, стрелковые упражнения, изучение уставов. Этот распорядок никто не имел права нарушать.

В общем это была монотонная жизнь, о которой очень мало что можно рассказать. Мне запомнился только один эпизод, когда пришлось в полной мере испытать на себе весь идиотизм царской военной машины, и в немалой степени благодаря тому, что совершенствованию и без того изуверских методов муштры в данном случае здорово помогла... обыкновенная муха. Это случилось вскоре после того, как мы приступили к занятиям.

В сентябре 1915 года стояла в полном смысле слова золотая осень. Занятия на свежем воздухе доставляли одно удовольствие. Все шло в точном соответствии с распорядком. Третий день занятий ничем не отличался от двух предыдущих. Молодые солдаты маршировали и упражнялись с винтовками, зубрили параграфы воинских уставов. На этот раз старший унтер-офицер Барановский решил отвести нас на обед с песней. Он подозвал к

себе молодого солдата Николаева и приказал ему затянуть «Цыганочку». В то время это была популярная солдатская песенка, но нас, молодых, пока никто не учил ее петь. Поэтому многие просто не могли подпевать Николаеву. Барановский обвел всех злым взглядом и повторил приказ:

— Всем петь! Кто не будет петь, останется без обеда!

Но несмотря на суровые приказы унтера песня так и не набрала нужной силы. У палаток строй остановился. Указывая то на одного, то на другого солдата, Барановский приказывал:

— Выйди из строя!

Наконец его палец остановился и на мне.

— Ты тоже выйди из строя!

— Остальные на обед, шагом марш! — отдал он приказ. Затем повернулся к нам и сказал:

— А с вами мы вернемся на плац и продолжим занятия, пока вы у меня не запоете. Николаев, будешь запевать. Отделение, шагом марш!

Двенадцать наказанных пришли на плац. В первом ряду шел Николаев. Под командой старшего унтер-офицера Барановского с песней прошли через плац и обратно. Потом Барановский приказал:

— Николаев, можешь идти на обед! Остальные, бегом марш!

Одиннадцать новобранцев побежали. У меня от этого приказа голова кругом пошла. Я чувствовал, что унтер начинает издеваться над молодыми солдатами. Как-то сами собой мои руки оказались в карманах, я сгорбился, как перед прыжком, и медленно пошел вслед за остальными. Внутри у меня все кипело. Пораженный моей выходкой, унтер заорал:

— Эй, ты! Почему не бежишь?

— Иди к черту! — злобно огрызнулся я и продолжал медленно идти.

Это привело унтера в бешенство.

— Есть еще кто-нибудь, кто не хочет бежать? — крикнул он остальным.

Но десять молодых солдат продолжали бег. Вся злость унтера обернулась на меня:

— Все, на обед, бегом марш! А с тобой будет другой разговор. Сейчас же идем к офицеру!

И мы пошли к заместителю командира роты прапорщику Германскому. Унтер доложил:

— Ваше благородие! Этот новобранец отказался выполнить мой приказ, обругал меня и послал к черту.

— Так это было? — спросил прапорщик.

— Так точно! — ответил я и объяснил, что старший унтер-офицер заставлял всех петь песню, слов которой мы не знали. А за то, что я петь не мог, он приказал мне, как какому-то дураку, бегать взад-вперед по плацу.

— Ты что не знаешь, что в армии любой приказ команди-

ров — закон для подчиненных? — спросил прапорщик и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Все приказы выполняют без размышлений! Невыполнение приказа командира — самое тяжкое преступление для солдата! Дела такого рода разбирает полевой суд. Ты это знаешь?

Мне стало ясно, что дальше следует быть предельно осторожным. Я ответил, что твердо знаю одно — меня призвали защищать отечество. Чтобы выполнить этот свой долг я в любой момент готов без передышки пробежать хоть пятьдесят верст. Даже больше — я готов бежать пока сил хватит. Но сейчас старший унтер-офицер Барановский издевается надо мной, как над защитником отечества, и этого я вытерпеть никак не могу. Это выше моих сил.

Прапорщик задумался. Он глядел то на меня, то на унтера, то на носок своего начищенного сапога. Наконец он сказал:

— Единственное, что смягчает вашу вину, это то, что вы пока еще молодой солдат и не знаете существующих в армии порядков. Но по уставу я все-таки обязан вас наказать. Если я этого не сделаю, то сам заслужу наказание.

Помолчав немного, прапорщик отпустил нас.

Но не успели мы с Барановским отойти шагов двадцать, как он закричал нам вслед:

— На час под ружье!

Как правило, «под ружье» отправляли минимум на два часа. На плечи солдату вешали вещевой мешок весом килограммов в двадцать пять. Винтовку, прислоненную к левому плечу, следовало держать за приклад. Так в полном боевом снаряжении солдат обязан был стоять по стойке «смирно» и ждать приказа командира. Стоило только пошевелить рукой или ногой, и отсчет времени начинался заново.

Мне прапорщик в наказание определил только половину обычного времени, но для новобранца и это представляло немалую трудность. Я еще не привык держать винтовку на плече. Левую руку приходилось неимоверно напрягать, чтобы винтовка оставалась неподвижной.

Но особенно затруднительным мое положение стало тогда, когда какая-то бесстыжая муха начала обследовать мой нос. К сожалению, она не ограничилась только внешним осмотром, а забиралась в ноздри. Стоя как каменная статуя, я пытался согнать ее, двигая кончиком носа. Но несмотря на все мои усилия, муха продолжала бродить по моему лицу, и я не мог избавиться от надоедливой насекомого. А из глубины палатки за мной следила пара внимательных глаз. Если бы я хоть чуть-чуть пошевелился, унтер тотчас же объявил бы недействительным уже прошедшее время, и все началось бы сначала. Но час наказания, проведенный в единоборстве с мухой, оказавшейся в данной ситуации сильнее царского солдата, истек. Получив от унтера команду «вольно», я первым делом изо всех сил тряхнул голо-

вой и избавился от противного насекомого, так безжалостно мучившего меня почти целый час. Виновный отбыл наказание, стоял под ружьем, требование устава было выполнено. Но в моей душе это бессмысленное издевательство еще более усилило непримиримую ненависть к существующему строю, покоящемуся на насилии и произволе.

Выучка молодых солдат длилось около двух месяцев, после чего они еще раз присягнули на верность царю и отечеству. Затем полк приступил к охране побережья Балтийского моря. В декабре меня перевели в Красное Село и определили работать по специальности в аптеке госпиталя.

* *
*

Вскоре в Петроград прибыл мой брат Виллем. Немецкие военные власти обменяли его на своих пленных, признав совершенно негодным к воинской службе. Это была первая группа возвратившихся из плена инвалидов. Она состояла из 150 человек. Они проехали Данию, Швецию, Финляндию. В госпитале прибывших самолично посетил Николай II. Виллем в числе других получил из его рук взамен здоровья Георгиевский крест IV степени. Брату назначили ежемесячную пенсию в несколько рублей и отправили домой.

* *
*

В конце 1916 года я получил отпуск на десять суток. Приехав в Вильянди, я в тот же вечер вместе с отцом пошел в воинскую канцелярию зарегистрировать свое прибытие. Но оттуда нас направили в полицейский участок. Там находились четверо полицейских. Одному из них я протянул свои документы.

Полицейский долго держал в руках мое удостоверение, разглядывал его со всех сторон, затем вернул мне и сказал:

— С этим вы должны идти на вокзал, к коменданту этапа. Мы эти документы не регистрируем.

— Какого черта тогда меня сюда послали! — разозлился я.

— Если бы вы сюда не пришли, мы бы вас сразу же арестовали, — ответил полицейский.

— Тот, кто попробовал бы это сделать, тотчас же получил бы по зубам! — парировал я.

Все полицейские вскочили, как один.

— Повторите, что вы сейчас сказали!

Отец дергал меня за ремень, давая понять, что самое время

покинуть это злополучное заведение. Но я был настолько взбешен, что, не задумываясь, повторил свои слова. «Фараоны» так и замерли с разинутыми ртами, а я вслед за отцом, не торопясь, вышел из участка.

Утром 1 января, когда дома все еще спали, мне принесли распоряжение начальника вильяндиской полиции явиться к девяти часам в участок.

Я уже собрался идти, когда отец сунул мне в карман шиннели браунинг и сказал:

— Знаешь, у нас в городе полиция имеет дурную привычку бить кого хочет. Ты уж себя бить-то не давай! Если дело совсем плохо обернется, пальни разок-другой и удирай. Только после этого домой больше не показывайся. Попробуй выбраться из города и скрыться.

— Вот это мужской разговор! — подтвердил и брат Виллем. — Так ты, Артур, и делай. Может тебе и не придется долго в бегах быть: все равно в один прекрасный день придет конец прощазу «фараонов».

Точно в девять часов я, соблюдая все правила воинской субординации, предстал перед начальником полиции, носящим чин подполковника.

— Хм! — промычал начальник, внимательно разглядывая меня. — Сам унтер-офицер, такой бравый... и обещал моим полицейским надавать по зубам?

— Так точно, ваше высокоблагородие! — рявкнул я, выпятив грудь.

— А за что же? — спросил подполковник.

— За то, что они безо всякой на то причины обещали меня, защитника царя и отечества, арестовать.

— Хм! — снова промычал начальник полиции. Потом он дважды прошелся по комнате, по-видимому, обдумывая, что делать дальше. Неожиданно он остановился, посмотрел на меня еще пристальнее, поднял палец вверх и самым серьезным тоном проговорил:

— В соответствии с приказом верховного главнокомандующего, его императорского величества нашего государя, армия и полиция обязаны рука об руку бороться с внутренними и внешними врагами. А вы грозитесь избить полицейских! Да еще в присутствии гражданского населения, тем самым подстрекая его к бунту! Эти действия есть прямое нарушение государева приказа. Куда это годится?

Я ответил, что полицейские первыми стали угрожать мне, а из гражданского населения там присутствовал только мой отец.

Начальник полиции снова стал ходить по комнате. Я стоял, выпрямившись и не шевелясь, как будто находился в почетном карауле у самого царя. Не переставая наблюдать за поведением начальника полиции, я все время помнил и о лежавшем в кармане револьвере.

Наконец, подполковник остановился прямо передо мной, и немного помедлив, спросил:

— Хорошо это было бы, если бы я вас сегодня, в первый день нового года, арестовал?

— Никак нет, это было бы очень плохо, ваше высокоблагородие!

— Ха-а! Плохо! А грозиться избить полицейских, это хорошо? — Он сделал еще круг по комнате и сказал:

— Ладно, на этот раз иди! Но впредь не забывай, что согласно приказу верховного главнокомандующего у полиции и у армии общие враги. И именно поэтому полиция и армия должны всегда действовать вместе, подчиняясь одной воле. Можешь идти!

Щелкнув каблуками, я строевым шагом промаршировал мимо сидевших в первой комнате «фараонов».

Отпуск пролетел быстро. Перед отъездом у меня произошел серьезный разговор со старшим братом. Как-никак он уже побывал в некле войны и многое понял сам, а кое-что слышал от других, находясь в Германии в плену. Жизнь привела его к твердому убеждению, что чаша народного терпения вот-вот переполнится и следует ожидать великих событий.

— И ты тоже можешь принять в них участие, когда в столице завертится, — заключил он. — Уж лучше погибнуть в борьбе с царизмом, чем отдать концы на фронте, защищая интересы горстки паразитов.

Я был полностью согласен с братом и готов к любым испытаниям.

5

ДОЛОЙ ЦАРЯ!

Власть нагаек в предсмертных судорогах. Народ сбрасывает оковы. Первый военный министр «свободной» России. Вильянди. Приезд Ленина. В Центральном Комитете. «Опубликовать секретные договоры!». «Граждане, вы останетесь без хлеба!»

Петроград. 23 февраля 1917 года — Международный женский день. Шагая вдоль Обводного канала, я спешил на поезд, отправляющийся с Балтийского вокзала в Красное Село. Оставалось пройти еще несколько сот метров, когда я услышал знакомые звуки. Это была революционная рабочая песня.

Я остановился и посмотрел вокруг. Со стороны фабрики «Треугольник» приближалась большая колонна женщин-работниц. Они несли кумачовые транспаранты с лозунгами: «Долой войну!», «Мира!», «Хлеба!»

Мощным призывом звучали слова боевой песни:

«Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, люд голодный!
Раздайся клич мести народной!
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!»

Казалось, что вместе с людьми поет все вокруг: дома по обе стороны канала, сам канал, небо над головой и земля под ногами.

Заполнив собой всю улицу, колонна направилась к центру города.

Я стоял, как зачарованный и спрашивал себя, неужели действительно начались те события, которым предстоит осуществить самые сокровенные чаяния всех трудящихся?

Занятый своими мыслями, я и не заметил, как ко мне подбежали две женщины-работницы и ухватили меня за рукава шинели: — Солдат, миленький, пойдем с нами!

И раньше, чем успел им что-либо ответить, я оказался в первом ряду демонстрантов. Под звуки песни ноги шли легко, как-то сами собой. Голова колонны приближалась к вокзалу. Всем казалось, что дальше путь свободен.

Но неожиданно все резко изменилось. Из переулка недалеко от вокзала показался отряд конной полиции и двинулся навстречу колонне. Полицейские с длинными черными усами, в черных шинелях и высоких черных папахах восседали на вороных конях. Все яснее слышался беспорядочный стук копыт.

Это были охранники кровавого царя, привыкшие безжалостно копытами своих лошадей топтать, давить, убивать всех несогласных.

Дикая, не знающая пощады сила быстро приближалась к демонстрации. Уже слышен храп лошадей, видны красно-синие от неумеренного употребления водки носы всадников, их злые глаза.

— Не бояться! Твердо держаться вместе! — раздался возгласы демонстрантов. А когда полицейские приблизились на расстояние двадцати шагов, чей-то звонкий голос в колонне крикнул:

— Первая очередь, огонь!

И на всадников посыпался дождь булыжников. Полицейские на мгновение дрогнули...

— Вторая очередь, огонь! — снова прозвучала команда.

И опять на полицейских обрушился каменный град. Кое-кто из всадников свалился с лошади на мостовую, другие пригнулись, ухватившись за конские гривы. Камни демонстрантов еще больше озлобили полицейских.

— В атаку марш! Руби! — раздался громовой голос полицейского офицера.

В то же мгновение в воздухе блеснули вынутые из ножен шашки. Пришпоренные лошади галопом двинулись на демонстрантов. Одним прыжком я оказался на тротуаре и, чтобы не быть раздавленным лошадьми, прижался к стене дома. Я видел, как конные полицейские смешались с рядами женщин-работниц, как безжалостно они рубили шашками направо и налево. Лошади подминали под себя людей, топтали их подкованными копытами. В воздухе повисли вопли жертв и непристойная брань палачей. То здесь, то там снег краснел от крови.

Сжав кулаки, я в бессильной злобе скрежетал зубами. Как и участницы демонстрации, я в тот день тоже был безоружным. Под впечатлением только что виденной кровавой расправы, я сел в поезд и в подавленном состоянии прибыл в Красное Село.

Оказалось, что командование за время моего отсутствия установило строжайший порядок, согласно которому нижним чинам категорически запрещалось покидать расположение своей части. Но несмотря на это, известия о бурных событиях в Петрограде проникли в казармы. Они вызвали оживление, у всех появилось желание принять в них непосредственное участие.

Через пару дней мой сослуживец, бывший питерский рабочий Коля Хрунков отозвал меня в сторону и, понизив голос, сказал:

— Махнем в Питер? Руки чешутся, дела просят. Сил больше нет сидеть здесь!

С Колей мы дружили давно. Часто беседовали о войне, о страданиях народа. Душой и телом Коля ненавидел угнетателей трудового народа. О царе он никогда не говорил иначе, как «дурак Николашка», которого надо отправить вслед за Гришкой Распутиным на тот свет. Я согласился поехать с ним. Единственная трудность состояла в том, как беспрепятственно добраться до столицы.

— Прoberемся на станцию, влезем в поезд, а там посмотрим, — предложил Коля.

Так и сделали. Дорогу на станцию прошли с максимальной осторожностью, стараясь не налететь на патруль военной полиции. К счастью, все обошлось благополучно. Поскольку станция усиленно охранялась, мы миновали ее и в канаве у семафора подождали, пока поезд тронется. Выбежать из канавы и вскочить на подножку вагона было для нас нетрудным делом.

Железнодорожники, обслуживавшие поезд, пока не могли сказать нам ничего определенного о положении в Питере. Никто точно не знал, что там происходит. Поэтому мы решили действовать осторожно, предварительно обдумывая каждый шаг. В случае, если при приближении к станции назначения заметим какую-либо опасность, мы решили, что тут же спрыгнем с поезда и попытаемся скрыться среди вагонов на запасных путях. Этот путь нам был хорошо знаком: мы успешно использовали его и во время прежних своих поездок в Питер.

Мы особенно внимательно вглядывались в приближающийся перрон Балтийского вокзала. И вдруг нас охватила неопишуемая радость: еще издали мы заметили красные полотнища, развевавшиеся над зданием вокзала. Потом увидели множество оживленно беседующих людей.

— Смотри, Артур! Это же наши! — воскликнул Коля.

Ощущение безграничного счастья переполнило все мое существо, на глаза навернулись слезы. Это были слезы радости. Народ ликовал. Впервые почувствовали себя свободными те, кто до сих пор всю свою жизнь терпел нужду и оскорбления, кто еще до появления на свет был обречен на унижения, те, кто с малых лет должен был гнуть спину на господ, повиноваться им, беспрекословно выполнять все их приказы. Солдаты, еще вчера презрительно именуемые господами «серой скотиной», сегодня почувствовали себя людьми, распрямили свои спины.

Вспоминая тот день, даже трудно сказать, когда и кто вручил мне и Коле Хрункову винтовки, когда и кто опоясал нас пулеметными лентами: настолько быстро все это произошло. Мы двигались по улицам Петрограда в едином мощном потоке. Мы не видели никого, кто руководил бы действиями народных масс. Но все — и старые, и молодые, в серых и черных шинелях, в разноцветных пальто, — без чьего-либо приказа двигались туда, откуда слышались выстрелы, чтобы смести препятствие, которое могло бы помешать революции.

Попытки отдельных, изолированных друг от друга приверженцев самодержавия сдержат натиск людского потока нацеленными винтовками и пулеметами, успеха не имели.

Мы вышли на Измайловский проспект, когда шальная пуля ранила кого-то рядом в руку.

— Товарищи! На колокольне Измайловской церкви засели «фараоны»! — крикнул кто-то, и сразу же раздался многоголый лозунг:

— Бей «фараонов»!

По колокольне открыли огонь. Под градом пуль вниз посыпались осколки камня и стекла. В тот же момент посреди улицы остановился открытый легковой автомобиль, с которого ожесточенно застучал пулемет «максим». Одновременно церковь осадил тысячи людей, стараясь отрезать «фараонам» путь к отступлению.

Чем кончилась эта осада, я не узнал, так как нам с Колей удалось забраться в кузов проезжавшего мимо грузовика с солдатами. Восторженными криками «ура!» и взлетающими в воздух шапками приветствовали солдат толпившиеся у домов жители, в основном женщины, старики и дети.

Все дома, в которых могли находиться «фараоны», обыскивали от подвалов до крыш. Повсюду сопротивлению царских жандармов и полицейских приходил конец. Большую помощь в этом

оказывали мальчишки, которые лучше всех ориентировались в обстановке.

Мы проехали немного и у высокого дома на углу Обводного канала увидели группу мальчишек.

— Товарищи! Остановитесь! — кричали они.

Грузовик остановился.

— Ну, что?

— С чердака этого дома жандармы обстреливают улицы, выходящие на канал.

— Наверх, товарищи! — скомандовал кто-то и бойцы устремились в дом. Этаж, еще этаж, еще... Оказавшись у цели, я толкнул дверь на чердак. У открытого окна лежал, прильнув к пулемету, «фараон». Услышав шаги, он обернулся и его рука потянулась к кобуре с револьвером. Но мой прыжок оказался проворнее, и штык сделал свое дело. Раздался дикий рев. Тут я заметил, что вслед за мной в тело «фараона» вонзилось еще несколько штыков. Убитого жандарма солдаты выбросили в окно...

В тот же день части петроградского гарнизона и рабочие промышленных предприятий выбрали своих представителей в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Время было уже далеко за полночь, когда адская усталость, наконец, одолела нас и мы решили устроиться на ночлег прямо на Невском, в зале кинотеатра «Паризьен» (ныне «Октябрь»). Но это оказалось не таким простым делом: кинотеатр был битком набит людьми. В креслах, не выпуская из рук винтовок, готовые в любой момент ринуться в бой, дремали революционные бойцы. За ночь обитатели кинотеатра несколько раз вскакивали по тревоге. Едва мы успели найти себе место и закрыть глаза, как тотчас же были подняты чьими-то криками:

— Эй, товарищи! Все быстрее на улицу! Стреляют из черного автомобиля!

На ходу заряжая винтовки, бойцы устремились на улицу. Мы тоже не хотели отставать от других. Но к тому времени таинственный автомобиль уже скрылся и нам не удалось его увидеть.

На следующий день мы побывали в Таврическом дворце, где находился временный комитет Государственной думы, возглавляемый Родзянко. Этот крупный помещик сформировал здесь Временное правительство. Здесь же начал свою работу и другой орган власти — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Ко дворцу одна за другой подходили части гарнизона, чтобы заявить о своей преданности делу революции. Комнаты дворца были переполнены солдатами и рабочими. Большею частью они сидели или лежали на полу. Все были готовы выступить по первому сигналу на защиту революции.

К вечеру распространился слух, что царь направил на Петроград корпус георгиевских кавалеров. Революционные части гарнизона и отряды вооруженных рабочих заняли вокзалы, чтобы

встретить царских солдат и в случае враждебных действий с их стороны решительно разгромить.

Мы с Хрунковым направились на Балтийский вокзал. Площадь перед вокзалом, перрон и само здание вокзала кишели сотнями солдат, матросов и вооруженных рабочих. Мы устроились в ожидании дальнейшего развития событий. Примерно в полночь на стул влез какой-то офицер в чине поручика. На груди у него виднелась красная ленточка — признак того, что ее обладатель за революцию. Поручик поднял руку и объявил:

— Товарищи! Вам выпало большое счастье! Вы своими глазами увидите первого в истории военного министра свободной России Александра Ивановича Гучкова. Он прибывает сюда через пятнадцать минут!

Я никогда в жизни не видел живых министров, поэтому новость нас заинтересовала. Поручик повторил новость еще пару раз.

Наконец, прибыло само «большое счастье» — Гучков, один из лидеров крупной русской буржуазии. Со ступенек Балтийского вокзала он выступил с речью перед собравшимися рабочими и солдатами. Я стоял совсем близко от него и хорошо разглядел его тучную фигуру, заплывшее жиром лицо с большим мясистым носом. Таких тогда называли «типичными буржуями».

Занимаясь больше изучением его внешности, я почти не вникал в содержание речи. Во всяком случае я ничего из нее не запомнил. Но когда Гучков, подняв над головой шапку, закончил свою речь словами: «Да здравствует новая, свободная Россия! Ура!» — все солдаты, находившиеся на площади, дружно ответили, подбрасывая в воздух свои шапки.

Все они мечтали о «новой, свободной России». Но какой она должна быть, эта новая, свободная Россия? И что понимать под словом «свободная»? Никто не задавал себе тогда этих вопросов. Всем казалось, что слово «свободная» само по себе не требует никаких объяснений. Никто в тот момент и не подозревал, что, будучи вождем крупной русской буржуазии, Гучков мечтал под вывеской «новой, свободной России» продолжать безграничную эксплуатацию рабочего класса.

Рабочие и солдаты, в течение нескольких дней свергнувшие царизм, не смогли воспользоваться победой в своих интересах. Под прикрытием революционных фраз и красных ленточек на груди меньшевикам и эсерам удалось завоевать большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов и пойти на услужение буржуазии.

Но корпус георгиевских кавалеров до Петрограда не доехал: его остановили еще на пути в столицу.

*

Победа Февральской революции в Петрограде заставила меня вспомнить о моем родном городе Вильянди. Перед глазами встали тамошние рослые «фараоны» — родные «братья» петроградских. Вспомнился их начальник, чьим «мудrostям» я вынужден был внимать пару месяцев назад.

Времени для размышления не имелось. В тот же вечер я сел в поезд. Когда ранним утром на следующий день прибыл в Таллин, то сразу увидел развевающие повсюду красные флаги. Таллин одним из первых последовал примеру Петрограда, свергнув царскую власть.

В Вильянди я добрался ночью. Как выяснилось из рассказов моих родных, царским прихвостням удалось незаметно исчезнуть из города. Сколько не искали ненавистных «фараонов», все напрасно — они словно сквозь землю провалились.

Во время утренней прогулки я получил уже более точное представление о настроении горожан. Здесь, как и везде, царил революционный подъем. Часто попадались люди с красными ленточками на груди. Город переживал медовый месяц свободы. Вокруг говорили только о ней. При этом и здесь никого не заботило, какой будет эта свобода в реальной жизни. Каждый был уверен, что революция принесла свободу именно ему и его классу. Так думала буржуазия, на это надеялись рабочие, безземельные крестьяне, батраки. Все торжествовали победу революции, опрокинувшей ненавистный царский режим.

Однако в то время, как рабочий народ наивно радовался достигнутой победе, руководители буржуазии пытались использовать ее исключительно в интересах своего класса.

Созданное в Петрограде при активном содействии соглашательских партий буржуазное Временное правительство назначило повсеместно своих комиссаров, которые начали на местах осуществлять власть капиталистов. В Вильянди таким комиссаром стал адвокат Тальтс.

*
* * *

Буржуазное Временное правительство и поддерживавшие его соглашательские партии решили направить революционный порыв масс прежде всего на продолжение империалистической войны, представляя ее войной революционной. Их ораторы и разбрасываемые повсюду листовки ставили своей целью внушить народу мысль о необходимости довести войну до победного конца.

На каждом углу можно было услышать или прочесть:

— Если раньше мы проливали свою кровь за царя и отечество, то теперь, когда мы свободны, когда в наших руках свободная Россия, мы все должны сражаться за нее до последней капли крови. Мы не должны забывать, что у границ нашей родины стоят войска германского кайзера, угрожая нашей с вами свобо-

де. Мы все как один должны сражаться до полного разгрома кайзеровской Германии.

По своей легковерности многие вначале поддались демагогии, став обманутыми буржуазией «добросовестными оборонцами». Но тут произошло событие, давшее мощный толчок к изменению политической ситуации.

В начале апреля в Петроград прибыл Владимир Ильич Ленин. Как по мановению волшебной палочки, газеты всех буржуазных и соглашательских партий подняли невообразимый шум.

«Прибыл Ленин! Революция в опасности!» — кричали заголовки буржуазных газет.

Мы с Колей Хрунковым успели побывать на собраниях и митингах всяких политических партий. Мы слышали речи их лидеров и выступления рядовых членов. Но это не прибавило ничего к тому, что мы вынесли из огня боев Февральской революции. Народу, слушавшему их заумные разглагольствования, не оставалось ничего другого, как продолжать войну до победного конца и по-прежнему гнуть спину на капиталистов, помещиков и прочих паразитов.

Прочитав в газетах об «опасности», которая «угрожает революции» с прибытием Ленина, мы решили сами пойти послушать, что же в действительности говорят большевики. Для этого мы направились к бывшему дворцу балерины Кшесинской, где находились в то время Центральный и Петроградский комитеты большевистской партии. У входа нам навстречу поднялись два рабочих-красногвардейца и преградили путь винтовками:

— Предъявите билеты!

— А где они продаются? — не поняв в чем дело, спросили мы.

Красногвардейцы рассмеялись:

— Товарищи, речь идет о партийных билетах. А они нигде не продаются и не покупаются.

На это мы ответили, что партийных билетов у нас нет, и что мы, хотя и побывали на собраниях многих партий, своей пока еще не нашли.

— Мы свою партию ищем, — объяснил Коля. — И мы думаем, что она здесь. Но чтобы в этом убедиться, нам надо все самим увидеть и услышать, до всего дойти своей головой. А потому просим, пустите нас вначале без билетов.

Красногвардейцы отказались. Мы долго уговаривали часовых, несколько раз угощали их табачком. Наконец, они сказали нам:

— Ладно, идите, товарищи, но только ненадолго.

Поскольку мы хотели встретиться и поговорить с Лениным, то принялись искать его. Когда мы подошли к двери, за которой, как нам сказали, работал Ленин, кто-то спросил нас:

— Товарищи, вы кого ищете?

— Ленина, — ответили мы. — Хотим у него выяснить кое-какие вопросы.

— Товарищи, Ленин сейчас очень занят. Идите со мной, может быть я смогу ответить на ваши вопросы.

Мы вошли в одну из комнат дворца.

Я сказал, что прежде всего хотел бы узнать, как можно прекратить войну. Во-вторых, нас интересует вопрос о передаче помещичьей земли крестьянам, каким образом и как скоро это можно осуществить.

— Это самые серьезные вопросы текущего момента, которые интересуют всех, — проговорил незнакомец. — В своем апрельском выступлении товарищ Ленин сказал, что непрременным условием для их решения является переход власти в руки рабочих и беднейшего крестьянства. Было бы величайшей глупостью надеяться, что буржуазное Временное правительство прекратит войну, которая ведется в интересах империалистической буржуазии всех участвующих в ней стран. Точно также Временное правительство не собирается решать вопрос о земле в пользу крестьян. Ленин доказал, что справедливое решение вопросов о войне, мире и земле возможно лишь тогда, когда по всей стране власть перейдет в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но не секрет и то, что сегодня в Советах большинство депутатских мест принадлежит меньшевикам и эсерам, которые вслед за буржуазией кричат о продолжении войны до победного конца. Ленин поставил перед всеми членами большевистской партии задачу путем проведения напряженной разъяснительной работы среди рабочих, солдат и крестьян добиться численного превосходства большевиков в Советах и изгнания оттуда представителей соглашательских партий — прислужников буржуазии.

Из дворца Кшесинской мы вышли поздним вечером, унося с собой целую кипу большевистской литературы. Мы стали смотреть на мир как бы новыми глазами. Казавшиеся прежде неразрешимыми вопросы внутренней и внешней политики ленинская мысль сделала простыми и понятными. Во что бы то ни стало нужно было претворить в жизнь ленинский лозунг: «Вся власть Советам!»

В тот день сторонниками партии великого Ленина стали еще два солдата — я и Коля Хрунков. Мы были готовы, не щадя своей жизни, бороться за мир, за землю, за власть Советов.

* *
*

В 1917 году рабочий класс России впервые мог свободно праздновать день международной солидарности трудящихся — 1 Мая. Многие тысячи рабочих и революционных солдат в тот день шагали под красными полотнищами, требуя скорейшего прекращения войны, требуя мира.

В тот же самый день министр иностранных дел Временного

правительства Милюков дал обещание союзным империалистическим державам Западной Европы строго выполнять все договоры, заключенные царским правительством. Это означало продолжение империалистической войны.

Питерские рабочие и революционно настроенные части гарнизона резко осудили этот антинародный шаг. К Мариинскому дворцу — к резиденции Временного правительства — направились многотысячные демонстрации. Солдаты и матросы маршировали при полном вооружении в сопровождении оркестра. Колонны демонстрантов шли под защитой вооруженных рабочих-красногвардейцев. Повсюду были видны транспаранты с лозунгами: «Долой войну!», «Обнародовать тайные договоры!», «Долой Милюкова!», «Вся власть Советам!»

Вместе с Колей Хрунковым я тоже спешил на площадь перед Мариинским дворцом. Сюда собиралось все больше народу. Собравшиеся требовали, чтобы к ним вышел кто-нибудь из министров и дал объяснения по поводу заявления Милюкова, а также тайных договоров, во исполнение которых народ России обязан и дальше участвовать в кровавой бойне.

Время шло час за часом, но ни один министр так и не осмелился выступить перед народом.

Впустую прождав на площади, колонны революционных солдат и матросов направились по Морской улице к Невскому проспекту и там столкнулись с демонстрацией буржуазии. В ее рядах шли богатые бездельники, разные господа в цилиндрах, дамы с огромными перьями на шляпах. Они несли в руках лозунг: «Да здравствует Милюков!» Солдаты разорвали его на клочки. Но в общем враждебные друг другу демонстрации разошлись без особых инцидентов...

На трибуну, построенную к майским праздникам, поднялся человек в чистой, хорошо сшитой солдатской шинели. Розовые, пухлые щеки ясно говорили о его происхождении. Надрывая глотку, он заорал:

— Уважаемые граждане! Я обращаюсь к вам по поручению отправляющегося на фронт кавалергардского полка. От имени всего полка я клянусь вам воевать до победного конца. Братание с солдатами вражеских армий, которое пропагандирует Ленин, есть прямая измена Родине. С врагом надо говорить языком пушек! Вплоть до полного разгрома германских войск и победного завершения войны мы не имеем права не только говорить, но и думать о мире. Достопочтенные граждане, наши министры Милюков и Гучков ведут нас по единственно правильному пути, общему для нас и наших могучих союзников. Да здравствуют Милюков и Гучков! Да здравствует наше правительство!

Когда воинственный оратор в солдатской шинели закончил свою речь, рядом с ним на трибуне появился тучный господин, который, сняв шляпу, пробасил:

— Достопочтенные граждане! Предлагаю сейчас же организовать сбор средств на нужды нашей бесстрашной армии, речь представителя которой мы только что имели удовольствие слышать. Прошу, кто сколько может, пожертвовать в пользу кавалергардского полка, отправляющегося на фронт.

В шляпу тучного господина потекли бумажки. Пересчитав деньги, господин объявил:

— У меня в руках 605 рублей. Позвольте мне, господа, от имени всех вас просить оратора-кавалергарда принять эти деньги в знак нашей величайшей благодарности. Позвольте также просить его передать эти деньги кавалергардскому полку и от нашего имени призвать солдат сражаться до окончательного разгрома врага.

Кавалергард рассовал деньги по карманам.

Тут на трибуну поднялся среднего роста широкоплечий солдат-пехотинец в выдавшей виды шинели. На спине у него висел потрепанный полупустой вещевой мешок. Из-под папахи выбивались белесые пряди волос. Бритва давно не касалась его подбородка, густо заросшего щетиной. Солдат облокотился на трибуну и несколько секунд смотрел куда-то вниз. Затем решительным движением сдвинул папаху на затылок и заговорил громко, отчетливо.

— Здесь вот говорили: «Война до победного конца!» А знают ли эти горлопаны и те, кто их поддерживает, что такое война? Знаете ли вы, в чьих интересах велась и ведется эта война? Знаете ли вы, кто с каждым днем становится все беднее, кто выносит на своих плечах все тяготы этой войны, а кто в это же самое время растит себе брюхо и богатеет? Собранными здесь жалкими 605 рублями вы хотите заплатить за кровь солдат, которую они проливают, продолжая вашу войну. Это до подлости низкая цена! Могу вам это сказать с полным правом, так как знаю, что такое война. Два года без перерыва я пробыл на фронте, валялся в грязи окопов, в крови раненых и погибших товарищей. Два года я кормил вшей. Тысячи раз смерть смотрела мне в глаза и заставляла искать ответ на вопрос — во имя чего? Вы вот кричите: мы обязаны выполнять заключенные царем договоры. Но мы сбросили проклятого царя, и пусть катятся к чертовой матери и все его договоры! Старая власть обманывала нас, и новая идет по тому же пути. Только Ленин дал правильный ответ на все мучившие нас вопросы, показал нам верный путь их решения! Война, которую начал царь и которую продолжает Временное правительство, есть империалистическая, грабительская война. Она несет обогащение капиталистам и помещикам. Для их обогащения трудовой народ надрывается на фабриках и заводах, в имениях, льет кровь на фронте. В тысячах лачуг голодают солдатские жены и дети. Война увеличивает их страдания. То же самое происходит и в Австрии, и в Германии. Поэтому я призываю: долой империалистическую войну! Долой Миллю-

кова и Гучкова, выступающих за продолжение разбойничьей войны! Развернуть по всему фронту братание с немецкими и австрийскими солдатами, которые так же, как и мы, против продолжения войны! Вся власть в стране должна перейти к Советам. Только народная власть принесет долгожданный мир! Да здравствует Владимир Ильич Ленин!

Пламенная речь солдата-фронтовика прозвучала серьезным предупреждением сторонникам продолжения войны. На площади поднялся страшный шум.

— Изменник! Бей его! — визжали обезумевшие от злости дамы и господа.

Вокруг нас с Колей Хрунковым за это время собралось еще несколько друзей. Мы пробились к трибуне, подхватили на руки спускавшегося оттуда солдата и под завывание господ отнесли его на безопасное расстояние.

Протесты народных масс дали свои результаты: Милюкова и Гучкова вывели из состава Временного правительства. Было сформировано коалиционное правительство, в состав которого вошли и представители соглашательских партий. Этим шагом меньшевики и эсеры вступили на путь открытого сотрудничества с контрреволюционной буржуазией, укрепили ее позиции.

Острые политические проблемы будоражили весь Петроград. Город превратился в огромный дискуссионный клуб. Спорили повсюду: на заводах, в учреждениях, дома, в трамваях, прямо на улицах. С каждым днем споры становились все острее. Особенно горячие словесные перепалки происходили на Невском. Там сходились представители различных классов и партий, сторонники всевозможных теорий и течений.

Эти бескровные, но тем не менее ожесточенные споры стали для меня настоящей школой политической борьбы. Все увереннее я излагал позиции большевиков. Перед кристально чистой ленинской правдой не могли устоять самые веские аргументы наших противников.

Я как раз принимал участие в собравшем целую толпу споре, когда к нам подошел не в меру полный человек в дорогом костюме. На его большом животе красовалась толстая золотая цепь от часов. В левой руке он держал толстую трость. Его глаза, едва заметные на заплывшем жиром лице, зло поблескивая, оглядели собравшихся. Нервными, нетерпеливыми движениями он стянул с рук кожаные перчатки.

— Граждане, я только что прибыл в столицу из провинции, — начал он. — Спешу предупредить вас самым наисерьезнейшим образом: если вы у себя в столице не наведете порядок — провинция Петрограду хлеба не даст! Вы останетесь без хлеба, вас ждет голод! Уж он-то прибавит вам ума!

До его появления мы как раз обсуждали вопрос о конфискации помещичьих земель и усадеб вместе со всем движимым и недвижимым имуществом. Теперь же все молчали и с величай-

шим удивлением разглядывали это старорежимное чучело, осмелившееся пугать нас голодом.

Нужно было быстро заткнуть ему глотку. Отойдя на пару шагов, я смерил его с головы до ног долгим взглядом и сказал:

— Да, граждане, это, действительно, серьезное предупреждение, — и отвесил легкий поклон в сторону толстяка. — Большое спасибо вам, гражданин провинциальный помещик. Мы все видим ваш необычайных размеров живот и ни минуты не сомневаемся, что вы вместили в него весь хлеб России. А нам, беднякам, и впрямь придется туго: ведь вы наверняка не оставили нам и завалавшего зернышка.

Раздался дружный взрыв смеха. Лицо помещика побагровело от бессильной злобы. Самоуверенность, с которой он начал свои угрозы, как ветром сдуло. Постояв немного с разинутым ртом, он запыхтел и, пробормотав: «Да что с вами говорить!», поплелся прочь от смеявшихся.

Бывали, конечно, случаи и посложнее. Несколькими днями позже мимо нашей очередной группы спорщиков проехал грузовик, в кузове которого стояли люди в нарядных одеждах, призывавшие покупать выпущенный правительством Керенского «заем свободы». Правительству нужны были деньги для «победоносного завершения войны».

— Долой «заем свободы!» — выкрикнул кто-то из нашей группы.

В это время в сопровождении сестры милосердия мимо проходили несколько инвалидов войны, у которых выкрик вызвал взрыв негодования. Размахивая костылями, с криками «Бей провокаторов!» они бросились на нас. Но когда нападавшие заметили погоны на мне и Коле Хрункове, они немного поостыли, перестали кричать. Я решил сразу же взять быка за рога.

— Ты хочешь, значит, приобрести этот заем? — спросил я у одного из инвалидов.

— Не насмехайся над инвалидом: это грех, — мрачно ответил он. — У меня для этого денег нет.

— Вот как! А на войну, где тебе ногу оторвали, ты пошел сам, добровольно?

— Как же! По приказу царя мобилизовали и отправили воевать.

— Что же получается? Помимо твоей воли тебя мобилизовали, послали на фронт и сделали одноногим. Меня тоже мобилизовали по приказу царя, никто моего согласия не спрашивал. И так было со всеми. А теперь нам говорят, что родине нужны деньги для продолжения этой кровавой войны. Ни у меня, ни у тебя, ни у кого из наших товарищей нет денег на покупку облигаций займа. Деньги у помещиков и капиталистов. И если государству нужны деньги, пусть возьмет их у тех, у кого они есть и кому выгодно продолжать эту бойню.

Инвалиды заинтересованно слушали. В разговор вступили и

другие большевистски настроенные солдаты. И инвалиды в конце разговора подняли вверх костыли и вместе с нами закричали: — Долой «заем свободы»! Конец войне!

6

ОКТЯБРЬСКАЯ БУРЯ

Июльские дни. Новое лицо «старого знакомого». В Вильянди. Корниловский мятеж. Буря грянула. В партию. Слушая Кингисеппа.

18 июня 1917 года на улицы Петрограда вышло более 400 000 рабочих и солдат столичного гарнизона с протестом против наступления контрреволюции. Они несли красные флаги и транспаранты: «Долой войну!», «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Земля народу!»

В то же время на фронте началось организованное коалиционным Временным правительством крупное наступление, которое очень скоро потерпело полный провал. Оно стоило жизни нескольким десяткам тысяч человек.

Дошедшие до Петрограда 3 июля известие о неудавшемся наступлении на фронте вызвало в столице невиданную волну недовольства. Рабочие кварталы и армейские казармы кипели от возмущения. Народ повсюду брался за оружие. Слышны были призывы к немедленному свержению Временного правительства и установлению власти Советов.

Поспешив к Таврическому дворцу, мы едва протиснулись сквозь море вооруженных солдат, матросов и рабочих, заполнивших залы дворца так же, как в дни Февральской революции. Казалось, что на этот раз революционный народ, вновь заполнивший улицы Петрограда, наконец, добьется перехода власти в руки Советов.

Но Ленин и Центральный Комитет большевистской партии считали переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов преждевременным, так как в Советах всеми делами заправляло эсеров-меньшевистское большинство, не способное довести революцию до конца.

Поэтому большевики призывали рабочих и солдат спокойно вернуться на заводы и в казармы, чтобы не давать повода для провокационных действий буржуазии.

Однако удержать народные массы от выступления оказалось невозможным. Учитывая настроения трудящихся, большевики приняли решение возглавить неизбежное и стихийное выступление и направить его в рамки организованной мирной демонстрации.

В середине дня 4 июля в Петрограде началась грандиозная демонстрация. На улицы вышли до полумиллиона рабочих, солдат и матросов. Демонстрация проходила под большевистскими лозунгами.

Но Временное правительство направило против мирной демонстрации контрреволюционные войска и юнкеров. Они открыли по колоннам демонстрантов ружейный и пулеметный огонь. Улицы Петрограда обогрились кровью рабочих и солдат.

Буржуазно-монархическая реакция торжествовала победу и старалась всячески закрепить свой успех. Революционно настроенные части петроградского гарнизона были расформированы, солдат отправили в разные фронтовые части. Был издан приказ: повсюду арестовывать большевистских активистов и агитаторов и препровождать их в штаб военного округа. Офицеры опять начали орать на солдат. Для большевиков наступили трудные дни. Ленин вынужден был уйти в подполье.

Контрреволюция все больше нагнала, готовила новые провокации, новое наступление на революционные завоевания народа.

В сложившейся ситуации я решил, пока еще была возможность, временно уехать в Вильянди.

Добравшись до Таллина, я сразу же обнаружил, что после событий в Петрограде осмелела и эстонская буржуазия, которая теперь открыто набросилась на «кийровцев» (группу видных эстонских большевиков, издававших газету «Кийр»). Особенно яростно им бросали обвинения в измене родине, в сговоре с Германией и прочей бессмыслице.

На стене одного из домов я заметил объявление, в котором сообщалось, что на митинге в городе будет выступать адвокат Юри Вильмс. Уже семь лет мне не доводилось встречаться с ним, и слышать о его делах. Поэтому я решил пойти послушать старого знакомого, о чем он сейчас может говорить. Когда я вошел в зал, Юри уже начал свою речь. Я разглядывал его с большим интересом. С первого взгляда были заметны большие перемены, происшедшие в его внешности: с трудом под толстым слоем жира я различил давно знакомые черты. Да, этот кругленький, хорошо упитанный адвокат мало чем напоминал студента, в свое время сурово преследуемого царскими жандармами. Глядя на него, можно было сказать, что это преуспевающий делец, которому при встрече отдает честь сам начальник полиции. Я еще больше изумился, когда послушал, о чем говорил мой «старый знакомый». Почти песенным голоском господин Вильмс возглашал:

— Я не хочу сказать, что народу не следует давать землю. Но я считаю, что это нельзя делать бесплатно, потому что, если человек получит землю бесплатно, он не будет любить эту землю. Если же он заплатит определенную сумму, то будет любить ее самой горячей любовью.

— Нет, ты только посмотри, какие он теории излагает! Он

хочет, чтобы мы платили баронам за землю! У него видно не все дома, — вполголоса проговорил я.

Стоявший рядом солдат по-видимому услышал мои слова и сказал:

— Да нет, у него все дома. Просто он зятек одного крупного помещика и сейчас распинается для того, чтобы приданое его жены не досталось бесплатно народу. Вот, где собака зарыта!

Теперь и мне все стало ясно. Когда Вильмс кончил речь и возвратился на свое место в первом ряду, я подошел к нему.

— Ты что же, Юри, в самом деле против того, чтобы трудящееся крестьянство получило помещичью землю?

— Нет, совсем наоборот, — процветающий адвокат взгляды-вался в мое лицо. — Но народ не должен получить ее бесплатно.

Тут я не выдержал и резко сказал ему:

— Как же ты, Юри, в прошлом революционер, ратуешь за то, чтобы эстонская беднота, безземельные, батраки выкупали искони принадлежавшую им землю неизвестно за какие деньги у немецких баронов? Ты забыл, что эта земля, похищенная чужеземными захватчиками, была и есть всенародное достояние и должна быть передана ее истинному хозяину — трудовому народу Эстонии без какого-либо выкупа? А если ты не забыл об этом, то как же ты смеешь говорить такие вещи?

Хотя мы и были «старыми знакомыми», но по поводу помещичьей земли мы серьезно повздорили и разошлись врагами. По-другому и не могло быть. Я считал единственно правильной ленинскую позицию, которая требовала полной конфискации всей помещичьей земли и передачи ее крестьянам в вечное пользование. Адвокат Юри Вильмс хотел еще содрать шкуру с деревенской бедноты в пользу прибалтийских баронов. Выходя из зала, я еще раз издали взглянул на Вильмса, и мне померещилась за его спиной ухмылявшаяся надменная рожа каба-лаского барона...

«Вот как, — пронеслась в мозгу мимолетная мысль. — Вы, оказывается, заодно против трудового народа. Ну что ж, посмотрим, кто кого!»

* * *

*

Сразу по прибытии в Вильянди, я сделал приятное открытие: в первой же беседе со старшим братом Виллемом я понял, что он тоже стоит на большевистских позициях. Виллем рассказал мне об ожесточенных схватках с представителями других политических течений в Вильянди, прежде всего с меньшевиками и эсерами, старавшимися увлечь за собой рабочих. Во главе их стояли местные адвокаты и врачи. Они придерживались примерно тех же взглядов, что и Юри Вильмс. Большинство из них имело связи с буржуазией, главным образом родственные. Они

были мастерами болтовни о социальных реформах, которые произойдут лет через пятьдесят, а может быть даже сто.

Пожалуй, никогда прежде брат не был мне так близок. Идеино-политическое единство взглядов означало, по-видимому, больше, чем кровное родство. В тот вечер мы долго не спали. Говорили о предстоящих боях, мечтали о прекрасном обществе будущего, в котором не будет эксплуататорских классов.

Но на этом пути предстояло преодолеть еще много трудностей. Враги трудового народа мертвой хваткой держались за власть, за собственность на землю и орудия производства. Их сопротивление можно было сломить только силой. И именно к этому нас призывали Ленин и партия большевиков. Необходимо было вовлечь в борьбу во всей России самые широкие массы трудящихся города и деревни. Напряженная подготовительная работа велась и в Вильянди, чтобы высвободить из-под влияния соглашателей трудовой народ этого маленького городка.

Местом дискуссий Виллем избрал чайную «Попечительства о народной трезвости», где по-прежнему жил и работал отец. Каждый день здесь собирались рабочие-активисты со всего города. За чашкой чая обсуждались события, происходившие в государстве и в столице, вырабатывались планы действий. Сюда поступали большевистские газеты из Петрограда и Таллина. Но одновременно в этот штаб местных большевиков поступали и сведения о всех шагах, предпринимаемых в городе врагами революции, благодаря чему большевики всегда были готовы к отпору.

Большая организаторская роль в этой напряженной работе принадлежала моему брату Виллему. Отец же, напротив, все еще стоял в стороне от политических событий, не вникал в их суть и не мог найти в них свое место. Поэтому я не удивился, когда однажды утром он доверительно прошептал мне:

— Ты намекни Виллему как-нибудь осторожно, чтобы он не очень ссорился с образованными людьми. Во время споров он так выходит из себя, что кажется, вот-вот набросится на противника. Ты ведь знаешь, что ему на войне повредили черепную кость. Наверное, от этого у него и возникают сумасшедшие мысли о том, чтобы перевернуть весь мир. Мои наставления и материнские предостережения он и слушать не хочет. Считает, что мы, старые люди, отстали от жизни. Может тебя он послушает, ты все-таки из столицы.

Я откровенно признался, что полностью разделяю взгляды Виллема, и пообещал поговорить с ним лишь об одном — о том, чтобы он не забывал о своих близких, терпеливо и доходчиво разъяснял бы им свои взгляды и устремления. После этого мы втроем провели несколько вечеров подряд за деловой и откровенной беседой, в которой иной раз принимала участие и мама. Это дало свои результаты. Отцу трудно было осмыслить все сразу, но чувствовалось, что он стал яснее видеть путь, по которому надо идти трудовому народу.

Вернувшись в Петроград, я снова застал его взбудораженным как муравейник. На этот раз причиной послужил военный поход на столицу, объявленный генералом Корниловым, по заданию помещиков и капиталистов, при прямой поддержке империалистических держав Запада. Над революцией нависла смертельная опасность, так как в тайном сговоре с Корниловым состоял и глава Временного правительства Керенский. Большевицкая партия призвала народные массы отразить наступление сил контрреволюции. Для этого она мобилизовала все силы: солдат, матросов, отряды Красной гвардии.

Испугавшись нарастающей волны народного гнева, направленной против мятежников, которая заодно смела бы и правительство, Керенской в последние минуты решил отмежеваться от заговора.

Впервые после июльских событий на площадях и тротуарах появились группы спорящих и просто обменивающихся мыслями. Я подошел к одной из таких групп на углу Невского проспекта и Садовой.

Говорил какой-то офицер в чине капитана:

— Сейчас происходят переговоры между правительством Керенского и генералом Корниловым. Будем надеяться, что они закончатся успешно, что правительство и генерал достигнут соглашения. Для беспокойства нет никаких причин. Нужно спокойно ждать окончания переговоров!

Мне стало ясно, что это корниловец, пытающийся усыпить революционную бдительность народных масс. Не скрывая своего негодования, я сказал, что с мятежным генералом нужно не переговоры вести, а немедленно отдать под военно-полевой суд.

Капитан вперил в меня свои колючие глазки, но тут же вздохнул с облегчением:

— Вот видите, речь выдает его: это не русский человек. Ему не дорога судьба спасителя России генерала Корнилова!

Но я не собирался отступать. Я сказал капитану, что он черносотенец, пытающийся сбить людей с толку, что я, хоть и не русский, но судьба любого рабочего, будь он русский или другой национальности, мне в тысячу раз дороже судеб всех корниловых и их союзников, вместе взятых.

Чувствуя, что симпатии группы людей на моей стороне, я закончил призывом:

— Расстрелять мятежного генерала, посмевшегося поднять руку на революцию!

В этот момент со стороны Невского к нам подбежал человек в синей рубашке и истерически заорал:

— Граждане, как видите, я рабочий! Иду с Сестрорецкого завода. Единственно, кто может спасти Россию, это генералы Корнилов, Деникин, Иванов и Алексеев! Призываю вас беспрекословно подчиниться им! В противном случае Россия погибнет! Спасите ее, граждане!

Не было сомнений, что это тоже корниловский провокатор. Оказавшийся рядом рослый солдат-гвардеец схватил его за шиворот, приподнял и отбросил на трамвайные рельсы.

— Сколько вас здесь еще сволочей? — пробурчал гвардеец и зашагал дальше по Невскому.

Вскоре мне довелось шагать с винтовкой в руках в колонне революционных солдат от Красного Села в сторону Гатчины, чтобы задержать 3-й кавалерийский корпус Корнилова. Но нам не пришлось пустить в ход оружие — солдаты корпуса сами отказались штурмовать Петроград, и их командир генерал Корнилов застрелился. Это был конец мятежа.

По контрреволюции был нанесен решительный удар. Политическая обстановка коренным образом изменилась. В огромной степени возрос авторитет большевиков, они получили большинство в Петроградском и Московском Советах. Партия снова выдвинула ленинский лозунг «Вся власть Советам!». Страна все больше приближалась к социалистической революции.

* *
*

24 октября я задержался в Петрограде до глубокой ночи. Чувствовалось приближение великих событий. На улицах стояли десятки трамвайных вагонов. Улицы столицы кишели людьми. Повсюду обсуждали последние новости.

— По приказу правительства Керенского разведены все мосты через Неву, связь между отдельными частями города прервана. Поэтому и трамваи стоят, — услышал я чьи-то слова.

— Керенский с огнем играет. Если он и впрямь посмеет начать войну против нас, пусть знает, что мы моментально сметем его с лица земли вместе со всеми его министрами, — сказал один из солдат. Потом кто-то сообщил:

— Бои за мосты уже начались. Красногвардейцы и матросы гонят прочь засевших там юнкеров.

На Невском находилось больше юнкеров, чем обычно: повсюду виднелись группы по 5—6 человек. Но в то же время по улицам двигались много отрядов Красной гвардии с пулеметами.

Я переходил с одной улицы на другую, останавливался то у одной группы людей, то у другой, стараясь уяснить себе суть происходящего, но картина по-прежнему оставалась неясной.

В полночь я решил, что утро вечера мудренее, и поехал в свой полк в Красное Село. И утро, действительно, принесло много новостей.

Выяснилось, что за ночь отряды Красной гвардии, солдаты и матросы заняли все стратегически важные пункты столицы. В руках правительства Керенского оставался лишь Зимний дворец.

Военно-революционный комитет обратился к народу с воззванием «К гражданам России!», написанном В. И. Лениным. В нем

говорилось, что Временное правительство низложено и государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. «Дело, за которое боролся народ, — сообщалось в этом документе, — немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено».

Вечером 25 октября революционные войска штурмом взяли Зимний дворец. Ночью открылся II Всероссийский съезд Советов. Съезд сформировал первое рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным, принял единогласно Декрет о мире и Декрет о земле.

Таким образом в России победила социалистическая революция. Октябрьское восстание в Петрограде было самой бескровной революцией в мировой истории.

* *
*

Победа социалистической революции в центре ускорила развитие революционных событий на местах. По всей стране, в том числе и в Эстонии, власть переходила в руки народа.

Из рассказов близких я узнал, как разворачивались события в моем родном городе Вильянди. Вскоре после Февральской революции здесь была создана местная организация Российской социал-демократической рабочей партии. Из-за политической неопытности ее членов в руководство организацией пробрались меньшевики во главе с адвокатом К. Грау. Он пытался направить организацию на путь оборончества и проводить политику соглашательства с буржуазией. Это ему удавалось в медовый месяц Февральской революции, но дальнейшее развитие революционных событий пролило свет на истинную расстановку классовых сил.

После событий 3—5 июля в Петрограде меньшевики открыто стали поддерживать буржуазную контрреволюцию. Это до предела накалило внутрипартийную борьбу и в Вильянди.

А когда в августе стало известно, что адвокат Грау явно проводит меньшевистскую линию, встал вопрос о размежевании сил в Вильяндиской организации РСДРП.

Большевики готовились дать решительный бой меньшевикам на общегородском собрании. Оно состоялось в сентябре. На собрании присутствовали прибывшие из Таллина представители Эстляндского бюро РСДРП(б) во главе с Хансом Пегельманом.

Слова попросил извозчик Лампсон, один из активнейших вильяндиских большевиков. Взойдя на трибуну, он бросил взгляд на председателя собрания К. Грау и заявил:

— Товарищи! Наш председатель Грау был в Таллине на партийной конференции и, не спрося нашего мнения, занял там место на скамьях меньшевиков. Этот вопрос требует немедленного разъяснения. Все хорошо знают, что мы придерживаемся ленинской политической линии. Следовательно, мы не меньшевики, а большевики!

Из зала сразу же послышались голоса:

— Объясните нам подробнее, кто такие меньшевики, а кто большевики, в чем они расходятся между собой?

Большевик Лампсон, человек простой, но политически грамотный, ответил на эти вопросы понятным всем языком. Меньшевики — это те, кто требует продолжения империалистической войны до победного конца, кто хочет отодвинуть решение вопроса о земле на неопределенное время. Меньшевики — это враги Советской власти. Большевики же — это те, кто стоит за немедленное прекращение кровавой бойни и заключение мира между всеми враждующими государствами. Большевики требуют конфискации помещичьей, церковной и монастырской земли и передачи ее без выкупа безземельным крестьянам и деревенской бедноте. Большевики призывают трудящихся как в столице, так и на местах укреплять власть Советов, ибо только она способна решить вопрос о мире и земле в интересах народа.

В ответ зал зашумел:

— Долой войну! Земля народу! Вся власть Советам! Мы все большевики!

На трибуну взбежал большевик Сырмус:

— Товарищи! Кто за большевиков, прошу поднять руку!

Тотчас же вырос лес рук, поднятых абсолютным большинством присутствовавших.

Далее Сырмус сказал, что Грау и его компания бессовестно предали организацию, и предложил немедленно выбрать новый состав комитета партии. Он выдвинул кандидатуры Эллы Пегельман, Лампсона, Я. Ванакамара, П. Пуйса и моего брата Виллема. За этот состав проголосовало большинство, и руководство собранием перешло к новому комитету партии. Меньшевики сразу же покинули собрание.

На следующий день новый комитет объявил перерегистрацию членов городской партийной организации. Таким образом удалось быстро избавиться от меньшевиков и случайных элементов. Вильяндская организация РСДРП(б) превратилась в крепкое боевое ядро, взявшее руководство революционной борьбой в свои руки.

Когда в Петрограде готовилось вооруженное восстание, Эстляндское бюро РСДРП(б) прислало в Вильянди двух товарищей с чрезвычайным поручением. На совместном совещании членов комитета партии и большевистской фракции Вильяндского Совета они говорили о необходимости поддержать борющийся пролетариат Петрограда и предложили немедленно избрать

военно-революционный комитет, который сразу же взял бы на себя руководство осуществлением социалистической революции в Вильянди. Председателем комитета избрали моего брата. Кроме него в комитет вошли Лампсон, Ванакмар и другие большевистские активисты.

Через день в городе были ликвидированы все органы прежней власти, кроме «уездного правительства». Это учреждение, просуществовав еще немного, стало легальным организатором буржуазной контрреволюции. Оно было тесно связано с действовавшим в то время в Таллине «маапяэмом» — буржуазным губернским земским советом — и выполняло все его распоряжения. Ликвидировать «уездное правительство» мешал сформированный общими усилиями эстонской буржуазии и немецких баронов кавалерийский полк. «Уездное правительство» демагогически называло себя органом власти, избранным народом, и отказывалось прекратить свою деятельность. Оно открыто противопоставляло себя Советской власти в уезде. Когда военно-революционный комитет арестовал главарей «уездного правительства», на улицах города в полном вооружении появились белогвардейские кавалеристы. Они установили в разных местах пулеметы и освободили силой вожakov буржуазии.

Это было открытое выступление сил контрреволюции против Советской власти. Но подавить его не хватало сил. Кавалерийский полк насчитывал около четырехсот кулацких сынков, а в распоряжении военно-революционного комитета находилось только около двух десятков красногвардейцев.

Кавалеристы еще больше обнаглели, почувствовав себя хозяевами положения. Задрав носы, усиленно звеня шпорами, они расхаживали по городу и хвастливо заявляли, что скоро «повыдергают ноги» всем большевикам.

После Февральской революции при помощи Керенской эстонской буржуазии удалось сформировать в Вильянди и пехотную часть, в которую попали солдаты из самых разных социальных слоев. Но под влиянием офицеров пехотинцы придерживались «нейтралитета» по отношению ко всем политическим событиям, происходившим в городе.

Хотя кулацкий кавалерийский полк мешал полной ликвидации буржуазных органов власти, но укреплению новой власти он помешать не мог. Советская власть в городе все крепче становилась на ноги. На промышленных предприятиях был введен рабочий контроль. Типографские рабочие даже организовали свою коммуну, назвав ее «Вильяндиской городской коммуной рабочих-печатников». Они свезли оборудование мелких типографий в одно здание и принялись сами во главе с наборщиком Алексеем Портным управлять работой предприятия. Активное участие широких масс трудящихся во всех большевистских мероприя-

тиях, их творческая инициатива значительно облегчали решение важнейших практических вопросов.

Вся деятельность большевиков протекала в условиях яростного сопротивления буржуазии. Те, кто сосредоточил в своих руках запасы продовольствия и других предметов потребления, развернули спекуляцию или прятали продукты, тем самым затрудняя снабжение рабочих. По заданию ревкома красногвардейцы находили спрятанное, конфисковывали. Население покупало продукты по твердым ценам.

Большевики города оказывали помощь в организации волостных Советов крестьянских депутатов. Во многих имениях были созданы рабочие комитеты, главная задача которых состояла в управлении хозяйственной деятельностью имений и в снабжении города продуктами.

Одновременно в городе и волостях формировались новые отряды Красной гвардии. Шла подготовка к созыву уездного съезда Советов.

Большинство возвращавшихся в родной город солдат объединялось вокруг военно-революционного комитета и выполняло его поручения. Силы комитета росли с каждым днем, но против кулацких кавалеристов велась только «холодная война»: для разоружения и разгона кавалерийского полка все еще не хватало сил. В то же время командование полком вынуждено было учитывать авторитет военно-революционного комитета как органа власти, так как понимало, что при открытом столкновении между комитетом и полком из промышленных центров на помощь ревкому придут крупные силы. Поэтому полковое начальство вело двуликую тактику: являясь на самом деле кровным врагом Советской власти, оно притихло, ожидая лучших времен.

Приехав в Вильянди, я тоже целиком отдал себя в распоряжение военно-революционного комитета.

Началась активная многосторонняя деятельность, связанная с одним из важнейших событий в моей жизни. Будучи горячим приверженцем дела большевиков, я однако еще не вступил в ряды большевистской партии. В родном городе я сразу же, как на ладони, увидел, что самая активная часть местных рабочих соединила свою жизнь с партией, членами которой уже были мои братья Виллем и Эдуард, сестра Леэни и отец.

— Слушай, Артур, почему ты до сих пор не в партии? — спросил меня однажды Яан Сихвер.

— Да, действительно! Как-то никогда себя об этом не спрашивал, — ответил я ему и тут же спросил: — А что я должен делать, чтобы исправить эту ошибку?

— Это мы сделаем очень быстро. Сегодня вечером состоится общее собрание парторганизации. Сейчас же пиши заявление.

В тот же вечер в большом зале здания Совета собрались большевики Вильянди. Зачитали мое заявление. Сразу же после

этого меня попросили на время выйти из зала собрания: в то время вопрос о приеме в партию обсуждали в отсутствии принимаемого. Но тут же меня позвали обратно. Вокруг слышались голоса:

— Знаем его! Вопрос ясен!

— Ставь на голосование!

В партию меня приняли единогласно.

Затем секретарь комитета партии зачитал заявление моей матери, которая тоже просила принять ее в члены РСДРП(б). Она всей душой была за то великое, справедливое дело, которое делали большевики, ненавидела мир насилия и беззакония, уничтожить который звал народ Ленин. Ее муж и дети были большевиками, и она хотела быть вместе с ними, бороться за новый, светлый мир.

Едва секретарь успел дочитать до конца заявление, как из зала опять послышалось:

— Знаем, знаем! Это же мать большевиков! Ставь на голосование!

И мать, воспитавшую столько большевиков, единогласно приняли в члены ленинской партии.

В конце ноября я только пару дней находился в Красном Селе, так как положение в Вильянди было беспокойным. Я знал, что там идет острая борьба с силами контрреволюции. От стоявшего в городе кулацкого кавалерийского полка каждый день можно было ожидать новых провокаций и открытых конфликтов. Поэтому именно в Вильянди мог понадобиться еще один большевистский солдат, и я отправился в обратный путь.

В Таллине я прочел объявление, сообщавшее, что на собрании в церкви Олевисте будет выступать Виктор Кингисепп. К этому времени я много слышал о нем, читал его статьи на страницах «Кийр», но видеть этого выдающегося большевика мне еще не доводилось.

Я зашагал к церкви, просторное помещение которой после революции использовалось как народный дом для проведения митингов и собраний.

Времени до начала оставалось еще немало, а в церкви уже собралось много народу. В основном это были рабочие таллинских предприятий и солдаты. Скоро все места оказались занятыми. Многим пришлось стоять в проходе. Церковь не отапливалась, люди сидели в пальто и головных уборах.

Вдруг энергичные аплодисменты известили о прибытии Виктора Кингисеппа.

Внимательным взглядом он окинул лица людей, наполнивших зал, и медленным шагом направился к кафедре. Свою речь он начал с рассказа о международном положении молодого Советского государства, о вводе в действие ленинского Декрета о мире, затем коротко осветил и внутренние проблемы. Его слушали очень внимательно. Когда же Кингисепп перешел к собы-

тиям, имевшим место в Таллине в последние дни, аудитория особенно оживилась. Взрывы смеха перемежались с громом аплодисментов. С юмором и тонким сарказмом он рассказывал о жалких попытках эстонской контрреволюции затормозить победное шествие социалистической революции. Упоминаемые Кингисеппом имена были всем хорошо знакомы — речь шла о вождях эстонской буржуазии.

Виктор Кингисепп говорил о том, как эти господа, собравшись в замке Тоомпеа, объявили губернский земский совет «единственным носителем верховной власти» в Эстонии и призвали народ не подчиняться постановлениям Советской власти, открыто противопоставив себя Советам, избранным рабочими, солдатами и крестьянами.

В ответ на контрреволюционную вылазку буржуазии на улицы Таллина 28 ноября вышли десятки тысяч рабочих. Они потребовали немедленно распустить земский совет — центр буржуазной контрреволюции. К демонстрации рабочих присоединились солдаты. Людское море заполнило площадь на Вышгороде перед замком Тоомпеа. С речью выступили Виктор Кингисепп и Яан Сихвер.

С кафедры церкви Олевисте Кингисепп рассказывал, как демонстранты, выгнав на площадь руководителей земского совета, заставили их на четвереньках проползти перед развернутым красным знаменем.

Кингисепп очень живо описывал, как господа из земского совета вначале артачились, но все же им пришлось подчиниться воле народа.

Из слов Кингисеппа я узнал, что перед красным знаменем прополз и мой старый знакомый Юри Вильмс, ставший одним из вождей эстонской буржуазии. Под смех и аплодисменты собравшихся Кингисепп сообщил, что демонстрация таллинских рабочих на Вышгороде закончилась разгоном контрреволюционного губернского земского совета.

7

УКРЕПЛЯЯ ЗАВОЕВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

«Тяжелая артиллерия» вильяндиских большевиков. «Война» с мятежными кавалеристами. На III Всероссийском съезде Советов. Банкротство соглашательской политики. Слово Ленину. Создаются революционные вооруженные силы. Жаркая ночь для баронов. По следам кавалерийского полка.

В начале декабря в Вильянди приехал Яан Сихвер и сразу же со всей энергией приступил к работе. С первых же дней он организовал издание печатного органа местных большевиков. Сихвер

был опытным, закаленным в царских тюрьмах революционером. За активное участие в революции 1905 года царские власти приговорили его к пятнадцати годам каторги. Он вышел на свободу в марте 1917 года, после Февральской революции.

В лице Яана Сихвера большевики Вильянди и всего уезда получили опытного руководителя. До сих пор партийный актив города состоял из вступивших в партию в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. Это были преданные трудовому народу борцы, но они не имели опыта революционной борьбы. У Сихвера же этого опыта было достаточно. Он умел каждого расположить к дружеской беседе, направлял действия молодых большевиков. Он учил их разгадывать тайные замыслы противника и вовремя наносить смелые контрудары. Сихвер часто выступал перед народом. Оратор он был умелый, настоящий народный трибун. Уже первыми фразами приковывал внимание слушателей. Образно и убежденно он разъяснял политику большевистской партии, рассказывал, каким будет социалистическое общество, общество без эксплуататоров, без паразитов, живущих за счет труда и страданий других. Но построение такого общества возможно лишь путем революционной борьбы народных масс.

Вскоре вильяндские большевики начали называть Яана Сихвера своей «тяжелой артиллерией». Именно разящий огонь его речей заставлял быстро умолкать подпевал буржуазии — местных адвокатов и других. Он вскрывал пустоту их заумных слов, высмеивал этих господ. Целыми днями он занимался решением неотложных политических и хозяйственных задач, а поздним вечером начинал готовить очередной номер газеты.

Крепкое здоровье и железная воля позволяли ему, вздремнув пару часов, начинать новый рабочий день. Для «тяжелой артиллерии» вильяндских большевиков не существовало непреодолимых препятствий. Он справлялся с любыми трудностями и учил этому молодых товарищей. Моя мама была счастлива, так как Яан стал ее четвертым и самым старшим сыном, о котором следовало заботиться не меньше, чем об остальных.

* *
*

Из четырех эскадронов кулацкого кавалерийского полка один стоял в помещении немецкого казино, другой — в доме общества ремесленников, третий — в вильяндской мызе и четвертый — примерно в пяти километрах от города, в имении Вана-Выйду.

Полк находился в состоянии конфликта с местным Советом. Новое столкновение произошло в начале декабря. В ознаменование перемирия с Германией, достигнутого на переговорах в Брест-Литовске, на городской площади состоялись демонстра-

ция и митинг. Кавалерийский полк не принял участия в общегородской демонстрации, но группа кавалеристов по собственной инициативе в полном вооружении шла в колоннах демонстрантов. Это были люди, всецело поддерживавшие революционную власть и находившиеся в контакте с местным Советом.

В тот же вечер кавалеристам, принявшим участие в демонстрации, предложили уйти в отставку, пока им «не переломали все кости». На следующий день Совет узнал об этом и провел общее собрание в полку. Выступил Яан Сихвер. Кавалеристы внимательно слушали. В принятой резолюции говорилось о всемерной поддержке внутренней и внешней политики Советской власти. Но после собрания все началось сначала: поддерживавшие революцию солдаты-кавалеристы опять оказались в опале. Им был дан определенный срок, в течение которого они обязаны покинуть полк, иначе будут приведены в исполнение все угрозы.

Совету снова стали известны эти факты. Еще раз состоялось общее собрание кавалеристов, на котором вновь выступил Яан Сихвер. В своей резолюции кавалеристы еще раз подтвердили свою преданность Советской власти.

Но через несколько часов контрреволюционная часть полка попыталась свести счеты с действительными сторонниками Советской власти. Но те в полном вооружении своевременно покинули полк и прибыли в Совет. Теперь стало совершенно ясно, что все принятые на общих собраниях резолюции являлись лишь дымовой завесой. Лживыми обещаниями кулацкие сынки хотели сохранить себя как боевую единицу, чтобы в подходящий момент начать действовать. Требовалось положить конец этой «игре». Исполком Вильяндиского Совета принял решение разоружить кавалерийский полк, личный состав распустить. Это решение передали командованию и полковому комитету. Начались переговоры, длившиеся несколько дней.

— Именно оружие составляет честь и гордость каждого солдата, и полк его не сдаст ни в коем случае, — сказали члены полкового комитета. — Если исполнительный комитет не отменит своего решения, кровопролитие неизбежно.

Надеясь на перевес своих сил, они держались заносчиво. Но исполком Совета не мог позволить полку кулацких сынков оставаться в Вильянди. Он обратился за помощью к солдатскому комитету 12-й армии, находившемуся в Валга, и к концу года комитет прислал 300 солдат Новгородского, Нарвского, Невского и Копорьеского полков (из каждого по 75 человек) с двумя пулеметами. Соотношение сил в Вильянди изменилось в пользу Советской власти.

Кавалеристам еще раз предложили добровольно сдать оружие, однако командование полка вместе с полковым комитетом отклонили это предложение, продолжая угрожать кровопролитием. Тогда полковому начальству предъявили ультиматум, в котором говорилось, что если к двенадцати часам все солдаты не

сдадут имеющееся у них оружие, исполком будет действовать по собственному усмотрению.

Время шло. Миновал назначенный ультиматумом срок. Кавалерийский полк молчал. Тогда исполком решил принять активные меры и создал комитет, в который вошли Ян Сихвер, мой брат Виллем и Ванакмар. Комитет взял на себя руководство всей операцией, разработал план и немедленно начал подготовку к его осуществлению.

Пришедшие на помощь солдаты расположились в районе исполкома. Они были готовы в случае необходимости действовать в любом направлении. Местных красногвардейцев и солдат разделили на группы. Трех из них, самым крупным, поручалось атаковать и разоружить эскадроны, стоявшие в городе и вильяндиской мызе. Группы поменьше должны были прервать телефонную связь между эскадронами и офицерами и арестовать их на квартирах. Начало операции всех групп назначили на два часа ночи.

Красногвардейцы действовали слаженно. Отряд бесшумно приближался к эскадрону и прятался в тени ближайших домов. Двое самых крепких бойцов, притворившись пьяными, подходили к часовому, заговаривали с ним, закуривали. Выбрав момент, один из них хватал часового за горло, второй обезоруживал. Отряд, наблюдавший за происходившим, тут же выскакивал из укрытия, врвался в казарму и первым делом захватывал оружейные пирамиды. Кавалеристы спросонья вскакивали, но им приказывали лежать. Захваченное оружие сразу же грузилось на сани и увозилось в Совет.

Так без единой капли крови, без единого выстрела операция по разоружению кавалерийского полка была успешно завершена.

В руках исполкома оказалась богатая добыча. Кроме собранных в эскадронах винтовок и пулеметов красногвардейцы обнаружили на железнодорожной станции еще несколько вагонов с упакованными в ящики винтовками, пулеметами, ручными гранатами, саблями и большое количество патронов. Все эти трофеи были немедленно отправлены на оружейный склад Красной гвардии. Арестовали также офицеров кавалерийского полка.

К утру не успели разоружить только эскадрон, стоявший в имении Вана-Выйду. Было уже светло, когда туда отправился отряд примерно из 100 человек. Командование отрядом возложили на меня. На городском базаре мы сели в крестьянские сани и отправились в путь.

Доехав до березняка, недалеко от мызы, мы сошли с саней. Я отправил две группы по тридцать человек с пулеметами, чтобы окружить мызу с двух сторон. Остальные начали наступление через березняк. Отряд быстро приближался к мызе. Выбегая из рожи, я заметил выстроившуюся близко от мызы цепь кавалеристов. Они, видимо, ждали нашего появления.

За мной рванулись в атаку все бойцы. Конники следили за нами, готовые открыть огонь из винтовок, но не стреляли.

— Бросай оружие! Руки вверх! — кричали красногвардейцы.

Кавалеристы колебались. Но тут появились группы, атакующие с флангов. Это моментально подействовало. Один за другим кавалеристы побросали винтовки. Два пулемета на флангах так и не сделали ни одного выстрела. Через несколько минут все оружие эскадрона оказалось в наших руках. Так, опять без единой капли крови, мы разоружили последний эскадрон кавалерийского полка.

Через несколько часов красногвардейцы возвратились в город, многие верхом. Мы прошли с песней по главной улице Вильянди — улице Лосси — из конца в конец, повернули обратно и остановились у Совета.

Так закончилась попытка кавалерийского полка одолеть Советскую власть в Вильянди.

1918 год в городе начался спокойно.

* *
*

Большим событием в моей жизни явился III Всероссийский съезд Советов, на котором мне посчастливилось побывать. Сообщение Яна Сихвера, что мне придется ехать в Петроград, вызвало у меня замешательство. Перед глазами всплыл огромный зал Таврического дворца.

Я спросил Сихвера:

— Разве нет никого другого, кто мог бы поехать в Петроград?

Сихвер улыбнулся и сказал:

— Да, именно ты должен выполнить это поручение. И запомни, солдат ленинской гвардии не пасует ни перед чем. Сейчас же отправляйся в путь! Счастливо!

В тот же день я доехал до Таллина и поспешил на Вышгород в замок Тоомпеа к Виктору Кингисеппу, от которого должен был получить командировку. Войдя в кабинет, я представился. Кингисепп посмотрел мне в глаза, улыбнулся, потом подошел, пожал руку и сказал:

— Я освобожусь через полчаса. У нас сейчас как раз проходит съезд эстонских социалистических воинов, и ты как военный человек тоже иди туда.

С этими словами он взял меня под руку, провел по коридору до одной из дверей и, открывая ее, сказал:

— Будь здесь, пока я тебя не позову!

В просторной комнате сидело около сорока военных. Я взглянул на сидевших в президиуме. Оттуда мне улыбалось знакомое

лицо председателя собрания Августа Мюллерштейна. Тут же я услышал его голос:

— Только что вошедшего к нам товарища Ломбака я знаю очень хорошо. На службе в царской армии мы с ним вместе съели по крайней мере пуд соли. Он активно борется за дело трудящихся. Предлагаю избрать его членом Совета.

Август Мюллерштейн был активным участником революции 1905 года в Таллине. Потом скрывался от преследований в Швейцарии. Пробыв там несколько лет, он вернулся в Россию незадолго до начала мировой войны. Его мобилизовали. В армии он стал военфельдшером. Я работал с ним вместе в госпитале в Красном Селе. Несмотря на большую разницу в годах, мы были друзьями. Он много рассказывал мне о политических партиях, о целях революционеров. Из его рассказов я понял, что победа революции так же неизбежна, как смена дня и ночи. Общие взгляды на будущее сблизили нас. И теперь его лицо с густыми темными усами широко улыбалось мне. Из-за блестящих стекол очков не было видно его карих глаз, но я знал, что сейчас они светятся от радости встречи. И я был очень рад этому, но его предложение избрать меня членом Совета социалистических воинов Эстонии обеспокоило меня, и я сказал:

— Нет, товарищи! Я сейчас еду на Всероссийский съезд Советов, а по возвращении в Вильянди должен занять пост командира штаба Красной гвардии города и уезда. Я не могу принять ваше предложение.

— Нет, можешь! — сказал Мюллерштейн. — Потому что Совет эстонских социалистических воинов будет руководить действиями всех вооруженных сил на территории Эстонии, в том числе и красными частями в Вильянди. Ставлю вопрос на голосование.

И съезд единогласно избрал меня членом Совета. Вечером поезд увозил меня из Таллина в Петроград. На следующее утро я уже спешил к знакомому зданию Таврического дворца.

На съезде в начале присутствовало 707, а в конце 1587 делегатов. У многих на поясе висели револьверы и ручные гранаты. Здесь находились рабочие, крестьяне, солдаты и матросы. Одеты все были разнообразно. Кто в шинелях, куртках, кто в овчинных тулупах, кто в пальто, сапогах, валенках. Большинство делегатов по своим политическим взглядам принадлежало к партии большевиков. Они представляли народные массы России, которые под руководством Ленина взяли власть в свои руки и теперь продолжали борьбу за ее упрочение.

Руководил работой съезда Яков Михайлович Свердлов.

Съезд обсудил доклад Я. М. Свердлова о деятельности ВЦИК и доклад В. И. Ленина о работе Совнаркома. В своем докладе Владимир Ильич упомянул и Эстляндию.

При обсуждении докладов меньшевики, правые эсеры и дру-

гие оппортунисты выступили против внутренней и внешней политики Советской власти. Например, меньшевики Абрамович, Мартов, Авилов, Суханов заявляли, что-де кроме хаоса Советская власть ничего не принесла стране.

Эти клеветнические утверждения меньшевиков получили резкую отповедь Ленина в заключительном слове по докладу о деятельности Совнаркома. Владимир Ильич назвал их «жалкими человеками в футляре», не желающими понять и увидеть начатые в стране революционные преобразования.

Съезд утвердил написанную В. И. Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Она стала в дальнейшем основой первой Конституции Советского государства.

В принятой резолюции съезд полностью одобрил политику ВЦИК и Совнаркома и выразил им полное доверие. Съезд также одобрил политику Советского правительства о мире и по национальному вопросу.

Всеобщий энтузиазм вызвало прибытие на съезд делегатов III Всероссийского крестьянского съезда. После этого съезд продолжал работу как объединенный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Съезд избрал новый состав ВЦИК. В него вошли 160 большевиков, 125 левых и 7 правых эсеров, 2 меньшевика и 12 представителей других группировок.

Съезд заканчивал свою работу. Часы показывали уже позднее время, когда Яков Михайлович Свердлов объявил:

— Слово имеет Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ульянов-Ленин!

Своды дворца сотрясались от нескончаемых оваций, которыми представители революционного народа приветствовали своего великого вождя, своего любимого Ильича.

Быстрыми, энергичными шагами под все нарастающую овацию он направился к трибуне. Он поднял руку, и в тот же момент в зале стало тихо.

Ленин выступал на съезде третий раз. Я вместе с делегатами внимательно слушал его и особенно отчетливо чувствовал, как все высказываемые Ильичем мысли стройно и прочно укладываются в голове, словно кирпичи в стене здания под рукой умелого каменщика. Самые трудные политические проблемы Ленин излагал просто и доходчиво.

— Третий съезд Советов, — говорил Владимир Ильич, — открыл новую эпоху всемирной истории... Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран... Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества. Создается новый, невиданный в истории, тип государ-

ственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства.

Особенно запомнились мне следующие слова Ленина:

— Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации.

Когда Ленин кончил свою речь, все полторы с лишним тысячи делегатов встали и бурными аплодисментами приветствовали Владимира Ильича. Всех наполняло счастье быть солдатом партии великого Ленина, бороться под его руководством за прекрасное будущее для трудового народа. В зале раздались звуки пролетарского гимна:

«Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов».

В эту январскую ночь гимн звучал особенно мощно, зовя на борьбу за новый мир...

* *
*

Совет эстонских социалистических воинов, членом которого меня избрали, приступил к формированию пролетарских вооруженных сил. Рабоче-Крестьянская Красная Армия вначале создавалась на добровольных началах. В ее ряды могли вступать граждане, не эксплуатировавшие чужого труда. Недостатка в желающих, особенно из числа молодых рабочих, не было. Труднее складывался вопрос с командным составом, так как рабочий класс в то время не имел еще своих военных специалистов.

Сформированные в 1917 году эстонской буржуазией с согласия Керенского «национальные» воинские части подлежали роспуску. Служившие в них бывшие царские офицеры происходили большей частью из буржуазных слоев и враждебно относились к Советской власти. Для выяснения возможностей использования некоторых из них при создании новой армии мы с Мюллерштейном посетили штаб квартировавшейся в Таллине национальной дивизии. Командиру дивизии, бывшему полковнику царской армии Лайдонеру мы предложили должность командира первого красного полка.

— А что, в полку будут еще солдатский комитет и комиссар? — спросил он.

Получив утвердительный ответ, Лайдонер объяснил, что при-

вык чувствовать себя в воинской части полным хозяином, без чьего-либо вмешательства, и думает, что комитет и комиссар будут только стеснять свободу действий командира.

— Но для окончательного ответа попросил бы немного времени, — прибавил он. — За всю войну я ни разу не получил отпуска. Если вы позволите мне навестить мою семью в Орловской губернии, то примерно через месяц я вернусь обратно и дам вам определенный ответ.

Мы дали ему месячный отпуск.

Собранные нами в штабе дивизии офицеры прежде всего заинтересовались жалованием командира Красной Армии.

— Нет, на такое жалование не проживешь, — хором ответили они.

Ни один из них не вступил в создаваемую Красную Армию. Обязанности командиров в формируемом полку пришлось возложить главным образом на прежних унтер-офицеров, которые, как правило, были выходцами из трудовых семей.

Между тем, с организацией вооруженных сил требовалось спешить: мир с германскими империалистами так и не был еще заключен. Внутри- и внешнеполитические события в то время развивались с невероятной быстротой. Исполнительному Комитету Советов Эстонского края стало известно о переговорах прибалтийских баронов с командованием германских войск на острове Сааремаа. От имени народов Прибалтики бароны просили германского кайзера взять их под свою защиту, прийти и «освободить» их землю. Одновременно замешанная в заговоре баронов эстонская буржуазия укрепляла свои тайные ударные отряды, чтобы всадить Советской власти нож в спину.

В ответ на это Исполнительный Комитет принял решение в ночь на 28 января 1918 года интернировать всех немецких помещиков в Эстонии. Интернированию подлежали мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, женщины — с восемнадцати до пятидесяти пяти. Было решено одним ударом обезвредить это змеиное гнездо заговорщиков. В этой чрезвычайной операции принимали также участие и члены Совета социалистических воинов Эстонии.

В мой отряд входили десять красногвардейцев. Мы пришли к дому одного из баронов. Оцепив дом, направились к двери. После долгого ожидания кто-то слегка приоткрыл ее.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Я — барон Штакельберг, — ответил человек за дверью.

Я строгим голосом заметил ему, что на советской земле больше нет баронов, все феодальные сословия отменены законом, а если он, действительно, гражданин Штакельберг, то нам его и надо.

— Прошу открыть дверь!

Да, времена изменились: потомок спесивых крестоносцев и подумать не посмел о сопротивлении, он тотчас открыл дверь, и

мы увидели трясущегося человека в ночном колпаке. С тремя красногвардейцами я вошел в дом.

Внутреннее убранство внешне неприглядного дома поразило нас. Вокруг блестело серебро и хрусталь. Повсюду глаз замечал драгоценности, обитую шелком и бархатом мебель.

А барон в это время шмыгнул в соседнюю комнату и хотел запереть дверь, но я помешал ему. Дверь вела в спальню. Натянув на себя одеяло, с кровати на меня смотрела молодая жена старого барона.

Пока чета Штакельбергов одевалась, я занялся просмотром переписки барона, надеясь найти дополнительные данные о переговорах помещиков с внешними врагами республики. Своим людям я приказал сложить в чемодан баронское золото и серебро. Покончив со всем этим, мы направились на Вышгород в замок Тоомпеа, где располагался пункт сбора всех интернированных. Мы прибыли первыми.

Я вытряхнул содержимое чемодана на стол перед руководителями операции — Яаном Анвельтом и Виктором Кингисеппом. Кингисепп удивленно спросил:

— Что это значит? Где ты это взял?

Я ответил, что принадлежащее народу добро конфисковано нами у барона.

— А от кого ты получил приказ об этом? — с еще большим удивлением спросил Кингисепп.

Я спокойно ответил, что приказа ни от кого не получал, что революция должна вернуть народу все награбленные богачами сокровища, что помещичьи драгоценности нужно передать в государственную казну и использовать для развития народного хозяйства молодого Советского государства.

После этого я с бойцами отправился к Шеэлю. Там нас встретили двое молодых мужчин, один из них был военным в чине капитана. Когда мы осматривали помещение, братья попытались, не останавливаясь, пройти мимо задернутой шторой двери. Я приказал открыть ее. Оказалось, что там находится винный склад. Длинные полки были сплошь заставлены бутылками. Огромные «четверти» с ликерами, изготовленными еще в прошлом веке, выстроились словно гвардейцы на параде. Тут же стояли целые батареи самых изысканных французских вин, коньяков и других спиртных. И все это в то время, когда с самого начала мировой войны продажа любых алкогольных напитков в России была запрещена.

— Ого! — удивленно воскликнул один из красногвардейцев. — Господа запаслись «средством от простуды» на целых сто лет вперед!

— Когда мы в окопах вшей кормили, кровью истекали, а семьи наши от голода пухли, эти паразиты купались в вине! — добавил второй красногвардеец.

— Надо все это разбить к чертовой матери! — озлобленно выкрикнул третий боец.

Я сказал, что уничтожать запасы нет никакого смысла. Именем Советской власти все это нужно конфисковать для больниц и госпиталей.

Затем мы посетили барона Энгельгардта. Ему уже перевалило за шестьдесят, и он не подлежал интернированию. Он любезно предложил нам папиросы, но мы отказались.

Энгельгардт тоже пытался пройти мимо одной из комнат. Я остановил его:

— Гражданин Энгельгардт! Покажите-ка нам, что это у вас там за укромный уголок!

Дрожжащими от волнения руками Энгельгардт открыл дверь. Комната оказалась довольно просторной. В ней стояли три кровати и три ночных столика между ними. На кроватях лежали три похожие на ведьм из детских книжек старухи. Их щеки и губы были ярко намалеваны. Старухи выглядели как невесты, которые каждую минуту ждут прибытия жениха.

— Это кто ж такие? — спросил я у Энгельгардта.

При проверке паспортов оказалось, что возраст этих старых дев приближался к шестидесяти. Ни одна из них не подлежала интернированию.

Мы продолжили свой путь. К утру рабочие отряды по всей Эстонии выполнили свою задачу. Все взрослые представители баронского сословия были интернированы.

* *
*

Исполнительный комитет получил сведения, что остатки разогнанного в Вильянди кавалерийского полка собираются в районе железнодорожной станции Хагуди. Сообщалось также, что они насильно отбирают у крестьян продовольствие и лошадей. Необходимо было немедленно вмешаться, чтобы навсегда покончить с антинародными действиями полка.

Ликвидацию полка Совет социалистических воинов поручил мне как его «старому знакомому». Для привлечения к операции более крупных сил мы обратились к Совету корабельных комитетов Балтийского флота с просьбой прислать в помощь отрядам красногвардейцев и красноармейцев двести матросов. В тот же вечер Совет корабельных комитетов решил направить ко мне своего представителя.

На следующее утро мы с матросом пошли в разведку к станции Хагуди. Необходимо было определить местонахождение и численность кавалеристов. Получив эти данные, мы намеревались составить план операции и затем руководить боевыми действиями. Как уверяли местные жители, кавалеристы стояли в

имении Майдла. Для полной ясности мы решили с красногвардейцами, которых нам выделили в Юурусском волостном исполнительном комитете, подъехать к мызе Майдла и своими глазами посмотреть, что там происходит.

В мызе мы обнаружили свежие следы бегства кавалеристов, покинувших имение прошлым вечером, но никто не знал, в каком направлении. Очевидно, они узнали о готовящемся против них походе и разбежались, спасая свои шкуры.

В господском доме мы нашли баронессу Майдель, немолодую женщину, которая с распухшим красно-синим носом лежала в постели. Тут же находились и три дочери барона, старшей из которых, согласно паспорту матери, было всего семнадцать.

Осмотрев все комнаты и не обнаружив ни оружия, ни каких-либо подозрительных лиц, мы отправились в обратный путь. Во дворе мызы нас остановили двое крестьян. В руках они держали какие-то бумаги.

— Вы не из Таллина будете?

— Да, из Таллина!

— Может тогда вы нам уплатите за овес и сено, как вот здесь указано?

— А кто вам дал эти расписки?

— Как кто? Конечно, командир кавалеристов, которые стояли здесь на прошлой неделе. А вчера вечером ускакали куда-то очень быстро.

— У меня сейчас с собой столько денег нет, — начал я осторожно. — А вам не сказали, где в Таллине получить деньги?

— Сказать-то сказали, — ответили мужики. — Да нам бы лучше сразу здесь рассчитаться.

— Покажите-ка мне адрес, я посмотрю, правильно ли он записан, — сказал я безразличным тоном.

В адресе была указана улица Лай и номер дома.

Я мгновенно сообразил, что в том доме, наверняка, находится какой-то центр контрреволюции, финансировавший кавалерийский полк. Спеша на поезд, я представлял себе, какой чувствительный удар мы нанесем врагам революции, ликвидировав этот центр. Приехав в Таллин далеко за полночь, я прямо с вокзала помчался в штаб Красной гвардии. Не сомневаясь, что вражеский подпольный центр окажет яростное сопротивление, я взял с собой двадцать вооруженных рабочих, и мы быстрым шагом отправились на улицу Лай. Окружив дом, мы больше получаса колотили в дверь, прежде чем ее отворили. Обыскав весь дом от подвала до крыши, мы не нашли ничего подозрительного. Я проверил домовую книгу. Выяснилось, что один из офицеров кавалерийского полка, будучи школьником в Таллине, действительно, жил в этом доме, но с тех пор прошло много лет. За эти годы сын начальника Раквереской почтовой станции стал сначала ротмистром царской армии, а потом одним из активных организаторов кавалерийского полка из сынков эстонских кулаков. Когда

в Вильянди полк разогнали, ему удалось остаться на свободе, так как он в ту ночь не ночевал дома. Повезло ему и на этот раз.

Я готов был грызть локти от досады: все испортила моя опрометчивость. Только теперь до меня дошло, что этот дом лишь первое звено в цепи, ведущей к центру. Нужно было прийти сюда с распиской в руках, в крестьянской одежде и требовать свои деньги. Только так, без всякого шума, можно было выяснить все звенья контрреволюционного подполья и потом уже одним ударом обезвредить его. А я поспешил. Это был горький урок. Я понял, что не все препятствия преодолеваются с наскока.

8

ПРОЩАЙ, ВИЛЬЯНДИ!

Чрезвычайное поручение. Неожиданности в пути. Пятеро солдат-бездомных. Родной город в руках белогвардейских заговорщиков. Все ясно — идут оккупанты! Тягостное прощание. Между Тюри и Пайде. Наглого управляющего заставляют подчиниться.

Февраль 1918 года. Руководитель советской делегации ренегат Троцкий, нарушив прямые указания Ленина, прервал мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске. Положение стало крайне неустойчивым. Войска империалистической Германии в любой момент могли начать наступление на всем фронте. Для решительного отпора захватчикам молодая Советская республика не имела достаточных сил. Красная Армия еще только рождалась.

В условиях обостряющейся международной обстановки активизировались и различные контрреволюционные элементы внутри страны. У прибалтийских баронов и эстонской буржуазии появилась надежда с помощью немецких штыков вернуть себе власть.

Исполнительный Комитет Советов Эстонского края опять получил сведения о скоплении в Вильянди сил контрреволюции. Известно стало также о намерении буржуазии превратить город в центр, из которого при удобном стечении обстоятельств можно было бы начать наступление на Советскую власть в Эстонии. Руководителями заговора, как сообщалось, являлись бывшие царские офицеры эстонской национальности.

Требовалось немедленно предупредить замыслы врага. В выполнении этого задания принимал участие и я.

Инструкции я получил лично от Виктора Кингисеппа. В соответствии с ними мне поручалось реорганизовать расквартированную в Вильянди «национальную» пехотную часть. В ней должны были остаться только те, кто происходит из трудового народа и сам хочет служить народу. Отряды Красной гвардии города и

езда надлежало привести в боевую готовность. В случае необходимости я должен был арестовать контрреволюционных офицеров и другие вражеские элементы. Мне предписывалось принять все возможные меры к скорейшему увеличению численности революционных вооруженных сил в Вильянди, а также к всяческому ослаблению сил контрреволюции. В особых случаях меня уполномочили действовать по собственному усмотрению.

По пути в Вильянди я на один день остановился на станции Лелле. Находившиеся здесь склады старой царской армии были оставлены без какой-либо охраны и могли быть разграблены. Некоторые наиболее «предприимчивые» уже взялись за дело. Отпугнуть их не составило труда. Сравнительно легко удалось организовать и постоянную охрану из местных надежных товарищей.

С плохим предчувствием я сел утром в поезд. Единственным желанием было поскорее приступить к выполнению поставленной задачи. Моими попутчиками в вагоне оказались молодая пара из Вильянди и разговорчивая девушка, которая, как выяснилось, хорошо знала моих близких. Сама она работала где-то недалеко от Таллина и ехала в Вильянди проведать своих родителей.

Поезд остановился на станции Олуствере. Случайно бросив взгляд на платформу, я увидел там около двадцати вооруженных солдат с офицерами. Они стояли около двух пулеметов. Не выходя из вагона, я внимательно следил за действиями солдат. Вскоре они вошли в вагоны. Пятеро из них сели рядом со мной и моей собеседницей. Поезд тронулся, и я заговорил с солдатами.

— Что это у вас происходит? Охота что ли?

— Ага, охота. Только на особых зверей, — хитро посмеиваясь, ответил один из солдат.

— Что же это за звери такие, коли вы на них с пулеметами охотитесь?

— Да члены исполкома Вильяндиского Совета. Они прошлой ночью исчезли из Вильянди, прихватив с собой народные деньги. Вот мы их теперь и ловим, — объяснил солдат.

Эта новость меня ошеломила. Я прекрасно знал всех членов исполкома Вильяндиского Совета: Яана Сихвера, своего брата Виллема и других. Эти люди скорее отрубили бы себе руку, чем протянули бы за принадлежащим народу добром.

Я, кажется, опоздал, — пронеслось в мозгу. — Очевидно, заговорщики нас опередили. Но как представитель Советской власти да еще с чрезвычайными полномочиями я обязан был быстро найти выход из создавшегося положения.

— Ну и как, поймали уже кого-нибудь из них? — продолжал я расспрашивать полушутливым тоном.

— И на след еще не напали. Поди узнай, куда они спрятались.

— А вы-то сами из какой части?

— Мы из Вильяндиского пехотного полка.

— Откуда ж вы тогда знаете, что члены исполкома своровали народные деньги и удрали с ними?

— Мы-то сами, конечно, не видели, — сказал один из них. — Мы спали, когда примерно часа в четыре утра в казарму вбежали офицеры. Нас подняли по тревоге и вывели сначала в город, а потом и за город — ловить красных.

Я напряженно думал. Неужели белогвардейским заговорщикам, действительно, удалось ночью арестовать и бросить за решетку вильяндиских активистов? Разговор о бегстве не мог быть правдой.

Мне нужно было выпытать у солдат как можно больше, чтобы составить свой план действий.

— Ну ладно, Совета в Вильянди больше нет. Кого же вы теперь к власти поставите? Может Николай кровавый опять на трон влезет?

— А мы этого и знать не хотим, — ответил один из солдат. — Власть — это дело офицеров. Откуда нам знать, какую власть они установят вместо Совета. Наше дело — исполнять свой солдатский долг, слушать и выполнять приказы.

Эти слова, вбитые в голову еще в царской армии, солдат пронес с улыбкой.

Было не трудно понять, что у солдата и его товарищей в действительности в голове совсем другие мысли. Я решил рискнуть. Будь, что будет, и с нескрываемой насмешкой проговорил:

— Так я и поверил, что вам, солдатам, все равно, чья будет власть, господская или народная.

— А что мы можем поделать? — сказал один из солдат. — Мы — люди подневольные: что прикажут, то и обязаны делать.

— Это при царе так было, а теперь другие ветры подули. Теперь и простой человек имеет право голоса.

Солдаты задумались. Я начал расспрашивать, откуда они и кем работали до призыва в армию. Как выяснилось, все пятеро были безземельными, перебивались то мызными работами, то батрача на «серых баронов» — кулаков. Таким образом, передо мной сидели представители наиболее эксплуатируемого отряда трудящихся.

«Одно из двух, — подумал я. — Или до этих людей еще не дошло, с кем идти вместе, или они просто не знают, какими путями бороться за свои права».

Я решил действовать напрямик.

— Друзья мои, теперь мне совершенно ясно, что офицеры бессовестно обманули вас. Ночью, когда вы спали, им, видимо, удалось арестовать членов исполкома. Вам же для отвода глаз соврали, что, мол, красные удрали вместе с городской кассой.

Во время разговора мы так близко придвинулись друг к другу, что наши головы почти соприкасались. Я полупешотом продолжал объяснять им, что лично знаю всех членов исполкома

Вильяндского Совета, что они никогда не смогли бы причинить вред народу. На протяжении всей жизни их единственной целью была борьба за счастье для рабочих, безземельных, батраков и всей деревенской бедноты, за власть трудового народа. Господа же офицеры упрятали таких людей за решетку и, чтобы скрыть свое преступление, дурачат теперь солдат, заставляя их носиться по уезду.

Говоря это, я был уверен, что все именно так и происходило. Никак по-другому я не мог объяснить исчезновение членов исполкома. Мне казалось, что бунт, организованный белогвардейскими офицерами, есть событие местного значения, предупредить которое и было поручено мне. Я почувствовал, что обстоятельства заставляют меня действовать уже по своему усмотрению, причем быстро и решительно.

Увлеченные разговором, мы и не заметили, как в десять часов вечера поезд прибыл в Вильянди. У выхода с перрона стояли солдаты, проверявшие документы. Это могло для меня плохо кончиться, если бы у меня не было новых друзей. Окруженный пятью вооруженными солдатами, я без всяких осложнений вышел из вокзала и, попрощавшись с солдатами, сел на извозчика. Поронявшись вскоре со своей вагонной собеседницей, я предложил ей сесть в сани.

— Я до сих пор еще не освободилась от страха, которого натерпелась, когда вы разговаривали с этими солдатами, — сразу же начала девушка. — Как это вы так сразу решились изложить им свои планы?

— А как еще я мог бы склонить их на свою сторону?

— Но вы же их видели первый раз в жизни, — заметила девушка. — Я страшно боялась, что кто-нибудь из них еще в вагоне выдаст вас полиции или сам арестует.

— Да, но, как вы слышали, они же все из безземельных. Отказаться от власти трудящихся, отказаться от надежды получить помещичью землю они не могли. Поэтому я и не боялся, что кто-нибудь из них предаст меня.

— Вы им свой адрес дали, а его может узнать какой-нибудь совершенно случайный человек и донести. Придут к вам домой и арестуют вас.

— Думаю, что и этого не следует бояться. Ведь мои новые друзья хотят победы трудового народа, а для этого и им самим необходимо приложить кое-какие силы. Кроме того, я предупредил их, что действовать надо крайне осторожно.

— А все-таки будет лучше, если вы укроетесь у моей мамы, — продолжала девушка. — Мы живем на окраине города, и у нас никто не станет вас искать. А вашим родителям я сообщу о вашем приезде.

Позднее я понял, что совет девушки был не лишен здравого смысла, но в тот момент он не умещался у меня в голове.

«Укрыться? — быстро подумал я. — Теперь, когда надо действовать!»

Я поблагодарил девушку за ее доброту и поехал к своим родным.

Входя в комнату, я увидел там маму, сестру и соседку — жену красногвардейца Эльмара Тедера. Заметив на их лицах ммурое, подавленное выражение, я спросил:

— Где братья?

— Сегодня утром, в четыре часа, уехали с товарищами. Не знаю, где они сейчас, — тихо ответила мама.

— А отец? Почему его нет? Где он? — быстро спросил я.

Мама, немного протянув с ответом и тяжело вздохнув, рассказала:

— Примерно через полчаса после того, как уехали твои братья, на улице послышался топот ног. И вдруг стук к нам в дверь. «Открывай, а то выломаем дверь!» — заорал кто-то. Мы еще спали. Отец пошел открывать дверь. Ему тут же сунули под нос дула винтовок и крикнули: «А ну, выкладывай, старик, куда дел сыновей! Отвечай, а то мы с тебя шкуру спустим!». «Откуда мне знать, где мои сыновья, — спокойно произнес отец. — Знаю только, что дома их нет». «Стало быть, ты не знаешь, — заухмылялись погромщики. — А вот посадим тебя за решетку на хлеб и воду, тогда ты у нас заговоришь!» Они обыскали все углы. Днем приходили еще два раза. Полная комната была их, с белыми повязками на рукаве. Одни вильяндиские торговцы да мясники и их отпрыски-гимназисты. Ругались и угрожали так, что жутко было. Они искали Эдуарда, своего же соученика. Хорошо, что ему удалось уйти, а вот, что с отцом, этого я не знаю...»

Я негодовал и схватив маму за руку, громко спросил:

— Куда эти бандиты отвели отца?

Мама сквозь слезы ответила, что людей похватали много, все тюрьмы города переполнены. Отца держат вместе со многими другими в большом зале мирового суда (еще вчера там находился Совет).

«Вина» отца состояла лишь в том, что все три его сына активно боролись за дело трудового народа. Разве это преступление? Выхватив из кармана револьвер, я рванул к двери.

— Освобожу отца и его товарищей! — крикнул я на ходу, но выбежать из комнаты мне не удалось: все три женщины схватили меня и после короткой борьбы усадили на кушетку.

— Не делай глупостей, — тяжело переводя дух, сказала мама. — Ты один, а врагов очень много. У них и винтовки, и пулеметы, а у тебя только один револьвер. В одиночку ты отцу ничем не поможешь — только сам погибнешь без всякой пользы. Успокойся, обдумай все хорошенько, а уж потом действуй...

Теперь и я осознал всю бессмысленность своих недавних намерений. Расспросив подробно о положении в городе, я узнал, что после ухода городского Совета власть захватил командир

«национальной» пехотной части, в прошлом царский офицер. Он-то и руководил массовыми арестами рабочих. Большинство арестованных было виновно лишь в том, что поддерживало не буржуазию, а Советскую власть.

Всю ночь я не сомкнул глаз, но так и не нашел никакого разумного решения.

Утром сестра приготовила для отца узелок с бутылкой кофе и съестным (носить арестованным еду разрешалось). Мне пришла неожиданная мысль: попробовать пробраться к арестованным и поговорить с ними. Я надеялся на успех потому, что меня, долгое время отсутствовавшего в Вильянди, мало кто знал в лицо. Часы показывали семь с минутами. Светало. Мы отправились в путь. В городе было еще тихо. Белогвардейцы, весь прошлый день усиленно охотившиеся за активистами Советов, теперь, по-видимому, отдохали от такой «утомительной работы».

Войдя в здание суда, я сразу же заметил пулемет на площадке лестницы, ведущей на второй этаж. Рядом с ним сидели двое солдат.

Быстрым, по-хозяйски уверенным шагом я поднялся по лестнице, миновал пулемет и направился к двери в зал, у которой стоял солдат с винтовкой. Не говоря ни слова, я взялся за дверную ручку. Часовой посмотрел на меня и робко спросил:

— Вы кто?

— Ты что, не видишь — солдат! — грубо ответил я и исчез за дверью. Часовой, видимо, принял меня за кого-нибудь из начальства.

В зале я сразу же разглядел множество знакомых лиц. Арестованные сидели и лежали на полу. Не видно ни соломы, ни каких-либо других «спальных принадлежностей». Пленники уже сутки находились в таких условиях. При моем появлении большинство арестованных, вскочив на ноги, окружило меня тесным кольцом. Со всех сторон посыпались вопросы: «Как ты сюда попал?», «Где тебя взяли?», «Что нового на свободе?» и т. д. Всем хотелось поскорее услышать новости. Эти люди знали, что я работал в Таллине.

Я рассказал, что приехал из Таллина с заданием организовать в Вильянди фронт борьбы с контрреволюцией, но, как видно, опоздал. Сейчас собираюсь ехать обратно, чтобы через пару дней снова быть здесь с таллинскими красногвардейцами и матросами-балтийцами. Пусть товарищи еще немного потерпят, мы скоро восстановим Советскую власть в Вильянди.

На лицах присутствующих засияла надежда. Я заметил среди арестованных одного из активнейших вильяндиских красногвардейцев, своего старого друга Сырмуса. Он спокойно сидел на краю стола и хитро поглядывал на меня. Еще мальчишкой я любил смотреть, как Сырмус, сидя у своих колес, плетет из пакли канат. Во время работы он пел веселые песенки, и мальчишки со всего города собирались слушать их, а заодно и покру-

тить рукоятку колеса, на которое наматывался канат. С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Сырмус взял в руки винтовку, чтобы защищать Советскую власть в Вильянди.

Я пожал руку еще одному члену исполкома — Лампсону. Он работал извозчиком и всегда был готов везти куда угодно членов исполкома, добросовестно выполнял все срочные поручения, которые ему давали. Сидя на облучке саней, он держал для устрашения «буржуев» винтовку на коленях. Человек он был рослый, крепкий.

И только тут я заметил, что недалеко от печки, на скамейке сидел отец. Лицо его было бледнее обычного. Я крепко обнял его и хотел вкратце повторить ему все, что говорил другим. Но он сразу прервал меня:

— Постарайся, сынок, поскорее выбраться отсюда. Иди, пока они и тебя не посадили. Не теряй драгоценного времени. Действуй! Удачи тебе!

Помахав рукой, я попрощался со всеми и быстрым шагом вышел из зала.

Я уже находился недалеко от дома, когда мне встретился человек с белой повязкой на рукаве. На плече у него висел «винчестер». Его лицо показалось мне знакомым. И тут же в памяти всплыл кабинет моего брата Виллема, председателя чрезвычайной комиссии Вильяндиского Совета по борьбе с контрреволюцией. В начале января этот человек стоял перед братом и отвечал на его вопросы. Как вора и социально вредного элемента Виллем арестовал его, чтобы предать суду. Белая лента на рукаве этого ворюги означала, что теперь он член буржуазной военизированной организации, называемой «омакайтсе» («самооборона»). Для того, чтобы потопить революцию в крови, буржуазия не брезговала и услугами уголовников.

Когда наши глаза встретились, вор вздрогнул. Я крепче сжал рукоятку револьвера в кармане, готовый стрелять при попытке врага снять винтовку с плеча. Но, по-видимому, ворюга в одиночку побоялся напасть на меня и быстрым шагом направился в свой штаб.

Не успел я раздеться дома, как вслед за мной в комнату вбежал мой знакомый — сапожник Сукк.

— Известно ли тебе, что германские передовые части сейчас находятся не более, чем в двадцати верстах от Вильянди? Наверняка, скоро будут здесь. Если хочешь выбраться из города, беги сейчас в вильяндискую мызу. Я сам только что оттуда. Там сегодня ночевала какая-то русская воинская часть, и они скоро уходят. Если застанешь еще, то выберешься с ними. Другой возможности для тебя я не вижу.

Я посмотрел Сукку в глаза и понял все. Мне стало ясно, почему Совет покинул Вильянди и откуда взялась вдруг храбрость у белогвардейских заговорщиков.

За то время, которое я находился на станции Лелле, произошли события, нанесшие тяжелый удар по трудовому народу Эстонии. Воспользовавшись срывом мирных переговоров, войска империалистической Германии начали военный поход против молодой Советской республики, развернув наступление на всем фронте от Балтийского до Черного морей. С каждым часом положение становилось все более критическим. Исполкому Вильяндиского Совета сообщили о высадке оккупантов с ранее захваченных ими островов Моонзундского архипелага на континент. Стало известно также, что командиры так называемых «национальных» эстонских частей, бывшие царские офицеры, действуют заодно с немецкими оккупантами и встречают их как своих освободителей. Поступили сведения, что германские части вместе с эстонскими «национальными» частями движутся на Таллин со стороны Хаапсалу, что интервенты заняли Валгу, где находился штаб 12-й армии.

Местных красногвардейцев было слишком мало, чтобы дать отпор оккупантам. Кроме того, приближения германских частей повсеместно ждали тайные белогвардейские организации, готовившиеся ударить в спину красногвардейцам.

Оценив создавшееся положение, исполком Вильяндиского Совета принял решение в ночь на 23 февраля покинуть город. Поскольку по железной дороге ни в Таллин, ни в Мыйзакула, ни в Валга нельзя было пробраться, решили взять лошадей в мызе и ехать на Пылтсамаа. В сани, вскодре подкатившие к зданию исполкома, сели члены Совета, активисты, красногвардейцы — все, кого успели ночью предупредить о надвигающейся опасности. В первые сани к установленному на них пулемету сел Яан Сихвер. В последние — тоже к пулемету сел заместитель председателя, а также председатель чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией мой брат Виллем, вместе с младшим братом Эдуардом, учеником последнего класса местной школы. Все приготовились к бою, так как каждую минуту можно было ожидать нападения со стороны белогвардейских заговорщиков.

Но враги не заметили как отъехал обоз и скрылся за поворотом длинной пылтсамааской дороги.

— Эй, солдаты! Подъем! — вбежали в казарму «национальной» части белогвардейские офицеры. — Вильяндиские «красные» сбежали, прихватив с собой народные деньги! Поднимайтесь сейчас же и быстрее ловить грабителей!

Через полчаса из города во все стороны выехали сани с вооруженными солдатами под командой белых офицеров. Но все их старания оказались безуспешными.

Вильяндиские большевики без помех добрались до Пылтсамаа. Они остановились в одном из деревянных домов имения. За

рекой в большом каменном замке стояла «национальная» пехотная часть. Вскоре стало известно, что ее офицеры подговаривают солдат напасть на прибывших большевиков. Однако большинство солдат категорически отказалось от этого, пообещав стрелять в тех, кто пойдет за офицерами.

Местные активисты и красногвардейцы присоединились к вильяндским товарищам. Прибыли также активисты и красногвардейцы из волостей. Из Паюси привезли с десятком белогвардейцев вместе с отобранным у них оружием. Они пытались организовать в волости мятеж, но потерпели поражение.

Из Пылтсамаа выехал уже значительно выросший обоз. На следующий день доехали до Тапа. Большинство красногвардейцев село здесь на поезд, а члены исполкома в сопровождении нескольких бойцов поехали в Раквере. Вместе с работниками раквереских органов Советской власти и местными большевиками на поезд сели и остальные вильяндские товарищи.

* *
*

Обо всем этом я узнал подробно от братьев позднее. А в тот момент я знал только то, что рассказал мне сапожник Сукк. Положение, действительно, складывалось очень серьезное. Белогвардейские власти ввели осадное положение: из города можно было выехать только по разрешению коменданта. Такая возможность для меня отпадала. Выход, который предложил мне заботливый Сукк, необходимо было немедленно использовать. На сборы много времени не понадобилось. Прихватив немного жареного мяса и горбушку хлеба, я стоял у порога.

Последовало тягостное прощание. Лицо мамы выражало горе и она проговорила сквозь слезы:

— И ты, сынок, покидаешь меня?

Я молча кивнул головой. Конечно, мне было тяжело оставлять беззащитную мать в логове врагов. Но что я мог поделать? Она и сама прекрасно понимала это.

— Да, ты должен идти, — всхлипывая, сказала она. — Иначе нельзя. Ты должен спешить за помощью, чтобы освободить отца и его товарищей...

Я уверенно сказал, что обязательно вернемся и крепко обнял мать.

— Удачи тебе, сынок!

Так я покинул родной дом, не зная, что ждет меня впереди. Сестра Леэни проводила меня, чтобы потом рассказать маме, как я добрался до русских солдат.

Вскоре я дошел до мызы. Оказалось, что здесь ночевали артиллеристы одной из батарей бывшего Северного фронта. Их орудия застряли в сугробах, а германские войска быстро наступали. Пришлось орудия оставить в пути, и теперь около двухсот

человек отступало под командой солдатского комитета, вооруженные винтовками, ручными гранатами и двумя пулеметами. Бойцы как раз начали движение. Я беспрепятственно получил разрешение идти вместе с ними и вскоре уже шагал по таллинской дороге. С винтовками в руках солдаты шли по обе стороны санного обоза. На первых и последних санях стояли пулеметы. В черте города все двигались медленно, готовые в любой момент дать отпор возможной вылазке бандитов из «омакайтсе». Выехав из города, все сели в сани. Спёреди и позади обоза ехали конные отряды человек по двадцать. Быстрой рысью мы удалялись от Вильянди, и через пару часов были уже на станции Выхма. Там я распрощался с артиллеристами и пересел в воинский эшелон, шедший в Таллин. Под вечер поезд остановился в Тюри. Здесь ходили слухи, что немцы уже в Кохила, и путь на Таллин, следовательно, перерезан. Поезд направили в Пайде, а оттуда на Тапа можно было идти лишь пешком.

В Пайде, как выяснилось, местные органы Советской власти еще за день до нашего прибытия покинули город. На станции и по улицам города разгуливали группы из «омакайтсе». Отставших солдат старой армии они не посмели тронуть. Приближалась ночь. Идти сейчас, в темноте, пешком в Тапа да еще по морозу и снежным сугробам было немислимо.

Я вошел в здание вокзала и уселся в зале ожидания. Мне бросилась в глаза одна пышущая здоровьем дама, которая, не закрывая рта, тараторила в кругу себе подобных:

— Да, с большевиками кончено. Ни один здравомыслящий человек и подумать не мог, что из их бредовой мечты что-нибудь выйдет. Подумать только: народ сам управляет государством!.. Для этого каждый член общества должен был бы кончить, по крайней мере, городскую школу. Но тогда каждому пришлось бы ежегодно платить четыре тысячи рублей. А такую крупную сумму не в силах платить даже состоятельный крестьянин. Следовательно, каждому гражданину невозможно окончить городскую школу. Отсюда ясно, что и социализм, о котором болтают большевики, есть чистая фантазия.

К сожалению, никто с этой глупой барыней не спорил. Не мог дать отповедь ей и я, так как в зале ожидания околачивались типы с белыми нарукавными повязками.

Я еще раз прикинул, как все-таки добраться до Таллина на поезде. С этой мыслью я зашагал вдоль железнодорожного полотна обратно в Тюри. Двенадцатикилометровое расстояние я прошел за полтора часа. В Тюри я обратился к дежурному по вокзалу, но он еще раз повторял мне, что на Таллин не пойдет больше ни один поезд.

Надежда, пригнавшая меня из Пайде в Тюри, окончательно рухнула. Оставалось одно — идти опять в Пайде и оттуда через Тапа добираться до Таллина.

Глубокой ночью я снова пришел в Пайде. Основательно

уставший, едва волоча ноги, я ходил по улицам с одной мыслью — где бы хоть немного отдохнуть. Глаза искали подходящее место. Но безлюдные улицы и давно погасшие окна домов не предвещали ничего утешительного. И вдруг я заметил тусклый свет керосиновой лампы в одном из подвальных окон. Я приник к окну и увидел спящих на нарах солдат. Дверь оказалась незапертой, охраны не было. Не спрашивая ни у кого разрешения, я вошел в комнату и улегся на свободное место. Едва голова коснулась подложенной вместо подушки папахи, как сон сковал меня.

Проснулся я от громкого смеха и тут же заметил, что на улице уже светло. Один из солдат, добродушно улыбаясь, спросил: — Ты кто, дружище, намерен в Пайде остаться? Мы уж и кричали и трясли тебя — все бесполезно. Ты спал как убитый. Пойдем лучше с нами кушать, а потом вместе отправимся в Тапа.

Солдаты эти были из хозяйственной команды какой-то воинской части. Сытный завтрак поднял у всех настроение.

В путь мы отправились под веселые возгласы и шутки. Однако скоро веселье прошло. Некоторые солдаты взяли с собой по три-четыре буханки хлеба, чтобы хватило на весь долгий пятидесятикилометровый путь. Но через несколько часов непрерывной ходьбы в сугробы полетели одна буханка за другой. Наша колонна вскоре растянулась в вереницу людей, в которой место каждого зависело от его воли и физической силы.

К серым шинелям наших солдат с боковых дорог примешивалось все больше солдат в сине-серых шинелях. Это были австрийские военнопленные, работавшие где-то неподалеку на лесозаготовках и теперь стихийно вслед за остальными подавшиеся на восток.

— Куда же вы спешите, камрады? — спросил я одного из них. — Ведь ваши сзади находятся. Если остановитесь, скоро с ними встретитесь.

— Мы должны спешить еще больше, чем вы, — ответил один из австрийцев. — Это вам как раз некуда спешить, так как для вас война кончилась. А если нас догонят немцы, то наши дела будут совсем капут. Снова заставят идти в бой. На Западном фронте бои продолжаются и еще ожесточенней, чем прежде. Ваш народ сыт кровопролитием, и нам оно тоже порядком надоело. Поэтому и стараемся поскорее убраться подальше от этих мест. К черту господ с их войной!

На это возразить было нечего. И австрийцы продолжали упорно двигаться вперед, в сторону Тапа. Я окончательно присоединился к хозяйственной команде. К полудню наша группа из семи человек намного оторвалась от остальной колонны. Еще засветло мы вошли в мызу Сейдла. Большая половина пути осталась позади. Мы решили заночевать в имении, так как идти дальше не было сил. Я с двумя товарищами расположился в бар-

ском доме, остальные четверо из нашей группы нашли ночлег в других домах. Мы договорились, что в восемь часов утра встретимся в маленьком домике у обочины дороги.

В барском доме жила бывшая господская домоправительница. Она накормила нас и устроила на ночлег. Утром, когда мы проснулись, на столе уже дымилась вареная картошка, свиное жаркое и горячий кофе. По-солдатски быстро одевшись, мы накупились на роскошный завтрак.

После еды наша гостеприимная хозяйка отозвала меня в сторону и сказала:

— Вы говорите, что в Таллин идете. А у меня там сын, такой же молодой, как вы. Он парень честный, но уж больно горячий. Боюсь, как бы и он не стал большевиком. Очень прошу вас, если доберетесь до Таллина, найдите, пожалуйста, моего сына и накажите ему от моего имени, чтобы он держался подальше от всякой политики. Он у меня единственный, и его смерть я не переживу.

Чтобы успокоить домоправительницу, я записал в блокнот адрес ее сына и подумал про себя: если б мне и впрямь довелось встретить этого своего ровесника, я ни в коем случае не стал бы уговаривать его быть пай-мальчиком, а, наоборот, постарался бы вселить в него лютую ненависть к эксплуататорскому строю и увлечь на борьбу против угнетателей...

Ровно в восемь мы все собрались в придорожном домике. Вчерашняя усталость в ногах еще не прошла. Это чувствовали все, и поэтому возникла мысль — не поехать ли нам дальше на мызных лошадях?

Кто-то из мызных рабочих пошел за управляющим. Вскоре к нам подошел высокий, толстый мужчина с темной козлиной бородкой.

— Я — управляющий. Что вам угодно? — спросил он солдат по-русски.

Я ответил по-эстонски:

— Чтобы добраться до Тапа нам нужно четыре лошади с санями.

— С удовольствием выполнил бы ваше желание, но это невозможно, так как лошадей на месте нет.

Затем управляющий достал из внутреннего кармана пальто какую-то бумагу. Ехидно улыбаясь, он протянул ее мне и спросил:

— Вам знакомо содержание этой бумаги?

Я взял ее.

«Всем, всем, всем! — читал я. — Большевики морем бежали из Таллина... Все национализированное ими имущество возвращается прежним владельцам... Призываем честных сограждан повсеместно ловить большевиков...» И так далее и тому подобное. В числе трех красовавшихся на бумаге подписей я увидел и подпись своего «старого знакомого» Юри Вильмса.

Взгляд перебегал со строчкина строчку, и вместе с тем все сильнее нарастало чувство ненависти к врагам, захватившим власть в Таллине. В городе я надеялся найти друзей-красногвардейцев, солдат и матросов, с помощью которых собирался освободить отца и других арестованных в Вильянди. А теперь я не в силах выполнить свое обещание. Что делать? Куда идти? Решение нужно было принимать немедленно, а совета спросить не у кого.

Я заметил, что управляющий с ухмылкой следит за выражением моего лица при чтении «бумаги». Ему, врагу трудового народа и Советской власти, весело. Меня охватила ненависть к этому господину, не скрывающему своего злорадства.

Разорвав бумажку в клочья и втоптав их в снег, я сорвал с плеча свой «винчестер» и направил в грудь улыбавшегося управляющего.

— Чтобы через пять минут здесь стояли четверо саней с лошадьми!

Пребывавший в веселом настроении управляющий от страха потерял равновесие и повалился на снег. Заикаясь, он быстро приказал мызным рабочим запрягать лошадей.

Минут через десять четверо саней вынесли нас со двора мызы и повернули в сторону Тапа. На каждых санях сидели по два солдата и ямщик.

Подъезжая к имению Линнапуу, мы услышали частую ружейную пальбу. Все приготовились к бою. Во дворе мызы мы увидели человек двадцать бойцов, которые упражнялись в стрельбе из винтовок по установленным мишеням. Это были таллинские красногвардейцы, помогавшие местным властям отбирать у помещиков имения. Они уже знали о событиях в Таллине и собирались после завтрака двинуться в путь. Ждать их мы не стали и поехали дальше.

9

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Оккупанты. «Провокатор». Отправляемся в путь. Бой с группой «омакайтсе». Гостеприимная семья. Неожиданная находка. Лети, дрезина! Нас становится еще больше. Контратаки. Мир.

Во второй половине дня наш маленький обоз добрался до станции Тапа. В здании вокзала и вокруг него было полно солдат старой армии. Тут же находилось и много штатских. Уже два дня отсюда не отправился ни один поезд, не было и проходящих. Через некоторое время всех всполошила весть о скором прибы-

тии поезда из Тарту с германскими войсками. Я усомнился в ее достоверности и решил дожидаться прибытия эшелона.

Вскоре действительно показался дым приближающегося со стороны Тарту поезда. Он немного постоял у семафора и затем медленно подошел к станции. Паровоз толкал перед собой две платформы. Первая из них была загружена мешками с песком, а на второй стоял готовый к бою пулемет, около него расположились четверо солдат. За собой паровоз тащил пять пассажирских вагонов третьего класса, в окнах которых виднелись лица кайзеровских вояк.

Вдруг откуда-то из толпы вылезли три толстых человека, спешивших хлебом-солью встретить «своих спасителей». Немецкие солдаты быстро вышли на перрон и выстроились перед своими вагонами. В двери одного из вагонов показался высокомерный, худой и длинный офицер. В его глазу поблескивал монокль, а голову прикрывал шлем, украшенный спереди кайзеровским орлом. Левой рукой он придерживал саблю в никелированных ножнах.

Делегация от помещиков и кулаков, заметив начальство, приблизилась к нему с непокрытыми головами, низко кланяясь. Немецкий офицер не удостоил эту троицу даже взглядом. Он горделиво посмотрел по сторонам и медленно зашагал к зданию вокзала. Офицера быстро обогнал шустрый немецкий фельдфебель. Помахивая кнутиком, он влетел в буфеты I и II класса и выгнал оттуда всех посетителей.

Очистив буфеты, фельдфебель поспешил навстречу офицеру. Но тут он заметил на платформе бедно одетого мальчонку, который торговал им же самим набитыми папиросами. Фельдфебель со всего маху ударил ногой по коробке с папиросами. Она вылетела из рук мальчика, и папиросы разлетелись по всей платформе.

— Weg! — крикнул разъяренный фельдфебель и стеганул мальчонку по спине кнутом. Теперь путь офицеру был свободен, и он вошел в буфет.

В толпе послышался приглушенный ропот. Лютая ненависть сдавила мне горло. Мы своими глазами увидели, что представляют из себя германские оккупанты.

Все, конечно, понимали, что одной ненавистью положение не изменишь. Чтобы выдворить оккупантов и уничтожить их пособников — помещиков и кулаков — нужна сильная Красная Армия. Необходимо продолжать ее создание, не теряя ни минуты.

Но что сейчас предпринять? Очень полезно было бы узнать о намерениях авангарда противника. Почему бы не воспользоваться знанием немецкого языка и не поговорить со стоявшими у вагонов германскими солдатами? Легким и беззаботным шагом я подошел к ним и с первого взгляда понял, что большинство этих молодых, крепких и розовощеких солдат — выходцы из

состоятельных слоев Германии, на которых можно положиться. Они, не задумываясь, потопят в крови народ чужой страны.

— Приветствую вас, господа! Как видно, вы приехали погостить у нас?

— Я-а-а! Я-а-а! Здравствуйте! — ответило сразу несколько голосов. Эти желторотые были, видимо, довольны, что человек в шинели русского солдата заговорил с ними по-немецки. Они тотчас же окружили меня.

— Откуда вы приехали?

— Из Тарту едем.

— А с красными по дороге бои были?

— О, я-а-а! — ответили немцы. — Совсем недалеко отсюда застрелили четырех красных. Они пытались разобрать рельсы.

— И куда же вы теперь? В Таллин?

— Нет, нет! Будем продвигаться в направлении Раквере — Нарва, — объяснили солдаты.

— Наверно, скоро опять по вагонам?

— Нет, сегодня мы останемся здесь. Подождем прибытия главных сил. Да и в темноте мы не едим. Вот завтра утром, как рассветает, тогда и тронемся в путь.

Так я узнал то, что меня интересовало. Я и оккупанты, стало быть, будем двигаться в одном направлении. Только они поедут поездом, а я, чтобы оторваться от них, должен выходить немедленно и идти с максимальной скоростью, день и ночь, имея конечной целью колыбель революции — Петроград. Там свои, там друзья! Там теперь наверняка собираются коммунисты Эстонии. Именно оттуда начнется новый этап борьбы за освобождение твоей маленькой родины от немецких оккупантов и их пособников.

Мысли эти молниеносно пронеслись в голове.

В поисках попутчиков я вошел в помещение вокзала. Здесь сестры милосердия громкими протяжными голосами объясняли, что все собравшиеся на станции солдаты русской армии могут спокойно оставаться на месте и ждать. Германское командование обещает сразу же, как только представится малейшая возможность, снарядить эшелон, который доставит всех солдат в Псков. А там их отпустят по домам.

Я сразу понял, что этот прием рассчитан на то, чтобы заманить солдат в западню. Их хотели задержать на станции до прибытия главных сил. Я сказал солдатам, что если есть такие, кто действительно хочет попасть домой, то путь на Петроград через Нарву пока еще открыт. И добавил тихо, чтобы не слышали сестры, что оккупанты хотят снарядить эшелон для отправки не в Псков, а в Германию. На Западном фронте все еще идут бои, и там очень нужны рабочие руки для рытья окопов. Да и прусские юнкера не откажутся от дешевой рабочей силы для своих поместий. Поэтому пока путь на Нарву свободен, надо его быстро использовать.

Но мои слова солдаты восприняли с недоверием. Они начали шептаться между собой. Кто-то довольно громко произнес слово «провокаатор». Я понял, что дольше на станции мне оставаться опасно и решил немедленно отправиться в путь. Со мной пошли еще два товарища, с которыми я познакомился на станции Тапа. Один из них был рабочий-красногвардеец Яан Каазик из Таллина, второй — советский активист из Тартуского уезда, солдат Арнольд Конса. У нас были одни мысли, одна цель и, следовательно, один путь.

Пройдя по железнодорожному полотну километров десять, мы заметили справа приближавшийся большой санный обоз. Ускорив шаг, мы первыми дошли до переезда и стали ждать. Вскоре выяснилось, что в обозе ехали солдаты Новгородского, Невского, Нарвского и Копорьеского полков бывшей 12-й армии Западного фронта. К своей большой радости среди солдат я сразу же нашел знакомых, которые в самом начале года помогли нам в Вильянди разогнать кулацкий кавалерийский полк. Для нас троих нашлись и винтовки и место в санях. Казалось, фортуна вновь и на этот раз надолго повернулась к нам. Но на санях мы проехали не более полкилометра.

Неожиданно была объявлена общая тревога. Верховые, ехавшие впереди обоза, неслись обратно:

— Стой! Стой! К оружию!

Обоз остановился. Солдаты хватали винтовки и прыгивали с саней.

— В чем дело? Что стряслось? — спрашивали вокруг.

После переезда дорога шла в гору. Перед нами на пологом склоне холма слева от дороги находилось кладбище с каменной оградой, справа виднелся старый трактир. Между сугробами на извилине петлявшей дороги чернел изготовленный к бою пулемет. По обе стороны от пулемета мы разглядели залегшую цепь вооруженных людей.

Это были, скорее всего, кадринаские бандиты из «омакайтсе». Весть о приближавшихся германских войсках, очевидно, придала им храбрости.

Нам предъявили ультиматум:

— Все оружие немедленно сдать! Обоз с прочим барахлом и сами солдаты могут ехать дальше! В противном случае откром огонь!

У обоза началось оживленное совещание. Часть солдат горячо и убежденно доказывала:

— Товарищи, нам остается одно — немедленно, не теряя ни минуты, атаковать вершину холма, где стоит пулемет. Нужно обойти цепь с флангов, окружить высоту и уничтожить находящегося на ней врага. Надо силой проложить себе путь.

Мы втроем поддерживали это предложение. В обозе насчитывалась, по крайней мере, тысяча уже побывавших в боях солдат, вооруженных винтовками. Это была большая сила, которая

при наличии согласия в ее рядах могла решать и более серьезные задачи, чем разгром нескольких десятков вояк из «омакайтсе». Но как раз согласия у солдат и не было. Не было и единого, всеми признанного руководителя.

Другая часть солдат пыталась найти более безопасный выход из положения.

— Всю войну прошли, из такой мясорубки живыми выкарабкались. До дому уже рукой подать, скоро жен и детей своих увидеть сможем... Очень уж не хочется сейчас рисковать, умирать не хочется. Пускай забирают наше оружие, с ним все равно больше делать нечего. Черт с ним! Зато мы с обозом дальше поедем!

Но как раз в этом с виду безопасном выходе и таилась самая большая опасность. Со справедливым негодованием этим солдатам ответили:

— Мы солдаты до тех пор, пока у нас в руках оружие. Пока мы способны себя защищать, с нами будут считаться и наши враги. А как только мы сдадим оружие, белогвардейские банды смогут делать с нами что хотят. Кроме оружия у нас заберут лошадей и другое снаряжение. Кто не хочет стать бараном на бойне, должен идти в бой.

Дискуссия затягивалась. Белогвардейцы терпеливо ждали, так как первыми начать бой боялись. Мы трое, не дождавшись окончания спора, отошли от обоза и зашагали вдоль железной дороги. Начало темнеть.

Сзади послышались треск выстрелов и разрывы ручных гранат. Затем последовало короткое, мощное «ура!», и опять все стихло. Таким образом, солдаты, наконец-то, пришли к правильному решению и силой проложили себе дорогу. Наступившая темнота помогла им в этом.

Часовая стрелка приближалась к полуночи, когда мы добрались до станции Раквере. Позади остались 25 верст. Поглубже натянув на головы шапки, мы вошли в привокзальный буфет.

Едва мы успели расположиться, как за наш стол сели два школьника с винтовками. Белые повязки на рукавах говорили о их принадлежности к «омакайтсе».

— Вы что белогвардейцы? — спросил их Арнольд Конса, притворившись простачком.

— Нет! — ответил один из них.

— Как же нет?! Ведь ты белогвардеец, — выпалил второй.

— Не болтай! Сам ты белогвардеец! — рассерженно проговорил первый.

Между мальчишками вспыхнула ссора. Нас это развеселило. Но долго рассиживаться нам было нельзя. За ночь предстояло пройти еще много верст. И через полчаса мы уже снова вышли в путь.

Погода за это время изменилась. Поднялась метель. Ветер с завыванием носился по безлюдным улицам, с каждой минутой

становился все злее. Но мы все-таки шли верста за верстой по шпалам вперед, пробивая себе путь в непроглядной стене пурги. Однако наши шаги становились все медленнее, все труднее было передвигать ноги. В конце концов мы все почувствовали, что дело принимает дурной оборот — ни один из нас дальше не мог двигаться от усталости и холода.

— Кажется, я отморозил пальцы на левой ноге, — сказал Яан Каазик, одетый легче, чем мы.

Требовалось найти какое-нибудь убежище, где можно немного передохнуть. Но больше, чем на четверть часа нам останавливаться нельзя, иначе оккупанты опередят нас на поезде.

Мы жадно всматривались в пургу, ища какое-либо придорожное строение, но вокруг было темно, хоть глаз выколи. Все с большим трудом мы переставляли уставшие ноги со шпалы на шпалу.

И вдруг справа мы заметили слабый огонек, мигнувший на мгновение и вновь скрывшийся в пурге. Мы пошли в том направлении. Надежда оказаться в тепле придала нам новые силы. И вскоре мы уже стояли перед освещенным окном низенького домика. Постучали негромко по стеклу.

— Кто там? — послышался испуганный женский голос.

— Солдаты! Нам бы обогреться немного!

— Нет! Идите куда-нибудь в другое место! Я вас не пушу! — категорично заявил тот же голос.

Казалось, наши надежды на отдых рухнули. Но в этот момент из снежной пелены вышел какой-то человек.

— Что вам нужно, товарищи? — спросил он.

— Отдохнуть четверть часа.

Человек подошел к окну:

— Леэни, отвори дверь!

Когда дверь открылась, он дружески пригласил нас:

— Заходите, товарищи!

Мы вошли в дом, в котором была только одна комната и кухня. Обстановка говорила о том, что хозяин — из деревенских бедняков. На вид ему лет двадцать пять. Тут же стояла его молодая жена. Детей не видно. Мужчина осмотрел нас серьезным взглядом, спросил о цели нашего похода и затем проговорил:

— Снимайте-ка свои шинели! Сегодня ночью вы никуда не пойдете. Покушаете и ложитесь спать. А завтра на рассвете я вас разбужу, и вы отправитесь дальше.

Дружеский тон хозяина и трезвая оценка положения скоро заставили нас согласиться с его предложением. Натопленная комната и еда, которая благодаря заботам молодой хозяйки вскоре появилась на столе, окончательно сломили нас. И скоро мы спали глубоким сном на свежем сене, разложенном на полу.

Когда утром наш гостеприимный хозяин разбудил нас, на столе уже стояли миски со свиной и дымящейся картошкой,

кружки горячего кофе. Перед тем, как проститься, мы спросили у хозяина, сколько должны заплатить за все это, но он протестующе поднял руку.

— Нет, солдаты, не ради денег я вас в дом пустил. У меня с вами общая дорога и судьба. Вы вот сегодня уходите, а я еще денек обожду. А завтра может и я зашагаю вслед за вами.

Мы почувствовали прилив сил и могли идти хоть до самого вечера. Больше всего нас радовала поддержка, оказанная простыми тружениками, к которым нас привел случайно замеченный в ненастную ночь огонек...

И снова убегающее вдаль полотно железной дороги. Но мы не прошли и километра, как заметили в заметенной снегом канаве что-то темное. Дрезина!

Мы быстро выволокли ее и поставили на рельсы. Она оказалась в полной исправности. Рычаги были на месте, шестеренки и оси хорошо смазаны. Мы чувствовали себя баснословно богатыми, получив в свое распоряжение такое быстроходное средство передвижения. С его помощью мы получали реальную возможность оторваться от германских оккупантов.

С чувством огромной благодарности мы еще раз вспомнили крестьянина, с которым простились не так давно. Именно он задержал нас у себя на ночь и своим радушием оказал нам еще одну услугу, о которой он, к сожалению, не мог и догадаться. Ночью, проходя это место в темноте, мы ни за что не заметили бы лежавшую в канаве дрезину.

Дрезина катилась легко. Незаметно пронеслась она мимо полустанка Ваэкюла, а вскоре показалась станция Кабала.

— А вдруг там уже белые? Проскочим ли станцию на своей дрезине?!

Ответ на эти возникшие вопросы можно было получить только на станции. На прорыв силой надеяться нечего: винтовки мы оставили в обозе.

Подъезжали к станции не торопясь и с достоинством, желая произвести впечатление хозяев положения. Между собой мы договорились ни с кем на станции в разговор не вступать, миновать ее по возможности спокойным ходом и после этого прибавить скорость.

Мы видели, как на платформу вышел дежурный в красной фуражке. Глядя на приближающуюся дрезину, он не мог знать, куда мы едем и откуда, так как связь не действовала. Дежурный видел только дрезину, ехавшую по железной дороге, по которой вот уже двое суток не проходил ни один поезд, и поднял зеленый флажок.

Путь свободен!

Мы в душе ликovali.

— Кажется проскочим!

За спиной дежурного виднелась пестрая толпа в полсотни человек. Что за люди? Не бандиты ли из «омакайтсе»?

В голове закружились беспокойные мысли. Мы продолжали медленно работать рычагами, стараясь создать впечатление, будто никуда не спешим. Но едва мы миновали дежурного и рычаги дрезины как-то сами собой стали двигаться быстрее.

Это небольшое увеличение скорости сразу же заметили и толпа бросилась бежать вслед за дрезиной. Через несколько мгновений нас окружили плотным кольцом. Началось выяснение, кто и куда едет. Оказалось, что большинство тоже отступающие солдаты. Мы взяли с собой на дрезину семерых бойцов. Больше не поместилось. Остальным посоветовали ждать другой оказии или идти дальше пешком. Таким образом после Кабала «экипаж» дрезины состоял уже из десяти молодых и преданных своему делу большевиков.

Двое из присоединившихся к нам пережили особенно тяжелые дни: они были приговорены кулаками из «омакайтсе» своей волости к смертной казни. Их заперли в какое-то помещение, но им удалось, сломав крышу, под покровом ночи убежать.

Нам нужно было спешить. Но рельсы местами занесло снегом, и колеса дрезины часто начинали буксовать. Скорость падала. Выход нашли быстро. Четверо, по двое с каждой стороны, непрерывно работали рычагами. Их смена в это время отдыхала, а два человека сидели на передке дрезины и метелками сметали с рельсов снег. Дрезина снова неслась с прежней легкостью, оставляя за собой версту за верстой.

Как и вчера, дул холодный февральский ветер. Но нам было жарко от работы рычагами. Так, не останавливаясь, мы миновали несколько станций. Над дрезиной развевался красный флажок, который удалось достать у начальника одной из станций, где мы остановились утолить жажду. Красный цвет флажка отвечал действовавшим на железной дороге правилам и в то же время политическим настроениям ехавших на дрезине бойцов.

*

* *

В полдень мы въехали в красивый сосновый бор, раскинувшийся по обе стороны железной дороги. Метель улеглась, и вокруг царили тишина и безмолвие. Сердце радовалось ласковым лучам солнца. Воздух наполняли освежающие запахи леса. В тишине и тепле нам захотелось немного передохнуть.

Мы сбавили скорость и тут же увидели впереди, слева от полотна, лежащего человека, укутанного в черный овчинный тулуп. Мы остановились рядом.

Лежавшему было на вид лет сорок. Его смуглое мужественное лицо украшали густые черные усы.

— Здравия желаем, уважаемый! — крикнул я. — Не знаете ли случайно, сколько отсюда до красных?

— Здравствуйте! — ответил человек, внимательно разглядывая сидящих на дрезине. Потом задумался и сказал:

— Красные? А кто их, дьяволов, знает. Проскочили здесь, а поди теперь поймай их.

Я спрыгнул с дрезины.

— А ну-ка, ребята, дадим ему по шее за такие разговоры! Раз мы для него дьяволы!

Но тут глаза лежавшего неожиданно загорелись, он моментально вскочил и бросился нам навстречу:

— Товарищи! Свои! Я ведь сам тоже насквозь красный!

На том месте, где лежал, он выкопал из снега свой партбилет и другие документы. Там же лежали маузер и ручная граната. Он объяснил нам:

— Когда услышал шум дрезины, а потом увидел, что она едет с той стороны, откуда уже долго не было ни одного поезда, я принял вас за белогвардейскую разведку. Ну и решил на всякий случай спрятать документы и оружие в снег.

Как следовало из документов, перед нами стоял председатель Тырвастуского волостного исполкома Александр Сарв. Это был старый большевик — с 1905 года. За свою революционную деятельность вдоволь насиделся по царским тюрьмам. Он был из той ленинской гвардии, которая в глубочайшем подполье, в тяжелых условиях царского террора самоотверженно и неустанно готовила социалистическую революцию, победу трудового народа. По профессии он был потомственным строителем. О нем, как об одном из лучших советских работников Вильяндского уезда, я еще раньше слышал от брата. Поэтому я сразу же проникся к нашему новому товарищу большим уважением и мы взяли его с собой на дрезину.

Через несколько минут дрезина уже мчалась вперед.

Уже миновал полдень, когда мы подъехали к станции Йыхви. На железнодорожных путях стояло несколько пассажирских поездов. Между ними и платформой снова вооруженные люди. Большинство их было одето в шинели или в штатское, но кое-где чернели и матросские бушлаты. Кроме винтовки за спиной у каждого на поясе висели еще ручные гранаты, а у многих и револьверы. Все они оставляли очень воинственное впечатление. Уже с первого взгляда можно было предположить, что это питерские рабочие-красногвардейцы, солдаты и матросы. Те, кто с лозунгом «Да здравствует власть Советов!» в октябре 1917 года бросились на штурм старого мира и потрясли его до основания.

Это действительно были бойцы Тартуско-Путиловского партизанского отряда, прибывшие из Петрограда на помощь нарвским и ракверским красногвардейцам. Они обрадовались, что могут получить от нас более свежие сведения о продвижении кайзеровских войск. Питерские бойцы считали, что оккупанты

прибудут в Йыхви не раньше следующего дня. Чтобы предупредить неожиданное появление врага, на полустанок Сомпа был послан передовой отряд. В районе же станции Йыхви планировалось нанести основной контрудар. Все ехавшие на дрезине единодушно решили присоединиться к красногвардейцам. Вскоре и у нас на плечах висели винтовки, а у пояса гранаты...

Частая винтовочная пальба и треск пулеметов, донесшиеся на следующее утро со стороны Сомпа, привели в движение всех бойцов на станции Йыхви. Все готовились к бою. Особый отряд быстрым шагом направился на помощь передовым силам — туда, откуда доносился шум боя. Авангард противника отступил.

На следующий день превосходящие силы оккупантов все-таки захватили полустанок Сомпа и начали наступление на Йыхви. Навстречу им выступили красногвардейцы. Экипаж нашей дрезины занял оборону примерно в километре влево от железной дороги, на краю зарослей кустарника. В нашем распоряжении кроме легкого стрелкового оружия был и пулемет «максим». Александр Сарв, опытный пулеметчик со времен мировой войны, зорко следил за каждым движением противника и в то же время говорил нам:

— Не высовывайте голов! Лежите, не двигаясь! Раньше времени не стрелять! Пусть подойдут поближе. Когда мой «максим» запоет, вот тогда все разом подхватывайте. Только цельтесь хорошенько, чтобы ни одна пуля даром не пропала.

Перед нами как на ладони, простиралось обширное пространство. Все ближе подходила цепь немцев. Но наш «максим» молчал. Молчали и винтовки в руках бойцов. Когда же немецкая цепь повернула влево и ринулась на штурм станции, вот тогда пулемет «запел». Бойцы, в свою очередь, старались из винтовок поразить каждое сине-серое пятно, двигавшееся на фоне белого снега. Немецкая цепь залегла.

Кто ползком, кто короткими перебежками оккупанты пытались спастись от смертоносного огня, неожиданно обрушившегося на них с фланга. Где-то по правую сторону от железной дороги грохотали вражеские пушки. Перевес сил давал возможность врагу маневрировать. Он перебросил на фланги дополнительные силы.

Враг стал окружать красногвардейцев. Поступил приказ отходить.

Вместе с другими в глубь кустарника отошел и экипаж дрезины. Наш «максим» еще пару раз останавливал вражескую цепь. С наступлением темноты бой прекратился. Начался общий отход красногвардейцев. Станцию Йыхви пришлось оставить. Свою дрезину мы прицепили к поезду. Поезд продвигался медленно. Через некоторое время он остановился на станции Вайвара. Здесь было решено вновь дать бой немцам. К нам прибыла

подмога, в том числе много матросов Балтийского флота. В окрестностях станции отряды революционных бойцов начали оборудовать оборонительные позиции.

Мы спрятали дрезину в снег и заняли позицию слева от железнодорожного полотна, на краю зарослей кустарника. Целый день мы готовились к встрече с врагом. В секторе огня «максима» срубили кусты и, кроме того, приглядели для пулемета несколько запасных позиций.

День прошел спокойно. Настало утро следующего дня. Сначала отдельные выстрелы, а затем все учащающаяся пальба возвестили о приближении врага. Бойцы заняли свои места.

Сарв опять учил нас:

— Лежите тихо и не двигайтесь, как будто вас здесь и нет. Ни один немец не должен заметить нас прежде, чем мы дадим по ним залп. Как и прошлый раз, наш огонь должен быть неожиданным, мощным и точным.

В кустах все стихло. С головами, обвязанными белыми платками, бойцы лежали не шевелясь, напряженно глядя в сторону неприятеля. Немцы приближались тремя цепями, стреляя на ходу.

Недалеко от железнодорожного полотна застрочили пулеметы красногвардейцев. Но пулемет Сарва молчал. Бойцами начало овладевать беспокойство.

— Терпение, терпение, мальчики! — успокаивал Сарв. — Пусть получше пристроятся под наш огонь. Время есть!

Перебежками, один за другим оккупанты приближались к железнодорожной станции. Пулеметы не прекращали огня и были по наступавшим. И вдруг раздалось мощное «ура!» По снежному полю бежали черные фигуры. Это были матросы. С винтовками наперевес они ринулись навстречу вражеским цепям. Спасаясь от контрудара, немцы побежали плотной массой в сторону нашей позиции.

— Давай, Сарв!

— Нет, терпение! Подожди еще, «максимка»! — говорил Сарв. — А вот теперь давай! — и его мощное оружие понесло смерть врагам. Пулеметчика поддерживал огонь винтовок.

Оккупанты, не ожидавшие удара с этой стороны, падали в снег и оставались неподвижно лежать там. Некоторые бросали оружие и спасались бегством.

Но не прошло и часу, как на нашем участке появились новые цепи оккупантов. И на этот раз мы выжидали в засаде. Матросы и красногвардейцы еще раз поднялись в контратаку. И снова кайзеровские солдаты уклонились от рукопашного боя и побежали.

А в это время по другую сторону железной дороги шел ожесточенный бой. Враг бросал в наступление все новые силы, прибывавшие с запада. Во второй половине дня цепи оккупантов снова пошли в атаку. Слышно было, как справа шум боя сме-

щается вглубь. Одновременно неприятель начал окружать наш правый фланг, оставшийся без прикрытия.

— Отходить вдоль железной дороги! — передавали из уст в уста приказ.

Все пришло в движение. Прикрываясь кустарником и деревьями, отходили и мы. Дойдя до дрезины, снова поставили ее на рельсы, погрузили пулемет и поехали дальше. Пару раз приходилось останавливаться, устанавливать пулемет на пригорках слева от дороги и стрелять по приближавшимся вражеским цепям. Вечерний сумрак прервал боевые действия. Ночью мы переехали реку Нарву, готовые завтра снова вступить в бой. Но на следующее утро военные действия прекратились: Германия подписала Брестский мирный договор. Было это в начале марта 1918 года.

Так Советская страна выбыла из империалистической войны и получила время для передышки.

10

В ПРЕДДВЕРИИ НОВЫХ БОЕВ

В Смольном. Учеба. Бобрищев. О дисциплине. Кто другому яму копает... Братья в Самаре. На июльской конференции эстонских коммунистов.

По прибытии в Петроград мы сразу же направились в Смольный. Там собралось большинство эстонских коммунистов и беспартийных большевиков, вынужденных покинуть родные места под натиском оккупантов. Товарищи, прибывшие туда раньше, уже создали 1-й Таллинский коммунистический батальон. Экипаж дрезины решил в полном составе вступить в его ряды. Сарв считал, что все мы должны войти в команду пулеметчиков, и обещал в кратчайший срок обучить нас обращаться с «максимом». Каждый давно мечтал, подобно Сарву, длинными очередями косить вражеские цепи.

Нас зачислили в пулеметную команду.

Нашему батальону вместе с другими частями революционных войск выпало счастье охранять Смольный.

Все бойцы батальона старались всячески повышать свою выучку, приобретать необходимые навыки. С раннего утра до позднего вечера они изучали материальную часть, и уже через неделю каждый мог с закрытыми глазами разобрать и снова собрать пулемет, а также быстро устранять всевозможные неполадки. Своей неутомимой деятельностью экипаж «летучей дрезины» скоро завоевал всеобщее признание и уважение команды пулеметчиков. Вскоре состоялись выборы командира команды,

командиров взводов и пулеметных расчетов. В то время командиры были еще выборными, так как в рядах Красной Армии только единицы имели специальную военную подготовку. Командиром команды единодушно избрали старшего унтер-офицера пулеметчиков царской армии, а недавно председателя Вильяндиской коммуны печатников Алексея Портного (Николаева). Александр Сарв стал командиром взвода, а вильяндиский наборщик Юри Микадо — командиром расчета. Я попросил поставить меня наводчиком. Наша команда стала крепкой боевой единицей. Одновременно началась организация курсов по подготовке командиров Красной Армии.

Я потерял покой, узнав, что в Петрограде уже открылись курсы командиров-артиллеристов.

Прослышав, что «тяжелая артиллерия» вильяндиских большевиков — Ян Сихвер уже учится на этих курсах, я незамедлительно направился к нему. На Забалканском проспекте прежде находилось Константиновское артиллерийское училище царской армии. На его базе и были открыты Вторые Петроградские курсы советских командиров-артиллеристов. После коротких поисков я нашел Сихвера. Оказалось, что и Ян Анвельт учится на этих курсах, и еще ряд эстонских большевиков: Рудольф Вакман, Пауль Леэвальд, Харальд Туммельтау, братья Крикки и другие. Сихвер и Анвельт сразу же одобрили мое решение. Они были уверены, что в самом ближайшем будущем предстоят новые тяжелые бои с германскими оккупантами. Я окончательно решил идти учиться.

К тому времени сложился актив команды пулеметчиков, куда входили Алексей Портной, Александр Сарв, Юри Микадо, Арнольд Пруун, я и другие товарищи. Закончив дневную учебу, мы вечерами за чашкой чая обсуждали свои хозяйственные проблемы, намечали план на следующий день, говорили о задачах укрепления государственного строя страны Советов, о международной жизни. Всем казалось, что никто не в силах разлучить нас.

Когда я объявил товарищам о своем намерении учиться на командира, разгорелась дискуссия.

— Мы не раз видели, как те, кто в царской армии поступал в школу прапорщиков, скоро зазнавались и знать не хотели своих прежних товарищей. Они ходили, задрав носы и надувшись как индюки, — говорил Портной. — Я твоё намерение не одобряю.

Большинство соглашалось с ним. Я всячески пытался убедить товарищей, что мой шаг правильный. Курсы продлятся всего три месяца, и я снова вернусь в батальон.

Слово взял долго молчавший Сарв.

— Артур прав. Он должен идти учиться, это отвечает интересам революции. Мы должны иметь всякое оружие и в случае необходимости умело и правильно использовать его. Там, где не

справятся винтовка и пулемет, на помощь придет пушка. Без нее мы никуда не денемся. Иди и учись!

Мнение Сарва стало решающим — в конце концов с ним согласились и остальные. Конечно, мне было больно расставаться с товарищами, но рассудок приказывал быть настойчивым.

Заверив товарищей, что буду заходить к ним как можно чаще, на следующее же утро я отправился на Первые Петроградские курсы командиров-артиллеристов, располагавшиеся на Выборгской стороне у Литейного моста, и открытые на базе старого Михайловского артиллерийского училища.

От поступающих на курсы требовалось, чтобы они «стояли на платформе Советской власти», умели читать и писать, знали четыре арифметических действия и были годными к армейской службе по состоянию здоровья.

Только что принятых курсантов прежде всего отправили в баню. Оттуда они выходили в юнкерских мундирах и шинелях, с которых были спороты погоны. Пять-шесть имен на подкладке свидетельствовали о том, что эта одежда уже имела не одного хозяина. Теперь к этим фамилиям прибавилась еще одна — на этот раз бойца Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

На курсы приняли 250 человек. Их разделили на две батареи и на десять учебных групп.

В помещения бывшего Михайловского артиллерийского училища, где всего несколько месяцев назад господа офицеры обучали сынков господ капиталистов, теперь вошли рабочие, красногвардейцы, крестьяне, солдаты и матросы, будущие командиры артиллерийских частей Красной Армии. В их числе были и эстонские большевики: Прей, Сийтас, я и другие.

Уже в первый день занятий состоялся урок теории артиллерийской стрельбы. В класс вошел человек с открытым, честным лицом, которое украшала широкая рыжеватая борода. Вся его внешность, одежда, манера держаться сразу же выдавали в нем старого офицера. Курсанты встали, с большим любопытством глядя на полковника царской армии Козловского. Полковник слегка покраснел и посмотрел на курсантов строгим, изучающим взглядом. Стало быть им он будет преподавать теорию артстрельбы. Дойдя до середины класса, он слегка поклонился и сказал:

— Здравия желаю, господа!

При этом он еще больше покраснел.

— Здравия желаем! — в один голос ответили курсанты, оставив без внимания его «господа».

Легким движением руки Козловский попросил курсантов сесть и заговорил:

— 25 лет я был преподавателем Михайловского артиллерийского училища... За это время мне довелось обучать артиллерийскому искусству очень многих юнкеров. У всех моих слушателей имелся необходимый уровень образования, я имею в виду знания в области математики. С такой аудиторией, как вы, мне

еще не приходилось встречаться. Я сомневаюсь, сможем ли мы вообще осилить предмет. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы вы смогли усвоить дисциплину, которую я преподаю. В тех случаях, когда для решения того или иного вопроса потребуется математическое доказательство, которое вам не под силу, я попытаюсь дать вам знания в такой форме, которую сможете в будущем использовать в своей практике.

Так все и было, как говорил Козловский.

Регулярные занятия шли обычным порядком. Полевые — у орудий, теоретические — в классах. Мы трудились со всем энтузиазмом. Куратором нашей группы был бывший капитан царской армии Веревкин. Свой предмет он знал отлично и старался передать эти знания нам. Смешные истории, которые он имел обыкновение рассказывать во время лекции, облегчали в некоторой степени усвоение материала. Своим корректным поведением он вскоре снискал себе уважение курсантов.

Наступило 1 Мая 1918 года. По улицам Петрограда вместе с красногвардейцами и воинами молодой Красной Армии впервые маршировали и курсанты. Миновав Дворцовую площадь, мы шли дальше по Невскому, демонстрируя рост могущества Вооруженных Сил республики.

С шашками на боку, с драгунскими винтовками на спине, отчаянно гремя шпорами, курсанты сильно смахивали на бывших юнкеров. Некоторые хорошо одетые зеваки от изумления застыли на тротуаре. Дамы, поднося к глазам лорнеты, из окон и с балконов с любопытством и удивлением смотрели на курсантов. Они думали, наверное, что разбитые в ноябре 1917 года выкорыши буржуазии — юнкера — каким-то чудом ожили и, как в старые добрые времена, теперь маршируют по Невскому. Но курсанты грянули во всю мощь:

«На врагов, на собак — на богатых,
И на злого вампира-царя,
Бей, руби их, злодеев проклятых,
Заблести, новой жизни заря!»

Господа на тротуарах моментально очнулись и, потупив взгляды, зашагали своим путем. Дам с лорнетами словно сдуло с балконов.

Той весной 1918 года на многочисленных курсах начали учебу будущие полковники, генералы и маршалы непобедимой Красной Армии. Своей дисциплинированностью при первом своем появлении на улицах они нагнали страх на представителей недобитой буржуазии.

*

Уже около двух месяцев продолжались напряженные занятия. Из-за обилия материала курсы продлили с трех месяцев до восьми. Я держал слово и довольно часто бывал у своих друзей — пулеметчиков. Когда я пришел к ним вечером 30 мая, они окружили меня и сказали:

— Завтра уезжаем на Уральский фронт сражаться с бело-гвардейцами. Едет весь батальон, и наша команда тоже. А как же ты?

Без долгих раздумий я решительно заявил, что еду с ними.

В тот же вечер я принес в команду пулеметчиков чемодан со своими вещами. Но прежде, чем на следующее утро уехать, я счел необходимым известить об этом начальника курсов. Им был бывший командир лейб-гвардии 1-го артиллерийского дивизиона полковник Бобрищев, очень интеллигентный человек, опытный военный. Доложил ему, что мой батальон уезжает на фронт, поэтому не могу продолжать учебу на курсах, так как решил присоединиться к товарищам.

— Что это за разговоры? — удивился начальник курсов. — Я не разрешаю вам никуда уезжать! Будете продолжать учебу, пока не кончите курсы.

В довольно-таки резких тонах я сказал, что пришел не за разрешением, а лишь для того, чтобы сообщить о своем решении. Уехать тайно было бы неприлично. К этому я добавил, что пришел на курсы добровольно, без чьего-либо разрешения или согласия.

Бобрищев, оставаясь спокойным, несколько секунд молча смотрел на меня, потом наконец очень серьезно произнес:

— Если вы все-таки осуществите свое намерение, я объявлю вас дезертиром и через газеты оповещу об этом всех.

Я ответил, что подобные действия неправомерны, так как я не бегу из Красной Армии, а вместе со своими товарищами-пулеметчиками в рядах своего батальона отправляюсь на фронт, стало быть становлюсь не дезертиром, а фронтовиком.

Бобрищев, очевидно, понял, что, запугивая меня, он ничего не добьется, и сменил тактику. Неожиданно улыбнувшись, он сказал:

— Курсант Ломбак, вы же член Коммунистической партии и поэтому всегда должны думать о том, как принести возможно большую пользу революции. Когда вы будете нужнее — отправившись на фронт теперь, рядовым, имея в руках только винтовку, или через несколько месяцев, окончив курсы, став, скажем, командиром артиллерийской батареи, нанося своим мощным оружием смертельные удары по врагу? Обдумайте все серьезно и постарайтесь подчинить свои личные планы интересам нашего общего дела!

На этот аргумент я ничего не мог возразить. Все мои прежние рассуждения, казавшиеся правильными и, главное, революционными, рухнули. Я стоял перед начальником курсов как

провинившийся школьник, чувствуя, что щеки мои все сильнее заливают краска. Звякнув шпорами, я вытянулся по стойке «смирно».

— Товарищ начальник курсов, разрешите идти!

— Идите, товарищ курсант, — прозвучало в ответ.

С еще большим жаром я взялся за учебу.

* * *

Основу порядка и дисциплины любой армии составляют уставы. Молодая Красная Армия в первые дни своего существования уставов еще не имела. Дисциплина основывалась на беззаветной преданности делу революции. А если кто-то нарушил дисциплину? Как быть тогда?

В ротах, эскадронах, батареях, батальонах и полках действовали выборные комитеты. Они видели и слышали все, что делалось в подразделении, и немедленно реагировали на каждый факт нарушения дисциплины. Провинившийся держал ответ на общем собрании бойцов роты, эскадрона, батареи. Идеино сплоченный коллектив был не только справедливым и суровым судьей, но и добрым воспитателем каждого своего члена.

Кроме курсантского комитета за соблюдением правил внутреннего распорядка следил совет курсов — орган, обладавший наибольшей административной властью. В его состав входили начальник курсов, комиссар, двое выборных от преподавателей, двое от курсантов и один от служащих.

Одним из представителей курсантов в совет выбрали меня.

Вскоре после начала учебы выяснилось, что вместе с активными революционными бойцами на курсы попало несколько лентяев. Они слонялись без дела, занятия посещали по настроению, никакие уговоры на них не действовали. От таких нужно было как можно скорее избавиться. Мы потребовали от комиссара Лебедева немедленно отчислить лодырей, но он считал, что на их обучение уже затрачены средства и отчисление их с курсов было бы непростительной тратой народных денег. Вопрос вынесли на обсуждение совета курсов. Совет решил в целях укрепления дисциплины наказывать виновных денежным штрафом: первый раз в размере половины месячного жалования, второй раз — целиком месячного жалования, а провинившийся в третий раз подлежал отчислению с курсов. Все члены совета проголосовали за это предложение. Воздержался только второй представитель курсантов — Берман. О принятом постановлении было официально объявлено, как об обязательном для всех.

Но кое-кому показалось, что это решение «недемократично». Поднялся шум.

И очень скоро мне пришлось давать отчет на общем партийном собрании.

— Объясни товарищам, как это случилось, что ты проголо-

совал за такое антидемократическое постановление? — сказал секретарь партячейки Рейсман.

Я без колебаний ответил, что постановление совета курсов направлено против лентяев, которые нарушают дисциплину, не учатся. Постановление касается только тех, кто не ценит того, что на их обучение и содержание государство тратит деньги и время, из кого не получится достойный командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Разгорячившись, я добавил, что, не колеблясь, поднял бы вновь обе руки, если сейчас пришлось бы голосовать за еще более суровое наказание лодырей.

Мои слова вызвали невообразимый шум. Кто-то предложил создать комиссию из трех членов для расследования моей «антидемократической» деятельности и определения возможности моего дальнейшего пребывания в партии. Предложение было принято. Комиссию избрали тотчас же. Ее председателем стал мой сосед по койке, бывший красногвардеец курсант Козодой.

Я попросил слова. Кипя от возмущения, я высказал уверенность, что победить в вооруженной борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией Красная Армия сможет лишь в том случае, если установим в ней железную дисциплину. Она должна одинаково распространяться на всех: и на начальников, и на подчиненных. Если же меня за «антидемократические» действия решат исключить из партии, я буду апеллировать в вышестоящий партийный орган.

Мои слова вызвали некоторое оживление, но принятое постановление осталось в силе.

Больше двух недель я находился «под наблюдением». Несколько раз спрашивал у своего соседа, когда же он начнет расследование, но тот только смеялся. И тут газеты сообщили о том, что во всей Красной Армии вводятся денежные штрафы. Обвинения против меня лопнули как мыльный пузырь. А на основании «антидемократического» решения совета за пару недель с курсов отчислили несколько лентяев.

На курсах комиссар имел трех помощников. Один из них был членом нашей партии, другой — Михайлов — левым эсером, третий — беспартийным. Кроме первичной организации Коммунистической партии на курсах легально действовала и ячейка левых эсеров. В начале июня Михайлов вышел из нее, и его приняли в ряды нашей партии. В дни эсеровского мятежа и его подавления собралось общее собрание партячейки. Михайлов вбежал на собрание, швырнул партбилет на стол и, крикнув: «Выхожу из партии!», быстро удалился.

Через пару недель проходило закрытое собрание нашей парторганизации. Пришел и Михайлов, но когда его попросили уйти, он предъявил свой партийный билет, который, как оказалось, самовольно вернул ему Рейсман. Рейсмана привлекли к ответственности и освободили от обязанностей секретаря партячейки. Вскоре он совсем ушел с курсов.

В конце июня дежурный по курсам вызвал меня в вестибюль. Передо мной стояли Виллем и Эдуард. Братья утром прибыли в Петроград. От них узнал, что когда я в составе «экипажа» дрезины участвовал в бою с оккупантами в районе станции Йыхви слева от железнодорожного полотна, вильяндские красногвардейцы, и среди них мой брат Эдуард, вели бой справа от насыпи. В ту ночь, когда я на дрезине переехал железнодорожный мост через Нарву, Виллем и Эдуард переправились через реку пешком по деревянному мосту. Затем поезд увез вильяндских бойцов все дальше на восток. После долгого пути они остановились в Самаре (ныне Куйбышев), поступив в распоряжение местных органов большевистской партии. Виллема назначили заместителем председателя исполкома в поселок Иващенко, Эдуард вступил там же в местный отряд Красной гвардии.

В конце мая стало известно, что против Советской власти подняли восстание солдаты чехословацкого корпуса и по железной дороге движутся в направлении Пенза — Самара. Местным органам Советской власти предписывалось останавливать эшелоны и разоружать взбунтовавшихся солдат-чехословаков. В Иващенко в срочном порядке сформировали дополнительный отряд Красной гвардии и послали к сызранскому мосту через Волгу. Вместе с другими туда пошел и Эдуард.

Красногвардейцы заняли оборону у моста. Орудия установили на вершине холма. Вскоре противник предпринял попытку перейти мост, но красногвардейцы открыли огонь из пулеметов, винтовок и орудий. Однако орудия, установленные на открытом месте, едва сделали по несколько выстрелов, как их подавили батареи мятежного корпуса. Превосходящие силы противника сразу же форсировали реку по обе стороны от моста и атаковали его защитников с флангов. Недостаточно опытные отряды красногвардейцев вынуждены были отступить. 8 июня части врага вошли в Самару.

Прежде, чем Виллем и Эдуард успели покинуть Самару, туда ворвались чехословаки. Одновременно из своих нор повылезала и местная контрреволюция. Белогвардейцы устроили в Самаре кровавую бойню.

Наступила ночь. Братья сидели в своей комнате. Вдруг в коридоре послышались шаги и громкая брань, и тотчас же дверь затряслась от ударов прикладами.

— Открывай! — кричали из-за двери.

Эдуард схватил винтовку и приготовил гранаты.

— А ты, Виллем, возьми револьвер, — сказал он брату.

— Подожди, не суетись, может быть они ломаются к нам по ошибке, — проговорил Виллем и, нацепив на грудь георгиевский крест, пошел открывать дверь. Моментально в дверь проринулось несколько штыков. Кто-то гаркнул:

— Руки вверх, красные ублюдки!

Эдуарда увели, а Виллема как инвалида и георгиевского кавалера не тронули.

Арестовали в городе огромное количество людей. Тюрьму забили до отказа. Утром всех вывели во двор и построили в несколько рядов. Вокруг них толпились белогвардейцы, в основном бывшие царские офицеры. Они спрашивали у пленных имена и фамилии, все время заглядывая в какие-то бумаги. Шаг за шагом белогвардейцы двигались вдоль строя арестованных. Вслед за ними шел человек с краской и кистью. Получив знак рукой или устный приказ, он рисовал на груди того или иного пленного красный крест. Очередь дошла до Эдуарда.

— Имя? — спросил белогвардеец.

Эдуард ответил.

Белогвардеец взглянул в свои бумаги.

— Крест! — резко сказал он и шагнул дальше.

Перед Эдуардом тут же вырос человек с банкой краски. Тренированным взглядом он заметил на груди арестованного пепочку. Последовало быстрое движение, и карманные часы Эдуарда перекочевали в карман этого бандита. Затем он намял на шинели арестованного красный крест и двинулся дальше вслед за офицером.

«Почему крестом метят только часть пленных? — думал Эдуард и пришел к такому выводу: — Очевидно, крестом отмечают тех, чья участь уже решена».

Сердце защемило от досады за то, что ночью не использовал оружие и теперь должен беспомощно ждать смерти, как попавший в капкан зверь. Нет, надо что-то делать, только быстро! Но что? Лихорадочно работавшая мысль нашла единственно возможный ответ: нужно избавиться от смертного знака! Эдуард огляделся. Он стоял в последнем ряду арестованных, у высокого забора. За спиной, прямо у ног находилась недавно вырытая канава. Эдуард снял шинель с крестом, бросил в канаву и затоптал в землю. Теперь он стоял, как и многие другие, в солдатской гимнастерке. В середине двора чей-то резкий голос приказал:

— Заключенные с красными крестами! Двадцать шагов вперед!

И тотчас же, как только помеченные крестами остановились, между ними и остальными пленными выстроилась плотная цепь вооруженных винтовками белогвардейских офицеров. Послышалась команда:

— Господа офицеры! По красной нечисти, огонь!

Залп следовал за залпом. Вскоре на том месте, где стояли люди, помеченные крестом, лежала бесформенная гора трупов. Всех оставленных в живых заставили копать братскую могилу. Затем их опять рассовали по камерам. Утренняя казнь уменьшила количество арестованных более, чем на половину.

Через несколько дней в тюрьме появились белогвардейские «судебные следователи», которые начали определять степень

виновности заключенных. Эдуарду как раз в мае исполнилось семнадцать лет. «Следователю» он сказал, что арестован случайно на улице и без всяких оснований, что в Самару приехал вместе со старшим братом-инвалидом в качестве беженца и не вмешивался ни в какие происходящие политические события. Очевидно, все материалы об Эдуарде находились среди документов на расстрелянных и поэтому «судебным следователям» не на что было опереться. Они колебались, но когда после прибытия очередной партии заключенных в тюрьме опять стало тесно, «следователь» освободил Эдуарда, но запретил ему выезжать из Самары, приказав два раза в неделю ходить отмечаться.

Эдуард пробыл в тюрьме тринадцать дней. В течение этого времени он поддерживал с Виллемом постоянную связь. Каждое утро Виллем проходил мимо тюрьмы, насвистывая всем нам с детства знакомый мотив. И каждый раз Эдуард отвечал ему через разбитое окно. Так они узнавали, что оба еще живы.

Теперь же братья были опять вместе. Но что делать дальше? Сколько времени еще удастся дурачить белогвардейцев? Как пробраться к своим? Эти вопросы надо было решать безотлагательно. Ясно одно — из Самары надо исчезнуть и чем раньше, тем лучше. Им удалось получить документы от одной из организаций, занимавшейся беженцами, сесть на пароход, идущий вверх по реке. Под видом людей, возвращающихся домой, они миновали белый кордон. В Казани братья сошли с парохода, пересели на поезд и в июне прибыли в Петроград.

Долго сидели мы в тот раз втроем, обсуждая насущные проблемы. В итоге наш «семейный совет» решил, что я буду продолжать учебу, Эдуард поступит на курсы пехотных командиров, а Виллем, негодный к военной службе, пойдет работать в советские органы. Дальше все развивалось по намеченному нами плану.

В июле 1918 года в Петрограде, на Фонтанке, в доме номер 2 собралась конференция эстонских секций РКП(б). Я представлял на ней коммунистов-курсантов. В повестке дня конференции стояли четыре вопроса: создание эстонских национальных частей Красной Армии, о военной подготовке членов партии, о характере и целях освободительной борьбы против оккупантов и организационный вопрос.

По первому вопросу с докладом выступил Яан Сихвер. Конференция решила ускорить создание эстонских коммунистических полков, призвала рабочих и крестьян-бедняков эстонской национальности, проживающих в Советской России, вступить в национальные части Красной Армии.

Оживленный обмен мнений развернулся вокруг вопроса о характере и целях освободительной борьбы против оккупантов.

Виктор Кингисепп считал, что основные усилия коммунистов следует направить на развертывание подпольной деятельности на оккупированной территории Эстонии, а для этого необходимо

послать всех активных большевиков-эстонцев на нелегальную работу.

Сторонники другой точки зрения во главе с Яном Сихвером, который в то время учился на курсах командиров-артиллеристов, считали, что изгнать с территории Эстонии германских оккупантов и их местных прислужников должны, прежде всего, вооруженные силы эстонских трудящихся. Поэтому основное внимание эстонских секций РКП(б) нужно направить на организацию вооруженных сил и использовать для этого все активные кадры.

Конференция признала обе точки зрения обоснованными. Было решено использовать все возможности для организации коммунистических полков, одновременно всесторонне расширяя подпольную деятельность в Эстонии. Формирование на территории Советской России вооруженных сил эстонских трудящихся конференция поручила Яну Сихверу. На Виктора Кингисеппа возложили организацию и непосредственное руководство подпольной работой в оккупированной Эстонии.

Часть вторая
ОТ НАРВЫ ДО СЕВАСТОПОЛЯ

ВРАЖДУЮЩИЕ СТОРОНЫ

Долой оккупантов! Бой на Йоаласком поле. Зверства «кайтселийтчиков». У тел Яана Сихвера и Эдуарда. Буржуазия действует.

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция. Советское правительство аннулировало Брестский мирный договор. Красная Армия начала очищать территорию Советской страны от германских оккупантов. Эстонские коммунистические полки подтягивались к Нарве. Они должны были в первую очередь освободить Эстонию.

Сначала командование предприняло несколько попыток освободить Нарву мирным путем, склоняя германских солдат к добровольному уходу из города, но из этого ничего не вышло. 22 ноября наши войска, выстроившись колоннами, попробовали войти в город, но немцы открыли огонь. Оставалось применить только силу. Наступление на Нарву назначили на 28 ноября.

Главные силы должны были непосредственно штурмовать город. Окружить его справа, со стороны Нарва-Йыэсуу, поручалось морскому десанту, слева — одному из батальонов 2-го Вильяндиского коммунистического полка.

Батальон Вильяндиского полка отправился в путь 26 ноября и в ночь на 28-е незаметно для врага форсировал реку Нарва. Утром он достиг леса, с опушки которого открывался вид на город. Батальон отделяло от первых домов только широкое Йоалаское поле.

Отсюда бойцы видели стоявшие на окраине города батареи немцев. Стволы их дальнобойных орудий поднялись высоко в небо. Вокруг было тихо. Ни немцы, ни их эстонские прислужники — «кайтселийтчики», и не подозревали о близости советских бойцов. Батальону оставалось сделать один стремительный бросок, чтобы ворваться в город.

Вместе с батальоном шел и представитель Совета эстонских красных стрелков Яан Сихвер. Он выступил перед бойцами, собравшимися на краю леса, с речью.

— Настал тот радостный час, — говорил он, — которого мы ждали с таким нетерпением, к которому готовились как к празднику. Начинается освобождение нашей родной земли от герман-

ских оккупантов, от нга прибалтийских баронов и их приспешников — эстонской буржуазии. Нарва — наша первая цель в этой борьбе и освободить ее — прямая наша обязанность.

Яан Сихвер призвал бойцов смело и решительно атаковать врага.

— Долой оккупантов с нашей земли! Вперед под знаменем Ленина к победе!

Бойцы рассредоточились в цепь и короткими перебежками устремились к городу. Батальон преодолел больше половины поля, оставаясь незамеченным противником. Правый фланг почти достиг больницы «Кренгольмской мануфактуры», когда на одной из германских батарей заметили стремительно приближающуюся цепь красноармейцев. Было видно, как забегали немецкие солдаты.

— Батальон, в атаку! Ур-ра-а! — раздался голос командира батальона Эдуарда Тейтера.

— Ур-ра-а! — ответили растянувшиеся по Йоаласкому полю бойцы батальона. Они вскочили на ноги и устремились на штурм вражеской батареи. От цели их отделяла всего какая-нибудь сотня метров. Казалось, судьба вражеской батареи решена.

Но германские солдаты быстро повернули свои орудия в сторону наступающих, и на бойцов батальона посыпалась картечь, прижимая их к земле и сея смерть.

Попытка захватить и уничтожить вражескую батарею неожиданным ударом окончилась неудачей. Начался неравный бой. В контратаку двинулись превосходящие силы немцев. Часть из них решила обойти наших бойцов с правого фланга.

Заметив эту опасность, Яан Сихвер поднялся во весь рост и крикнул:

— За мной, товарищи! . .

Он вдруг прижал левую руку к груди и замолк на полуслове. Винтовка выпала из его рук и, споткнувшись, Сихвер повалился наземь.

— В атаку! Ура-а-а! — в тот же момент крикнул вскочивший на ноги командир батальона Эдуард Тейтер. Но и он упал, сраженный вражескими пулями . . .

Мой брат Эдуард, командир роты, находился на правом фланге батальона. Его солдаты успешно отбили несколько атак врага.

Справа показался броневик.

Эдуард отдал приказ стрелять по приближающейся машине бронебойными пулями. С вражеского броневика открыл огонь пулемет. Пули засвистели рядом с красноармейцами.

— Здесь мы долго не продержимся, — сказал заместитель командира роты Юри. — Надо отходить.

— Что ты сказал? — не отрываясь от прицела, спросил Эдуард.

Но ответа не последовало, так как Юри скрылся в ближайшем овраге. Ведя огонь оттуда, он видел, как командир роты

вздрогнул. Затем Эдуард уткнулся головой в землю и больше не двигался.

То здесь, то там еще слышны были отдельные выстрелы. Батальон потерял ранеными и убитыми более трети бойцов. Остальные отошли к лесу.

Словно свора голодных гиен, на смолкшее Йоалаское поле ринулись толпы «кайтселийтчиков» и оккупантов. Последовала страшная расправа. «Кайтселийтчики», не стесняясь свидетелей — женщин и детей, добивали раненых, стаскивали с трупов одежду и обувь.

Но кое-кто из раненых избежал тяжелой участи. Прежде чем на поле пришли убийцы-мародеры, сюда прибежали санитары и сестры милосердия из больницы «Кренгольмской мануфактуры». Они унесли восемь тяжело раненных бойцов, в том числе и командира батальона Эдуарда Тейтера, в которого попало семь пуль. Раненым была тут же оказана врачебная помощь.

«Кайтселийтчики» попробовали ворваться в больницу, собираясь и там продолжить резню. Но в дверях путь им преградил седовласый человек в белом халате. Это был врач.

— Сюда вы войдете только через мой труп!

Перед этим всеми уважаемым в Нарве человеком, «кайтселийтчики» спасовали и попятились назад, как черные тараканы под лучом солнца. На него они не посмели поднять свои вымазанные в крови руки. Раненые бойцы остались живы.

Вильяндиские бойцы проиграли бой, но их отчаянно смелая атака вызвала серьезную тревогу у врага. Оккупанты не знали, какие силы скрываются в лесу и когда они предпримут очередную атаку.

А в это время главные силы красных при поддержке артиллерии начали решающее наступление. Сломив сопротивление немцев, в Нарва-Йыэсуу высадился десант краснофлотцев. Над германскими войсками нависла угроза окружения. Объятые страхом, оккупанты в панике бежали из города.

Нарва стала свободной.

*

Я не принимал участия в боях за Нарву, так как курс обучения заканчивался 5 декабря 1918 года. Однако, когда до Петрограда дошло радостное известие об освобождении Нарвы, я немедленно поехал туда, чтобы обнять своего младшего брата Эдуарда и нашего старшего товарища Яана Сихвера.

Поздним вечером я добрался до расположения Вильяндиского полка в Нарве. Жестоким ударом стало для меня известие о том, что ни Эдуарда, ни Яана Сихвера в числе вернувшихся с поля боя не оказалось. Нет их и среди погибших. Обоих считали без вести пропавшими. Тяжелые мысли мучили меня всю ночь.

Со времени окончания боя на Йоаласком поле, думал я, про-

шел уже добрый десяток часов. Если бы брат и Сихвер были живы и здоровы, они обязательно дали бы о себе знать. А может быть они все-таки живы и лежат где-нибудь в поле или в лесу, тяжело раненные, неспособные двинуться с места, чтобы поискать помощь? Это предположение показалось мне достаточно правдоподобным, но на дворе стояла ночь, и нужно ждать утра. Я решил встать как можно раньше и продолжать поиски до тех пор, пока не найду каких-либо следов пропавших.

Юри, заместитель командира роты, который и рассказал мне столь подробно о ходе боя, отвел меня утром на то место, где он в последний раз видел Эдуарда. Я внимательно осмотрел окоп. Вокруг валялось много стреляных гильз. Тут мой взгляд упал на клочки разорванной бумаги. Я собрал их и, сложив, сразу узнал почерк брата.

Клочки бумаги, исписанные рукой Эдуарда! Гильзы вокруг окопа! А где же сам брат?

— Надо посмотреть в морге, — словно угадав мои мысли, сказал Юрий. — Тела погибших отнесли туда.

Я поспешил в морг и был потрясен: здесь лежали 82 трупа бойцов Вильяндского полка.

Местные рабочие рассказали мне о зверствах «кайтселийтчиков» на Йоаласком поле, о том, как они добывали раненых, как снимали с трупов одежду.

*

До позднего вечера я осматривал обнаженные трупы, но никак не мог найти брата. Уставший физически, духовно подавленный, я отправился на ночлег в полк.

На следующий день рано утром я опять пошел в морг и снова начал поиск. Неожиданно у одного из трупов я заметил знакомый шнурок с ключом от чемодана, продетый в петлю нижней рубашки. Я схватил правую руку трупа: у брата на ногте среднего пальца был никогда не исчезавший шрам. Еще малышом Эдуард сунул этот палец под иглу швейной машинки. Да, шрам на месте! Сомнений больше нет — это тело моего брата. В детстве мы не расставались ни на минуту. Вместе бегали в лес за ягодами и грибами, вместе купались. Вместе стали большевиками, солдатами партии Ленина, командирами молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

А теперь Эдуард лежал передо мной бездыханный...

Судорога сдавила мне горло, две тяжелые слезы упали на мертвое тело брата.

Вскоре после того, как я нашел тело брата, в морг принесли 83-й по счету труп. Когда я взглянул на него, внутри у меня все похолодело: эти знакомые усы, это гордое лицо с орлиным профилем принадлежало моему старшему товарищу Яну Сихверу. Ни царские суды, ни полицейские нагайки, ни годы, проведенные

в царских тюрьмах, не смогли сломить этого человека, а какая-то маленькая винтовочная пуля, выпущенная немецким оккупантом или «кайтселийтчиком», остановила его сердце. Не стало пламенного революционера, «тяжелой артиллерии» вильяндских большевиков, выдающегося деятеля эстонского рабочего движения, верного друга и товарища, преданного ученика великого Ленина.

У трупов своих товарищей — бойцов Вильяндиского полка я поклонялся до последнего вздоха бороться за уничтожение эксплуататорских классов. Бороться, пока с лица земли не исчезнут последние остатки крепостников.

А теперь быстро в Петроград!

На похороны погибших бойцов я не остался. Рабочий класс Нарвы устроил их 2 декабря 1918 года. По городу торжественно пронесли 83 красных гроба. Их опустили в братскую могилу в Темном саду.

*

Одно я твердо знал теперь — единственный путь, который приведет меня к моим родным в Эстонию, это борьба. Позднее я узнал, что моя тревога за их судьбу была ненапрасной. Как вы помните, сложившаяся обстановка не позволила мне вернуться в Вильянди. Я не смог выполнить обещание, данное товарищам, арестованным буржуазией, не смог освободить их. За день до того, как в город вошли германские войска, бандиты из «омакайтсе» набили в тюрьму столько народу, что в камерах не повернуться.

Новыми хозяевами в городе стали германские оккупанты, которые никому не собирались уступать своих прав.

Жадной до наживы эстонской буржуазии пришлось отдать власть более сильному хищнику и довольствоваться объедками с его стола. Но и это устраивало ее, и она всячески помогала оккупантам топить в крови рабочий класс своей страны.

Вскоре немцы начали сортировать арестованных, в зависимости от степени их «вины». Активных деятелей Советской власти и красногвардейцев погрузили в вагоны и отправили в Германию батрачить в поместьях прусских юнкеров. В числе отправленных был и красногвардеец Сырмус. Недалеко от Валги он выпрыгнул ночью из поезда. Посланные ему вдогонку пули не достигли цели, и в конце марта Сырмус добрался до Петрограда. Там он вступил в ряды Таллинского коммунистического батальона и, напевая, как обычно, свои веселые песенки, продолжал борьбу против врагов трудящихся.

Но так счастливо отделались далеко не все.

Член исполкома Вильяндиского Совета Лампсон не вернулся из Германии. Такая же участь постигла и многих других.

Моего отца смогли обвинить только в одном — что все три

его сына активные революционеры-большевики. На это отец ответил, что сыновья уже взрослые люди и поэтому в полной мере отвечают за свои поступки сами. Отца держали в тюрьме еще пару недель, спешно выискивая против него новые обвинения. Власти даже призывали жителей Вильянди написать доносы на него, но и это не дало желаемого результата. Немцам пришлось выпустить отца. Он получил «личную свободу», но придя домой, обнаружил, что дом и его квартира заняты немецкими солдатами.

Отец с трудом разыскал семью, приютившуюся у знакомых.

Снова подступили тягостные заботы о хлебе насущном. Они не давали покоя ни днем, ни ночью. Случайными строительными работами на крестьянских хуторах отец кое-как добывал скудное пропитание себе и семье.

Сестренка Леэни только что закончила гимназию и тоже пыталась помочь семье. Но и ей удавалось находить лишь случайный заработок, давая уроки тупоголовым отпрыскам богачей. Осенью сестре удалось устроиться ученицей телеграфиста в вильяндскую почтовую контору. В октябре она сдала экзамен и стала работать телеграфисткой. Семья кое-как сводила концы с концами, живя в ожидании и надежде на то, что скоро придет Красная Армия.

Бои под Нарвой эхом отозвались и в Вильянди. Встречая мою сестру на улице, школьники-«кайтселийтчики» хвастались:

— А знаешь ли ты, что под Нарвой мы отправили на тот свет твоего красного братца Эдуарда? Скоро всех вас, красных, прикончим!

Получив хороший пинок в боях под Нарвой, оккупанты начали спешно выводить свои войска с территории Эстонии. Успешные действия Красной Армии в Южной Эстонии еще больше подгоняли их. Буквально по пятам за отступавшим противником двигались красноармейские части, ломая на своем пути сопротивление «кайтселийтчиков». Буржуазия предпринимала отчаянные попытки остановить наступление красных войск. Но ее надежды завлечь народ в свою армию провалились. Объявили мобилизацию. Но и она не дала желаемых результатов — многим удалось избежать призыва. Буржуазия могла рассчитывать главным образом на «кайтселийтчиков», которыми командовали бывшие царские офицеры и о делах которых можно было судить по зверствам на Йоаласком поле.

«Кайтселийт» развернул жестокий террор против безоружных трудящихся. Непосредственное руководство пытками и казнями взяли на себя признанные специалисты этого дела из бывших царских полицейских.

Всеми средствами, в том числе и с помощью западных империалистов, эстонская буржуазия стремилась усилить свою армию. Вскоре мой отец получил распоряжение: в 24 часа выехать из квартиры и очистить ее от своего барахла. В этом

помещении в срочном порядке начали формирование воинской части из наемников американских капиталистов.

В газете «Сакала» за 24 декабря 1918 года было опубликовано объявление, в котором говорилось:

«Американский подданный, капитан военно-морских сил США Генри К. Рэйссар формирует отряд эстонских скаутов. Набор производится в городе Вильянди, в доме номер 12 у базара. «Скауты» вооружены превосходным оружием, изготовленным в США и Англии... «Скауты» получают казенное содержание и денежное довольствие. Рядовой — 100 марок в месяц, сержант — 150 марок в месяц, старший сержант — 200 марок в месяц».

Но несмотря на эти посулы, американский капиталист Рэйссар смог к 5 января 1919 года, то есть в течение двух недель, собрать только 34 наемника и 8 офицеров.

За американское сало и большие деньги не удалось купить безработных, голодающих эстонских трудящихся, которые со дня на день ждали прихода своих. В наемники к американскому капиталисту пошло лишь ничтожное количество деклассированных элементов, которым все равно, кто платит.

*

Однажды поздним декабрьским вечером моя сестра дежурила на телеграфе. Следя за выбегающей из телеграфного аппарата лентой, она увидела приказ министра внутренних дел буржуазного правительства начальнику полиции Вильянди, в котором предписывалось немедленно арестовать, поместить в тюрьму и держать там под усиленной охраной до новых распоряжений министра опасных государственных преступников Юхана, Мари и Леэни Ломбак, Ханса и Элле Пегельман.

Сестра быстро спрятала телеграмму в ящик стола, попросила сослуживицу, чтобы та подменила ее ненадолго, и побежала домой.

— Надо приготовиться к этому, — спокойно проговорила мама. — Все равно мы никуда уже не успеем убежать, да и недолго нам придется сидеть за решеткой. Скоро здесь будут мои сыновья со своими друзьями, и все пойдет по-другому.

Леэни вернулась на телеграф и отправилась телеграмму по назначению.

Через полчаса за новыми заключенными захлопнулась дверь тюрьмы. Маму и сестру посадили в женскую камеру, а отца — в одиночку.

Новых заключенных не водили на допросы и не предъявляли им никаких обвинений. Их упрятали за решетку, не удосужившись даже придать этому акту беззакония хоть какую-то видимость законности.

Уже более месяца «преступники» находились под стражей. За это время положение на фронте изменилось и тюрьму посетил так называемый «прокурор республики». Зашел он и в камеру, где сидела мама. Преградив путь этому важному господину, она протянула ему под нос оба кулака и гневно спросила:

— Скажите мне, господин представитель «закона», за какое преступление, на каком основании я и мои родственники должны кормить здесь клопов «демократической» республики? Такого ужасающего беззакония, как у вас, не позволяло себе даже правительство Николая Кровавого!

Прокурор оторопел. Словно извиняясь, он пробормотал:

— Вы арестованы в административном порядке по приказу министра внутренних дел, поэтому судебные органы вашим вопросом не занимаются.

Но мама не унималась:

— А разве не прокурор обязан следить за тем, как министры и министерства соблюдают законы в «демократической» республике? Или министр внутренних дел в «демократической» республике стоит вне закона?

Прокурор обещал разузнать, в чем состоит суть дела.

Прошло две недели, и только после этого пришел приказ об освобождении заключенных.

Мама и сестра покинули тюрьму без посторонней помощи, а отца, которого более десяти дней назад свалил сыпняк, вынесли на «свободу» товарищи. Оказание врачебной помощи политическим «преступникам» не предусматривалось, и отец так и лежал все это время в камере на нарах, среди остальных заключенных.

Оказавшись за воротами тюрьмы, он задавал себе один и тот же вопрос: «Куда теперь?» У него с семьей не было больше крыши над головой. Вся скромная утварь валялась на чердаке и в сарае у сводной сестры мамы в Кельмикюла. Может быть там удастся временно пристроить и семью? А что дальше? Удастся ли найти какую-нибудь работу? Или придется «свободно» умереть от голода?

Но среди тружеников города нашлись друзья, которые не оставили в беде больного товарища. Они помогали ему и семье материально до тех пор, пока он не поправился. Вся семья стала ждать новых событий в жизни города.

ДНИ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

В бой. Прорыв фронта. «Расстрелять мародера!» Нарвская катастрофа. Мы снова готовы к бою. Братание. Измена. Во имя «независимой» Эстонии за «единую и неделимую Россию».

5 декабря я закончил курсы артиллерийских командиров. Вместе с двумя товарищами вскоре предстал перед командиром батареи Давыдовым. Несмотря на русскую фамилию, Давыдов был по национальности эстонцем, уроженцем Ййзаку. Он окинул нас беглым взглядом и, не спросив даже имен, указал пальцем на меня:

— Ты будешь моим заместителем!

Затем его палец передвинулся дальше, и он сказал:

— Ты будешь командиром первого взвода, а ты — второго.

Помолчав немного, Давыдов продолжал:

— Наша задача, товарищи командиры, в кратчайший срок сформировать 3-ю Эстонскую коммунистическую батарею. Положение на фронте таково, что для закрепления победы трудящихся немедленно требуется наша помощь. Здесь, в Петрограде, мы должны укомплектовать батарею орудиями, пулеметами, винтовками, обмундированием, полевыми телефонами, седлами и другим необходимым имуществом. А людей и лошадей вдобавок к тем, что уже имеются, мы получим на освобожденной территории Эстонии. Тебе, товарищ заместитель, я поручаю приемку материальной части и доставку ее на вокзал. Для этого отдаю в твое распоряжение все 40 бойцов батареи, 22 лошади и двух командиров взводов. С завтрашнего утра не жалея сил приступай к работе! Чем быстрее тебе удастся со всем этим справиться, тем лучше.

Утром следующего дня я выбирал орудия для батареи на складе на Кронверкской улице. Собранные туда орудия были уже основательно потрепаны на полях сражений первой мировой войны, и они находились на грани выхода из строя. Но ничего лучшего на складе просто не имелось.

Затем последовала доставка орудий на вокзал и погрузка в поезд. В конце декабря батарея прибыла в пункт формирования — город Раквере.

На следующий день на стенах домов по всему городу можно было прочесть написанные от руки объявления:

«Эстонская коммунистическая батарея призывает всех честных сынов рабочего класса вступить в ее ряды для дальнейшей борьбы за свержение власти эксплуататоров и их изгнание с эстонской земли. Прием производится по месту дислокации батареи на базарной площади».

В течение двух дней количество бойцов батареи выросло до 240 человек. Столько и требовалось иметь.

Через несколько дней у батареи было и необходимое количество лошадей, которых взяли по мобилизации в имениях. Занимаясь этим, я побывал в нескольких близлежащих имениях, и повсюду бывшие батраки задавали одни и тот же вопрос.

— Что теперь будет с мызной землей?

Я объяснял, что Эстляндская Трудовая Коммуна отдает всю помещичью землю в руки народа. Мызные рабочие должны избрать свои комитеты и под их руководством управлять имением. Весь скот и трудовой инвентарь мызы должен работать на благо всего народа.

Но в ответ я слышал недовольные голоса:

— Ах так! Вчера мы были мызные батраки, а сегодня хотите сделать нас государственными батраками? Спасибо!

Когда к нам приехал председатель Совета Эстляндской Трудовой Коммуны Ян Анвельт, я рассказал ему, что батракам не по душе решение вопроса о земле.

— Ничего, привыкнут, — сказал Анвельт и добавил: — Ты сам подумай, какой ущерб мы нанесли бы народному хозяйству, если бы раздробили хорошо налаженные помещичьи хозяйства. Как бы ты отнесся к тому, если бы после революции рабочие растащили по домам оборудование заводов и фабрик? Крупные предприятия и хозяйства необходимо сохранить. Но их хозяином должен стать сам трудовой народ, который будет и работать, и получать плоды своего труда. Сама жизнь покажет мызным рабочим и безземельным крестьянам, что мы правы, и они согласятся с нами. Так мы сможем всем показать пример, как нужно строить социализм.

Однако, как позднее показала жизнь, позиция Эстляндской Трудовой Коммуны в вопросе о земле была в тот момент неправильной. Безземельные крестьяне хотели получить землю в личное пользование. Они не были подготовлены к ведению коллективного хозяйства. Таким образом, Коммуна потеряла контакт с крестьянством. Буржуазия же, напротив, используя ошибку Коммуны, кричала, что землей должен владеть тот, кто ее обрабатывает, обещая в первую очередь землю тем, кто пойдет сражаться за «независимую Эстонию».

Безземельные крестьяне были в замешательстве. Большинство все-таки решило выжидать. Часть поддерживала позицию Коммуны, а часть пошла на поводу у буржуазии в надежде получить таким образом землю.

Я в то время над этим вопросом не задумывался, так как был занят своими служебными делами. А дела наши продвинулись настолько, что мы смогли приступить к боевой подготовке. Но положение на фронте неожиданно изменилось. На помощь эстонским белогвардейцам, вдобавок к пиратствовавшей на море английской эскадре, прибыли наемники империалистической бур-

жуазии, вскоре прозванные «финскими мясниками». С их при-
бытием расстановка сил на фронте резко изменилась в пользу
буржуазии.

1-й Таллинский коммунистический полк, бойцы которого уже
находились вблизи Таллина, был вынужден отступить. Фронт
подошел к Тапа. Такому быстрому продвижению белых способ-
ствовало в немалой степени то, что их главной ударной силой
были бронепоезда, в то время как красные бронепоезда не могли
прийти на помощь своим войскам из-за разрушенного моста
через Нарву.

Вечером 7 января наша батарея получила приказ ночью
отправиться на фронт. К тому времени мы только начали заня-
тия по боевой подготовке. Кроме командиров, среди личного
состава батареи было только двое артиллеристов, двое бывших
кавалеристов и с десятков пехотинцев. Подавляющее большинство
добровольцев никогда прежде вообще не служило в армии. Боль-
шая часть лошадей никогда раньше под седлами не ходила,
добрая половина из них была еще и не подкована. Но приказ
надо выполнять, а выучку, стало быть, следовало приобретать
в бою.

Уже утром 8 января батарея вступила в оборонительные бои
за станцию Тапа. Белые наступали при поддержке бронепоездов.
Их орудия били по позиции нашей батареи. Мы тоже стреляли
беспрерывно. Грохот наших выстрелов слился с разрывами вра-
жеских снарядов. Доносился все приближавшийся треск винто-
вок и пулеметов. Я направился к стоявшим впереди нас домам,
чтобы приказать готовить лошадей. Мне навстречу быстрым
шагом шел Ян Анвельт.

— Ломбак, немедленно отводи батарею. Белые ворвались в
поселок и скоро будут здесь.

Кинувшись назад, я крикнул:

— Быстро прицепить орудия и сниматься с позиции!

Вслед за мной на батарею прибежал и Анвельт. Орудия и
зарядные ящики один за другим покидали позицию. А враже-
ские пули уже свистели вокруг нас. Анвельт забрался на пере-
док последнего зарядного ящика. Но через несколько десятков
шагов вражескими пулями убило обеих лошадей. Зарядный
ящик остановился. Анвельт свалился в снег. Я подбежал и помог
ему сесть на коня старшины батареи Удраса. Зарядный ящик
пришлось оставить. Батарея скрылась из виду. Я, как и Удрас,
остался без коня. Мой вестовой оказался предателем и вместе с
лошадьми остался в Тапа. Через пару часов мы догнали батарею.

Анвельт пришел вместе с Карлом Таммином, бывшим коман-
дантом Тапа. Позднее он стал исполнять обязанности комиссара
батареи, а еще позже его назначили комиссаром артиллерии
дивизии.

На следующий день батарея заняла позицию под Раквере в
районе Валлимяэ. На белом снегу хорошо различались двигав-

шнися цепи белогвардейцев. Батарея стреляла по ним с большой точностью. Но противник на этот раз не шел напролом, а старался окружить город.

Когда опасность быть окруженными стала слишком реальной, батарея получила приказ оставить свою позицию.

Путь батареи пролегал через город, который уже покинули все другие красноармейские части. Опасность состояла в том, что враг мог неожиданно открыть огонь откуда-нибудь из-за угла и тем самым вызвать замешательство среди бойцов. Чтобы этого не случилось, колонна орудий двигалась медленно. Бойцы, держа винтовки наперевес, шли по обе стороны пушек. Кроме того, на санях были установлены два готовых к бою пулемета. Впереди колонны ехал командир батареи Давыдов, а замыкал колонну я. У обоих в руках были револьверы.

Из ворот и окон домов десятки глаз следили за тем, как уходит из города последняя красноармейская часть. В одних окнах махали платочками, в других — показывали язык и грозили кулаком. И только батарейцы, оставляя город, который для многих был родным, делали вид, будто ничего особенного не случилось, и они находятся на обычном марше.

Из города мы вышли без происшествий и тут же стали погонять лошадей.

Фронт красных не знал покоя от десантов, засылаемых в тыл с английских кораблей и вынуждавших нас под постоянной угрозой окружения быстро отходить. Британская эскадра тотчас же открывала огонь, как только в ее поле зрения, где-нибудь недалеко от берега, появлялись части Красной Армии.

15 января с английского военного корабля заметили продвижение нашей колонны. И тут же над нашими головами с протяжным воем пролетели крупнокалиберные снаряды интервентов. Со страшным грохотом они разорвались на краю леса, примерно в полукилометре от дороги, окутав все вокруг густыми клубами черного дыма. Обстрел продолжался до тех пор, пока дорога не свернула в лес.

*

Перед тем, как отправиться на фронт, я собрал бойцов батареи, чтобы поговорить с ними. Я подчеркнул, что на своем боевом пути нам предстоит пройти немало городов и деревень, иметь дело со множеством незнакомых людей. Но всегда нужно помнить о том, что беды и страдания трудового народа, его надежды и устремления повсюду те же, что и у нас. Мы — бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и цель нашей борьбы — навсегда избавить трудящихся от их многовековых мук и страданий, уничтожить эксплуататорские классы. Трудовой народ ждет, что мы, солдаты революции, вызволим его из плена нище-

ты и бесправия. Поэтому где бы мы ни были, мы должны с уважением относиться к трудовому народу, оказывать ему всяческую помощь. В разгар боев нам иной раз придется быть без пищи, терпеть нехватку обмундирования, но никто из нас не имеет права самовольно брать ничего из имущества, принадлежащего трудящимся. А если кто-нибудь все-таки посмеет протянуть руку к чужому добру, тот по суровым законам революции подлежит расстрелу на месте без суда как злейший враг трудового народа.

16 января, продолжая отход, батарея сделала привал у двух стоящих рядом хуторов недалеко от дороги, связывавшей Йыхви и Нарву. В большем доме ночевали командиры и большинство бойцов, в меньшем — хозяйственники с полевой кухней и остальные батарейцы. Дом поменьше принадлежал председателю местного Совета, а когда фронт подошел слишком близко, он за день до нашего прибытия покинул родные места, оставив жену и маленьких детей одних.

Утром его жена пришла ко мне и в отчаянии сообщила, что большая часть их съестных припасов — два пуда крупы — ночью исчезла. Не было сомнения, что крупу утащил кто-то из наших. Этого человека необходимо было немедленно найти. Он должен понести заслуженное наказание, так как его поступок накладывал печать позора не только на нашу батарею, но и на всю Красную Армию. Трудовая семья пострадала от своих же защитников. Всех, кто ночевал в этом доме, тотчас же обыскали, и у кучера полевой кухни Юхана Петерсона в мешочке с сухарями нашли примерно полкило крупы.

Узнав об этом, я приказал немедленно, прямо на месте в присутствии всех бойцов расстрелять Юхана Петерсона как мародера и врага народа. Приговор должен был привести в исполнение руководитель коллектива коммунистов батареи Тулик.

Тулик указал Петерсону на сугроб перед домом, и держа в руке револьвер, сказал:

— Ну, Петерсон, говори свое последнее желание. Даю тебе на это пять минут.

В то время, как Петерсон стоял на сугробе, батарея опять получила приказ к отходу. Распорядившись, чтобы женщине взамен пропавшей крупы выдали какие-нибудь другие продукты, я вышел из дома и собирался отдать приказ о начале движения, но увидел лежащего на снегу Петерсона с посиневшими губами, смертельно бледным лицом и руками, воздетыми в молитве к небу. Над ним стоял Тулик, держа в руке револьвер со взведенным курком. Их полукольцом окружали батарейцы. Я понял, что суровое, но необходимое воспитательное воздействие на личный состав уже оказано. По лицам бойцов было видно, что никто из них не захочет повторить проступок Петерсона. Сам Петерсон уже пережил страх смерти.

Видя все это, я приказал перенести исполнение приговора до следующей остановки.

— А сейчас все по местам!

Все бросились выполнять приказ. Юхан Петерсон занял место кучера полевой кухни. Лошади опять потащили орудия по бесчисленным сугробам.

На следующем привале Петерсон подошел ко мне.

— Товарищ командир, не один я крупу взял. Кашевары нашли этот мешок и, недолго думая, высыпали в котел. Конечно, моя вина больше, потому что я положил немного крупы в свой мешок с сухарями.

По происхождению Юхан Петерсон был сыном батрака и до прихода на батарею сам тоже работал мызным батраком. Петерсон и другие виновные перед всей батареей дали клятву никогда больше не трогать чужого имущества.

Петерсон попросил слова и сказал:

— Товарищ командир, когда я уходил из дома, чтобы добровольно вступить в ряды вашей батареи, отец предупредил меня, сказав, что в Красной Армии строгая дисциплина и я должен ее соблюдать. И вы говорили нам об этом... Видно, в одно ухо влетало, а из другого вылетало. Но теперь я на себе почувствовал дисциплину... Я искренне раскаиваюсь, товарищ командир, и обещаю, что впредь сам буду честным и других остановлю, если они надумают утащить что-либо у своего же брата трудящегося. Больше никогда ни у кого не будет оснований сказать про меня плохое!

И Юхан Петерсон не нарушил обещания, данного бойцам батареи.

*

Перед вечером 18 января батарея получила приказ отходить через Нарву и, переправившись на другой берег реки, занять позицию на территории Петроградской губернии.

Около полуночи батарея добралась до Нарвы. Наша колонна миновала площадь и свернула на узкую улочку, которая вела к деревянному мосту через реку.

— Кто идет? — донесся вдруг из темноты чей-то голос.

— Свои! — ответило сразу несколько бойцов батареи.

— Ах, свои! — опять послышался тот же голос, и тишину ночи разорвали взрывы гранат, пулеметные очереди, выстрелы и свист пуль. Весь этот огонь был направлен на нас. Палили лошади, гибли люди. Неподвижно замерли посреди улицы орудия. В темноте невозможно было различить ни стрелявших, ни их укрытий. Враги действовали совершенно безнаказанно.

В тот момент, когда началась пальба, я ехал рядом с командиром батареи в середине колонны. При первых же выстрелах Давыдов повалился с коня. Я, недолго думая, бросился на снег

рядом с ним. Давыдов лежал неподвижно: вражеская пуля прервала его жизнь. Ряды батарейцев смешались.

На площади появился батальон красных финнов. Развернувшись в боевой порядок, он оцепил захваченный белыми район у деревянного моста. Вскоре удалось выяснить, что районом моста завладел высаженный в Нарва-Йыэсуу белогвардейский десант.

В то время между станцией Нарва и железнодорожным мостом курсировал матросский бронепоезд. В этом районе матросы были полными хозяевами положения. Они помогли переправиться на другой берег по железнодорожному мосту трем батареям и другим частям Красной Армии. Линией фронта стала река Нарва.

В нашей батарее полегло 26 бойцов. Погиб ее первый командир.

Восстановить боеспособность батареи командование приказало мне. Заместителем командира стал Яан Леэсик, молодой боец родом из Тартуского уезда.

*

Восстановление боеспособности батареи происходило в Гатчине, в артиллерийских казармах. Здесь же, на первом этаже, формировалась 4-я Эстонская коммунистическая батарея. Ее командиром был таллинец Харальд Туммельтау, его заместителем — Вольдемар Прэй. Х. Туммельтау имел среднее образование. Это был молодой человек, очень живого нрава, крайне решительный в своих поступках. Его заместитель Вольдемар Прэй, родом из Йыхви, по характеру ничем не отличался от Туммельтау.

На место погибших в Нарве скоро прибыли новые добровольцы. Началась планомерная учеба, требовавшая от бойцов немало сил.

Благодаря хорошо организованной боевой подготовке и усердию бойцов батарея вскоре стала боеспособной кадровой частью Красной Армии.

О нашей готовности к новым боям я доложил председателю Совета Эстляндской Трудовой Коммуны Яану Анвельту. 1 мая 1919 года поступил приказ о погрузке в эшелон.

Со щита каждого орудия на бойцов смотрел написанный большими красными буквами лозунг: «Бей, не жалей!» Он напоминал всем о том, что единственный путь, который приведет нас к победе, — это уничтожение врага.

Через несколько дней батарея прибыла на участок фронта в районе Пскова. Там уже находились части дивизии эстонских красных стрелков: 1-й Таллинский, 2-й Вильяндиский, 3-й Тартуский коммунистические полки, 1-я, 2-я, 3-я и 4-я эстонские коммунистические батареи 76-мм полевых орудий. Формировались 5-й Вырусский коммунистический стрелковый полк и тяже-

лый дивизион полевых орудий, в состав которого входили батареи 107-мм орудий, 122-мм и 152-мм гаубиц.

Правый фланг дивизии упирался в Псковское озеро, левый — в деревню Рачево. Линия фронта пролегла между Печорами и Изборском.

Стояла тишина, так как весенняя распутица затрудняла военные действия. Но затишье это было только кажущимся: в тылах враждующих сторон ни на минуту не прекращалась напряженная подготовка к предстоящим боям. День и ночь действовала разведка, уточнялись расчетные данные для артиллерии.

Составленные из добровольцев, эстонские коммунистические полки рвались в бой. После нескольких недель вынужденного отступления бойцы вновь были готовы довести до победного конца дело освобождения своей родной земли. Каждый хорошо сознавал, что там, за линией фронта, их ждут тысячи эстонских трудящихся в городах и деревнях, ждут отцы и матери, братья и сестры. Это удесятряло силы.

Но ход событий принял другой оборот. В день праздника 1 Мая солдаты двух враждующих лагерей встретились на ничьей земле. Началось братание красных бойцов с белыми, в ходе которого решались некоторые политические проблемы, уточнялись точки зрения. С каждой ночью увеличивалось количество перебежчиков на сторону красных. Братание должно было разложить белые части, парализовать боеспособность насильно мобилизованных солдат.

Братание длилось уже третью неделю. Особенно активно в нем участвовал командир красной дивизии Ритт. Этот бывший прапорщик царской армии начал службу командиром взвода в Таллинском коммунистическом батальоне. Любыми способами завоевывая доверие, он меньше, чем за год, поднялся до командира Эстонской дивизии красных стрелков.

И теперь, когда белые переживали критические дни, этот человек нашел общий язык с офицерами эстонской буржуазной армии. Он обещал им сорвать подготовку боевых эстонских частей Красной Армии к весеннему наступлению.

19 мая он послал командиру 7-го полка белых следующее письмо:

«Срочно, секретно.

Командиру 7-го полка.

Прошу как можно быстрее сообщить командующему южным фронтом Эстонской республики, что я желал бы лично переговорить с ним или с его заместителем по вопросу установления мира между эстонскими национальными и красными эстонскими частями, в результате которого город Псков по возможности полностью (без эвакуации) отошел бы к Эстонской республике, в том числе: все орудия, бронепоезда и обозы с оружием.

Это письмо я посылаю самовольно, без разрешения Коммуны и командующего армией, поэтому прошу хранить его содержа-

ние в тайне, чтобы никто из ваших перебежчиков не сообщил о нем сюда и не испортил всего задуманного. Ответ буду ждать во вторник, 20 мая, в 7 часов вечера у деревни Давыдово-Конецкая.

Командир Эстонской коммунистической
стрелковой дивизии

Ритт».

В полдень 23 мая Ритт посетил белый бронепоезд, стоявший на путях перед позициями Вильяндиского полка, и пробыл в нем несколько часов. Как потом выяснилось, там-то и был составлен совместно с белым командованием план предательства. Входящим и выходящим из вражеского бронепоезда Ритта видел со своего наблюдательного пункта командир Вильяндиского полка Карл Кангер. Он задержал Ритта при возвращении от белых, но комиссар 1-й бригады Эстонской дивизии отпустил его.

Той же ночью Ритт с двумя другими изменниками прибыл в расположение второй роты Таллинского полка, собрал бойцов и объявил им, что этой ночью красные части начинают свое победное шествие за установление власти трудящихся в Эстонии. Далее он сказал, что белые войска согласны вместе с красными идти в Таллин, чтобы восстановить там Советскую власть. Ночью, — говорил изменник, — войска соединятся и затем под звуки оркестра, с красными знаменами отправятся в путь.

Бойцы второй роты, ничего не подозревая, поверили предателю.

Ритт начал службу в Красной Армии командиром взвода именно в этой роте, затем стал командиром роты, потом батальона и, наконец, командиром Таллинского полка. А сейчас он выступал перед ними уже как командир дивизии. Бойцы второй роты пошли за ним, перешли линию фронта и углубились в тыл белых. Вдруг, как из-под земли, перед бойцами выросли белогвардейские солдаты.

— Бросай оружие, красные гады! — послышался из темноты грубый голос.

Только теперь до бойцов дошло, что их бывший командир, негодяй, предал их. Завязалась неравная схватка. Но благодаря темноте некоторым бойцам роты все же удалось выбраться живыми и сообщить о случившемся своим товарищам.

Белому командованию еще за день до этого были известны расположение и численность наших войск. При непосредственном участии предателя был разработан детальный план их уничтожения.

Наша третья батарея дислоцировалась на фронте повзводно. Я был в первом взводе вместе с его командиром Удрасом. Примерно в трех километрах справа от нас стоял второй взвод, который командовал мой заместитель Лезик.

— Товарищ командир! Белые наступают! — услышал я сквозь сон голос Удраса, с которым мы спали в одной комнате.

Я вскочил и прислушался. Шум боя доносился откуда-то

слева. Схватив телефонную трубку, я стал вызывать наблюдательный пункт:

— Алло, Печоры! Я — Таллин!

— Печоры слушают! У аппарата Микадо!

— Юри, ты? Что там у вас творится?

— Слева от нас какой-то переполох, но что там стряслось, в темноте не видно.

— Будь начеку! Если что-либо выяснится, сразу сообщи, — приказал я и тут же вызвал правый наблюдательный пункт.

— Псков слушает! У телефона Льюке! — послышался ответ.

— Говорит Таллин! Какое у вас положение?

— У нас все тихо, а вот слева доносится шум боя.

— Эди, следи внимательно! Если что-нибудь заметишь, немедленно звони!

— Товарищ Удрас! — обратился я к командиру взвода. — Всем бойцам быть на своих местах у орудий! Приготовить пулемет! Ездовым подогнать передки к орудиям!

— Уже распорядился, товарищ командир! — ответил Удрас, который первую мировую войну провел на фронте и умел хорошо ориентироваться в самых сложных, постоянно меняющихся боевых ситуациях. Он, как говорится, прошел огонь и воду. В самый критический момент Удрас спокойно поглаживал свои белесоватые усы.

Вместе с ним мы поскакали на находившийся перед деревней пригорок, но и оттуда ничего нельзя было разглядеть. Но зато явственно слышалось, как шум боя проникал все глубже в позиции красных.

К нам подскочил конный разведчик Амбус:

— Товарищ командир! Позвонил Микадо, сказал, что у них пехотная часть отходит. Спрашивает, что он должен делать?

Я поскакал назад к телефону.

— Алло! Печоры?

— Печоры слушают! — ответил Микадо.

— Отходи вместе с пехотой! Звони время от времени!

Стрельба слева ненадолго затихла.

На востоке забрезжил рассвет. Сквозь утренний полумрак проступили расплывчатые контуры кустов и деревьев. Бойцы сидели у орудий, ждали, вглядывались вдаль. Недалеко от них стоял готовый к бою пулемет «максим».

И вдруг словно ударом грома разорвало тишину. Из кустарника позади батареи по бойцам ударил пулемет противника. Пули засвистели над орудиями. В то же мгновение из кустарника выбежала вражеская цепь и с криками «ура!» ринулась на батарею.

— Пулемет, огонь! — приказал я.

Очередь из «максима» прижала к земле вражеских солдат.

— Взвод, по вражеской цепи картечью, огонь!

И тотчас же рой свинца врезался в кустарник. Пулемет про-

тивника умолк. Это дало возможность быстро вывезти из-под удара врага орудия и зарядные ящики. Но замолкший противник вновь открыл огонь. Над бойцами, орудиями и лошадьми жужжали пули. Но орудия, одно за другим, благополучно скрылись за стоявшими у дороги крестьянскими домами.

Орудия первого взвода быстро приближались к позиции второго взвода. Я прибыл туда несколько раньше.

— Второй взвод! Слушай мою команду! Орудия на позицию!

Не успели бойцы взвода выполнить приказ, как прорвавшаяся справа вражеская цепь открыла огонь по нашей позиции. Им ответил наш второй пулемет. Но тут появился вражеский броневик.

— Третье орудие! По белому броневнику прямой наводкой, гранатой, прицел тридцать, огонь! Четвертое орудие, быстро к лесу! Откройте огонь оттуда! — приказал я командиру взвода Леэсику.

Навстречу броневнику со свистом устремилась выпущенная третьим орудием граната. Черный дым, взметнувшийся от оглушительного взрыва, окутал вражескую машину.

Последовал второй выстрел.

Добравшееся до леса четвертое орудие почти в тот же момент послало по врагу третий снаряд, разорвавшийся у самого броневика. Но автомобиль все же скрылся за пригорком.

Пока четвертое орудие продолжало вести огонь по противнику, вся батарея вышла из-под обстрела врага и вскоре вошла в лес.

Обстановка была неясной. Попадавшие навстречу отдельные бойцы и группы утверждали, что враг пару часов назад занял Изборск. Они рассказали о предательстве командира Эстонской дивизии, перешедшего на сторону врага.

Отрезанные друг от друга красные полки вынуждены были действовать по своему усмотрению.

Белые перерезали путь на Псков. И на Остров дорога проходила через Изборск, занятый врагом. Времени на раздумье не было: со всех сторон нас постепенно окружали вражеские цепи.

— Батарея, за мной! — скомандовал я и съехал с мощенной булыжником дороги на поросшую мелким кустарником и размокшую от весеннего половодья почву. Я решил, обойдя стороной Изборск, выйти на Островскую дорогу.

Бойцы дружно помогали лошадям, подталкивая орудия.

Через полтора часа, пройдя примерно семь километров по болотистой местности, все наши орудия благополучно выкатились на твердое покрытие Островской дороги. Опасность окружения миновала.

По дороге к батарее присоединилось еще около пятисот бойцов с винтовками и пулеметами.

Изменникам удалось разъединить части Эстонской дивизии. Пользуясь созданным положением, 25 мая войска эстонской

контрреволюционной буржуазии и русских белогвардейцев на некоторое время заняли Псков. Но ни одного орудия не оставили им бойцы батарей дивизии эстонских красных стрелков. Подло преданные, войска дивизии вышли из окружения и с боями прорвались к своим.

Через день-другой соединившиеся части дивизии вновь вступили в бой с врагом, который пытался развить свой успех в направлении на Порхов и Старую Руссу. Части Красной Армии дали решительный отпор объединенному войску эстонской буржуазии и русских белогвардейцев. Эти две силы действовали сообща, хотя их цели, на первый взгляд, казались различными.

Русская белогвардейщина вела бои под лозунгом: «За единую, неделимую Россию!» Конечная цель их борьбы заключалась в возвращении Эстляндской губернии в состав «единой, неделимой».

Но такой лозунг не отталкивал эстонскую буржуазию. Она вела войну не за национальное освобождение своего народа, а за возможность и дальше эксплуатировать трудящихся. Буржуазии было все равно, кто помогает ей — германские оккупанты, которых она хлебом-солью встречала в 1918 году, или русские белогвардейцы, или же англо-американские империалисты.

Эстонскую буржуазию не пугали победа контрреволюции и восстановление монархии в России, за которое сражались разные юденичи, родзянко и бандиты вроде Булак-Балаховича. Эстонскую буржуазию не пугало и то, что в результате победы этих сил в «свои» имения вернутся прибалтийские бароны. Именно поэтому эстонская буржуазия посылала на фронт в поддержку белогвардейцев все новые «национальные» части, солдатам которых приходилось проливать свою кровь далеко за пределами Эстонии, за Псковом и рекой Великой, на подступах к Петрограду.

3

ПСКОВ И ДАУГАВПИЛС

Ошибка комиссара. Разгром десанта. Наемники бегут. Против польских панов. Яростная атака легионеров. Геройство и трусость.

Уже несколько недель с переменным успехом в окрестностях Пскова шли тяжелые бои. Обе стороны старались создать у себя перевес сил и, тем самым, сломить сопротивление противника. С ожесточением дрались за каждый клочок земли.

Активно громила врага и наша батарея. Порой мне по несколько дней не удавалось отдохнуть, а бои и быстрые смены позиции отнимали много сил.

Однажды в середине июня, во время короткой передышки

между боями, я прилег недалеко от орудий и сразу уснул, а когда проснулся вокруг была прохладная темная ночь.

«Кажется, все на свете проспал!» — подумал я, вскакивая на ноги.

В нескольких шагах от себя увидел сидящего Яана Леэсика.

— С добрым утром, товарищ командир! Наконец-то ты проснулся!

— Скажи, Яан, у нас все в порядке?

— В порядке, командир, — ответил Леэсик. — Только вот, пока ты спал, батарея отбила вражескую атаку.

— Ты шутишь?! Я бы услышал.

Леэсик рассмеялся.

— Ты, товарищ командир, спал с таким храпом, что заглушал грохот наших орудий. Когда началась атака врага, я решил не будить тебя и стал сам руководить огнем. В общей сложности мы выпустили по белогвардейцам более четырехсот снарядов.

Рапорт, который батарея направила в штаб артиллерии дивизии, подтверждал слова Леэсика.

Через несколько дней наша батарея стояла на позиции левее железной дороги Петроград—Псков. Мой наблюдательный пункт находился в деревне примерно в двух километрах впереди, в недостроенном доме. Вскоре я заметил вражеский бронепоезд и тут же дал команду на батарею обстрелять его. На быстром ходу бронепоезд миновал пролежавшую по краю леса линию обороны красных и скрылся за деревьями. По дыму можно было судить, что в лесу бронепоезд остановился. Но вскоре он вернулся обратно и ушел за линию фронта.

Примерно через полчаса, из леса вышел отряд человек в шестьдесят—семьдесят. Какое-то время я наблюдал за ним. Дело выглядело весьма подозрительным, и через телефониста я отдал приказ батарее приготовиться к открытию огня.

Оставалось сказать только «Огонь!», но мне помешали.

— Командир батареи! Подожди! — кричал бежавший к наблюдательному пункту комиссар одного из соседних батальонов Вятского стрелкового полка. — Из того леса идет резерв нашего полка.

— По моим данным, в том лесу не должно быть никаких резервов вашего полка. Я уверен, что это движется белогвардейский десант, высаженный бронепоездом.

И повернувшись к телефонисту, я опять крикнул:

— Батарея!..

— погоди, погоди, командир! Уж не собираешься ли ты открыть огонь по своим?! Это бойцы нашего полка, я тебе точно говорю, — убежденно заявил комиссар.

— Ну что ж, подождем еще, — сказал я и стал внимательно следить за продвижением отряда, постоянно меняя направление

стрельбы и прицел орудий. По команде «огонь!» батарея была готова в любое мгновение поразить цель.

В это время отряд, двигавшийся вдоль речки, дошел до мостика. Перейдя речку и развернувшись в цепь, отряд направился в сторону деревни, где находился наш наблюдательный пункт.

Цепь все приближалась. Не отрывая глаз от бинокля, я пытался определить, кто же все-таки идет — свои или белогвардейцы. Но никаких внешних признаков, вроде звездочек или погон, разглядеть не удалось. Цепь от деревни отделяло еще несколько сот метров. И вдруг рядом с моей головой просвистела пуля. Вслед за ней засвистели другие.

Не издав ни единого звука, на землю рухнул комиссар. Сомнений больше не было — это белогвардейцы.

— Батарея, огонь!

Но мой приказ не был передан, так как телефонист, схватив аппарат под мышку, собрался бежать.

— Назад! На место! Черт бы тебя побрал! Огонь! — крикнул я, разозлившись.

Пока телефонист возвращался на свое место, белогвардейская цепь уже вбегала в деревню. Наблюдательный пункт оказался беззащитным перед нападавшими. Нужно было немедленно уходить.

Через боковое окно я выпрыгнул из дома и вместе с телефонистом бросился бежать на противоположный конец деревни, туда, где должен был стоять мой конь с вестовым.

Добежав до околицы, я в отчаянии остановился: моего коня и вестового на месте не оказалось. Где же они? Может быть пошли на наблюдательный пункт.

А тем временем белогвардейцы приближались. Слева из кустов вышла еще одна вражеская цепь. Раздались выстрелы.

Свободным оставался только один путь — вверх по пологому склону холма. За его вершиной стояла наша батарея. До нее примерно полтора километра. Чтобы затруднить врагу прицеливание, я бежал зигзагами. Но несколько суток подряд без сна давали о себе знать. Я чувствовал, что теряю силы, ноги отяжелели так, будто к ним привесили свинцовые гири. Казалось, мне уже не миновать белогвардейского плена.

«Нет, только не это! — крикнул я себе! — Все, что угодно, но плена не будет никогда!» Я не раз видел трупы бойцов, у которых белогвардейцы вырезали или выжигали пятиконечные звезды на лбу и на груди, вырывали клещами ногти. И все это они проделывали, когда жертва была еще жива.

В тысячу раз легче получить смерть в бою, в сто раз легче самому себе пустить пулю в лоб! Но живым попасть в руки палачей — ни за что!

Повалившись на землю, я выхватил из кобуры пистолет и уже был готов навсегда уйти из жизни. В лихорадочно бегущий поток

мыслей вкралось чувство досады за то, что мой боевой путь кончается так бесславно. Прожито всего двадцать три года...

Но тут же пришли другие мысли, полные презрения к своему малодушию.

Еще не все потеряно. Еще можно дойти до своих и продолжать борьбу.

Я вскочил на ноги и снова побежал зигзагами, быстро удаляясь от преследователей.

До вершины холма не так уж далеко.

Осталось несколько десятков метров...

И вот я наверху. Кричу бойцам:

— Пулемет сюда! По белогвардейцам — огонь!

Через несколько мгновений оба наши «максима» начали бить по вражеской цепи. Вскоре подошли красные стрелки и десант «скаутов», высаженный белогвардейским бронепоездом, был разгромлен.

Бои за освобождение Пскова продолжались.

В одном из боев вражеская пуля сразила командира 4-й батареи Харальда Туммельтау. Разведчики батареи на руках вынесли его из-под огня и поместили в санитарный поезд. Состояние находившегося без сознания из-за большой потери крови командира батарейцам казалось совершенно безнадежным. На страницах газеты «Эдази» появился даже некролог, посвященный Туммельтау. Сын рабочего, бывший ученик таллинской гимназии, он был одним из тех командиров молодой Красной Армии, которые целиком посвятили себя борьбе за освобождение рабочего класса. Несмотря на свою молодость, Туммельтау был очень решительным и волевым человеком, несколько вспыльчивым, но отчаянно смелым. За боевые заслуги в 1919 году его наградили орденом Красного Знамени.

Каково же было удивление товарищей, читавших некролог, когда через пару месяцев на фронте под Даугавпилсом у нас побывал вылечившийся Харальд Туммельтау. Позднее он закончил военную академию и еще долго служил в рядах Красной Армии трудовому народу.

*

В конце июля нашу батарею перебросили на левый участок фронта — к городу Острову. Преодолев около восьмидесяти километров, мы прибыли в деревню Шарпино, где располагался штаб Тартуского полка. Я сразу отправился в избу, где квартировал командир полка. Август Лиллакас сидел у стола и пристально изучал карту. Он был так занят своим делом, что даже не заметил, как я вошел. Мы действовали с ним совместно не в одном бою. Август Лиллакас в свое время закончил Ракверескую учительскую семинарию. В мировую войну служил офицером в

царской армии. С первых же дней вступил в ряды Красной Армии и за короткий срок стал одним из активных командиров. Еще в 1918 году за боевые заслуги в боях с интервентами и белогвардейскими ордами под Архангельском его наградили орденом Красного Знамени. Он был хладнокровным, волевым и решительным командиром.

Я тихо подошел к нему поближе и, громко звякнув шпорами, отрапортовал:

— Товарищ командир полка! Согласно полученному приказу третья батарея прибыла, чтобы помочь своим огнем 3-му Тартускому полку. Командир батареи Ломбак.

— Твоя батарея прибыла как раз вовремя! — радостно произнес Лиллакас и по-дружески обнял меня.

— Вчера беляки заставили нас отойти верст на пятнадцать. Против их артиллерии мы были бессильны. А теперь посмотрим, чья возьмет!

Указав на расстеленную на столе карту, он продолжал:

— Вот смотри, здесь деревни Смыкалово, Столово, Подмосье. Это наша линия фронта. А вот на этом участке ты должен огнем своих орудий поддерживать действия полка. Быстро выбирай позицию для батареи, и как только вы будете готовы, мы тотчас же начнем наступление.

Вскоре батарея подготовилась к ведению огня.

На этот раз красным стрелкам удалось незаметно приблизиться к противнику. Когда наши бойцы находились на расстоянии короткого броска от траншей врага, по общему сигналу — залпу батареи на всем боевом участке полка — бойцы поднялись в атаку. Воздух содрогнулся от их мощного «ура!».

Противник, после нескольких дней успешного наступления потерявший бдительность, был ошеломлен. Почти не оказывая сопротивления, вражеские солдаты оставили свои позиции. Сваренную для них рисовую кашу съели красноармейцы.

Наемники американского капиталиста Рэйссара — эстонские «скауты» бежали так, что бросили даже свою канцелярию со всеми списками, приказами и прочими бумагами. Как следовало из приказов, на этот раз мы имели дело, кроме «скаутов», еще с одним отрядом наемников, созданном из датчан. Эти увлекались охотой за гусями, курами, овцами и прочим домашним скотом местных жителей. Перед атакой красных они дрыхли, переваривая награбленную пищу. А вещи поценнее, отобранные у местных жителей, лежали в их вещевых мешках. Официально они называли это «боевыми трофеями».

Выступив перед бойцами батареи, я сообщил им, что сейчас против нас на той стороне фронта воюют наемники из разных стран. Этих алчных вору и грабителей нужно как следует проучить.

После первого удара красных оставшиеся в живых наемники бежали в направлении Никольское — Горяино и попытались

закрепиться там, но в последующие дни они получили новые удары.

Командир отряда датских наемников, капитан датской армии Рихард Боргелин, позднее так писал о тех днях:

«На нас беспрерывно сыпался дождь шрапнели и гранат. Земля дрожала от разрывов бомб. Свист снарядов нашей собственной батареи был для нас единственным утешением в этом свинцово-стальном аду... Каждое мгновение можно было ожидать чего-нибудь еще более кошмарного. Проникшие к нам в тыл разведчики красных подожгли сарай. Зарево пожара действовало ужасающе, парализовывало волю...»

Предводитель датских наемников описал страх, вызванный огнем одной только батареи. Сарай в тылу у них загорелся от снаряда, выпущенного все той же батареей, и это подействовало на них «ужасающе».

Далее капитан Боргелин писал:

«Нам приходилось очень туго все это время до полудня 31 июля. Мы едва удерживали солдат на позициях».

Эти слова дают отчетливое представление о степени страха, охватившего наемников.

25 августа части Красной Армии ворвались в Псков. Белогвардейцы бежали на запад, за реку Великая, бросив много оружия и продовольствия.

*

Эстонские коммунистические полки через несколько дней после освобождения Пскова отбыли с этого участка фронта. Эшелон за эшелоном увозил их в Даугавпилс, который тогда назывался Двинском. Едва эшелоны прибыли на место, как бойцы, выскочив из вагонов, сразу вступили в бой с войсками панской Польши, осадившими Даугавпилс. Под сильными контрударами легионеры бежали за реку. Коммунистические полки преследовали их на другом берегу Даугавы примерно километров двадцать. Затем, согласно приказу, наши части вернулись назад и заняли на левом берегу реки плацдарм шириной километров шесть-семь и глубиной в полтора-два километра. На плацдарме расположились три стрелковых полка. Четвертый полк стоял в городе в резерве. Батареи, поддерживавшие войска на плацдарме, вели огонь с правого берега.

Положение Советской республики на всех фронтах было очень тяжелым. В Сибири продолжался разгром колчаковских банд. Правительства империалистических стран усиленно поддерживали напиравшие с юга войска царского генерала Деникина. Его армии удалось перехватить инициативу, и деникинцы быстро продвигались на север, стремясь во что бы то ни стало подойти к Москве.

На других фронтах также шли упорные бои. В сложившейся

обстановке войска Даугавпилсского участка фронта обязаны были держаться на берегах Даугавы. Несколько недель здесь проводились только разведывательные операции и шли артиллерийские дуэли.

В эти сравнительно спокойные дни Эстонская дивизия красных стрелков потеряла одного из лучших командиров батарей. Погиб Вольдемар Прэй, уроженец деревни Валасте Йыхвиской волости, с которым мы вместе учились на артиллерийских курсах. Он обладал твердым характером, помогавшим ему преодолеть все трудности, встречавшиеся на жизненном пути. Своей принципиальностью Вольдемар Прэй завоевал всеобщее уважение всех коммунистов, обучавшихся на курсах, и летом 1918 года они единогласно избрали его руководителем своего партийного коллектива. Прэй был сначала заместителем командира 4-й батареи, затем его назначили командиром 1-й Эстонской коммунистической батареи. Его наблюдательный пункт, располагавшийся на левом берегу Даугавы, в сентябре 1919 года попал под обстрел артиллерии противника. Командир приказал всем бывшим с ним бойцам отойти в укрытие, а сам продолжал корректировать огонь батареи. Осколок вражеского снаряда оборвал жизнь Вольдемара Прэя.

Почти каждый день над нашими позициями появлялись вражеские аэропланы. Как правило, их было шесть. Навстречу им поднимался только один красноезвездный истребитель, ветеран первой мировой войны, построенный во Франции. Его взлетная полоса, спрятанная в тени высоких сосен, находилась километрах в двух слева от города. Каждый раз, когда вражеские аэропланы черными точками появлялись на горизонте, из соснового бора на берегу реки сначала доносился тревожный рокот мотора, а через мгновение в воздух над лесом взмывал наш истребитель.словно ястреб, он набрасывался на аэропланы противника и всегда выходил победителем в воздушных боях. Мы гордились своим истребителем и старались помогать ему, стреляя из винтовок и пулеметов по самолетам врага.

*

Ранним утром в самом начале октября, когда на дворе было темно, все проснулись от внезапно раздавшихся громоподобных раскатов. Казалось, в плацдарм за рекой сразу ударили все молнии мира. Их беспрерывные вспышки то и дело разрывали темноту.

Собранные в течение предыдущих недель превосходящие силы противника приступили к осуществлению своих планов. Белополяки рассчитывали сломить сопротивление удерживавших плацдарм эстонских коммунистических полков, разгромить их, форсировать реку и с ходу ворваться в Даугавпилс. Кроме силь-

ной артиллерии, действия врага поддерживались бронепоездами, танками и бронемашинами.

Пользуясь заранее уточненными данными, все подтянутые к Даугавпилсу красные батареи открыли огонь по позициям врага. Грохот от этого стал еще сильнее. Защитники плацдарма — бойцы Таллинского, Вильяндиского и Тартуского коммунистических полков, — поддерживали сообщение с городом по железнодорожному и понтонному мостам. Кроме того, на всем протяжении плацдарма у берега на воде покачивались лодки.

Благодаря значительному перевесу сил, при поддержке танков и артиллерии белополякам удалось внезапным броском прорвать фронт наших войск на плацдарме, овладеть обоими мостами и частью сил ворваться в город.

Находившийся в резерве 5-й Выруский полк тотчас же ринулся в контратаку и отбросил ворвавшихся в город легионеров обратно за реку. Все последующие попытки солдат панской Польши перейти мосты мужественно отбивались бойцами Вырусского полка. Но и Вырусскому полку не удалось перебраться на тот берег, чтобы помочь сражавшимся на плацдарме полкам, которые, потеряв сообщение с городом, оказались в очень трудном положении. Отрезав красные полки друг от друга, противник старался непрерывными атаками уничтожить их, но бойцы-эстонцы держались мужественно. Они неоднократно пытались стогнать врагов, чтобы освободить путь к мостам, но сделать это не удавалось, так как противник имел слишком крупный перевес сил и постоянно получал подкрепления. Красные стрелки стойко держались на своих позициях, пока основная часть бойцов, выходя из окружения, не переправилась на лодках на наш берег Даугавы.

Эти жестокие бои нанесли полкам тяжелые потери. Но им все же удалось сохранить подавляющую часть своего личного состава, не растерять свою боевую силу. Это стало возможным благодаря массовому героизму, необычайной храбрости и твердости духа личного состава полков.

Всеобщим любимцем стал пулеметчик Таллинского полка, который с высоты на левом берегу Даугавы огнем своего пулемета до тех пор сдерживал легионеров, пока все его товарищи на лодках и просто вплавь не переправились за реку. Выпустив по врагу последнюю пулю, он схватил замок своего пулемета и бросил его в реку, затем прыгнул в воду сам и поплыл.

В это время на высоте, откуда только что стрелял красный пулеметчик, появились легионеры и, заметив плывущего, открыли огонь по герою. От панских пуль вокруг кипела вода, но он все плыл, приближаясь к правому берегу, откуда, укрывшись в густом кустарнике, вели огонь по врагу его товарищи. Выйдя из воды, пулеметчик поднялся на крутой берег и, обернувшись к легионерам, погрозил им кулаком. Польские пули поднимали вокруг песок, но в него не попадали. Спокойным

шагом он дошел до растущего на берегу реки кустарника, где его радостно встретили боевые товарищи. К сожалению мне не удалось узнать фамилию этого бесстрашного бойца.

Но наряду с массовым героизмом имели место и отдельные случаи малодушия. Когда пули легионеров стали долетать до нашей батареи, я случайно заметил бегущего бойца. Он падал, вставал и снова бежал, стараясь как можно быстрее преодолеть располагавшееся за позицией батареи картофельное поле и добраться до леса. Я поднял бинокль и, приглядевшись, узнал в бегущем телефониста батареи Яана Саарепера. Недалеко от меня находился конный разведчик Амбус.

— Разведчик Амбус! Немедленно догнать этого дезертира! — приказал я.

— Есть догнать дезертира! — ответил Амбус, прищпоривая коня, и быстро догнал бежавшего. Тот повалился на спину и судорожно воздел руки вверх. Саарепера впереди, Амбус за ним — так они вернулись на позицию батареи. Когда стих грохот боя, бойцы устроили суд над Саарепера. Виновный стоял, боясь поднять глаза на окруживших его батарейцев.

— Телефонист Саарепера, расскажи своим товарищам, почему ты бросил их и убежал? — спросил я.

— Я... я... — заикался Саарепера. — Я и сам не знаю. Мне вдруг стало страшно. Мне показалось, что все жужжащие вокруг пули охотятся за мной, и я побежал в лес. Больше я никак не могу объяснить.

— Ты побежал, чтобы спасти свою жизнь?

— Да, — тихо ответил Саарепера.

— Телефонист Саарепера, неужели твоя жизнь дороже, чем жизнь всех бойцов батареи, которых ты бросил? Ведь ты добровольно пришел к нам, чтобы бороться за лучшую жизнь на земле! Ответь перед всей батареей — что ты намерен делать дальше?

Саарепера с трудом подыскивал слова.

— Я очень виноват. Я клянусь перед всей батареей, что в будущем никогда больше не дам страху одолеть себя! Клянусь, что бы ни случилось, никогда не оставлять своих товарищей! И если сегодня вы меня простите, я в бою искуплю свою вину!

Бойцы батареи единодушно решили:

«Принимая во внимание молодость телефониста Саарепера, а также то, что он в полной мере осознал тяжесть содеянного, не выносить ему на этот раз смертного приговора. Бойцы батареи осуждают его поступок и объявляют красноармейцу Саарепера общественное порицание».

Несмотря на отчаянные попытки панских легионеров, Даугавпилс взять им не удалось. Они смогли лишь захватить плацдарм на левом берегу, после чего положение снова стабилизировалось.

ОРЕЛ И КУРСК

«Все на борьбу с Деникиным!». Освобождение Орла. Новый противник. Бои за Курск. Конец «армии покорителей Москвы».

Через пару дней эстонские коммунистические части были отведены в резерв. Они расположились по деревням в окрестностях Даугавпилса. А после короткого отдыха мы опять собрались в дорогу. Погрузка в эшелоны происходила одновременно на двух соседних станциях. На отправку каждого полка отводился точно час времени. Так, примерно с получасовым интервалом, эшелон за эшелон, эстонские коммунистические части отправились через Режицу, Витебск, Смоленск, Брянск к югу.

Именно с юга на этот раз надвигалась большая опасность: войска белогвардейского генерала Деникина вплотную подошли к Орлу, тем самым угрожая Туле и Москве. Это был один из тяжелейших для Советской республики моментов в период гражданской войны и интервенции. Необходимо было, не теряя времени, нанести сокрушительный удар по Деникину. В. И. Ленин выдвинул лозунг: «Все на борьбу с Деникиным!»

Революция сосредоточивала здесь свои ударные силы. Туда же направлялись и эшелоны с эстонскими коммунистическими полками. Несмотря на царившую тогда на транспорте разруху, эшелоны продвигались быстро.

После Брянска движение эшелонов заметно замедлилось. От раненых красноармейцев со встречных поездов мы узнали о взятии Деникиным Орла. Входящие в состав так называемого «добровольческого корпуса» дивизии, носившие имена белогвардейских генералов Корнилова, Дроздова, Маркова, и состоявшие в значительной мере из офицеров, ворвались в Орел 13 октября.

Поговаривали об обещании капиталистов дать миллион рублей золотом тому белогвардейскому полку, который первым войдет в Москву. Мысль об обещанном миллионе заставляла алчных белых офицеров все чаще обращать свой взор в сторону столицы, которая казалась им уже такой близкой и вполне досягаемой...

На станции Хотынец, в полусотне километров от Орла, батарея выгрузилась из поезда. Нас направили в деревню Моченое, в которой насчитывалось около 300 дворов. В каждом доме бойцов принимали радушно, предлагали покушать, расспрашивали о положении на фронте.

Через пару дней мне на глаза попался мчавшийся вдоль цепи пехотинцев всадник, который разбрасывал листовки. Бойцы, хватая их на лету, быстро просматривали, поднимали высоко над головой и кричали «ура!»

Скоро радостным возбуждением был охвачен весь Тартуский полк.

В листовках сообщалось, что конница Буденного в ожесточенных боях разгромила объединенные кавалерийские корпуса белых генералов Мамонтова и Шкуро и 22 октября освободила Воронеж. Врагу был нанесен еще один мощный удар.

В результате дрогнул весь деникинский фронт. Началось стремительное наступление Красной Армии. Войска Деникина отчаянно пытались остановить его, но им удалось удержаться только на некоторых позициях, да и то на один-два дня. Фронт отодвигался все южнее, все дальше от сердца революции — Москвы.

Чем глубже красноармейские части проникали на оккупированную белыми территорию, тем радушнее встречало их население, порядком натерпевшееся от белогвардейских банд. Деникинцы перед уходом различными клеветническими бреднями запугивали деревенских жителей. Они распространяли слухи, что с севера идут людоеды-«истомцы» (эстонцы), которые сразу же сожрут всех живых от пяти до шестидесяти лет.

За «истомцами» следуют латыши, потом китайцы, а за ними самое страшное — коммуна.

Но и эти выдумки не помогали. Черные дела белогвардейцев показали крестьянам, что в мире нет ничего более ужасного, чем террор белых палачей. Массовые пытки и убийства, которыми занимались карательные отряды, лучше, чем рассказы о «людоедах», агитировали и убеждали людей. Кровавые расправы учили трудовое крестьянство видеть действительное различие между белыми и красными. Население всячески помогало нам. Когда лошади надрывались, таща орудия по размытым дорогам, всегда находились готовые помочь крестьянские руки. К нам то и дело обращались с просьбой взять добровольцами те, кто не хотел оставаться в стороне от окончательного разгрома деникинских войск.

Казалось, все было в порядке. Красная Армия продолжала наносить сокрушительные удары по белогвардейщине. Но вскоре объявился новый враг, более сильный и безжалостный. И достаточно мощного оружия для борьбы с ним у нас в то время не было. Этим новым врагом стала тифозная вошь. Брюшной и сыпной тиф начал, как траву, косить бойцов.

В один прекрасный день Юхан Петерсон, который как конный вестовой всегда находился при командире, сказал мне каким-то неестественным голосом:

— Товарищ командир! Не скачите так быстро! Не то моя

голова расколется от этой тряски в седле. Я не поспеваю за вами!

— Что это с тобой? — спросил я.

— Голова страшно болит и перед глазами все кружится, — вздохнул Петерсон. — Я больше не могу держаться в седле. Чувствую, как меня покидают силы.

Я потрогал лоб вестового. Он был горячий как огонь. Следовало быстро отправить заболевшего в лазарет.

Юхан Петерсон стал в нашей батарее первой жертвой тифа. Из лазарета он уже не вернулся. Скоро за ним последовало еще несколько бойцов. На смену умершим приходили новые добровольцы, поток которых увеличивался.

Разгром войск Деникина продолжался. Части Красной Армии продвигались все дальше на юг, к берегам Черного моря.

*

17 ноября фронт подошел к Курску. Тартуский полк занял позиции на холмах справа от железной дороги Орел—Курск, примерно в восьми километрах к северу от города.

В тот период я исполнял обязанности начальника артиллерии второй бригады. С командиром полка Августом Лиллакасом мы направились на рекогносцировку. Нас сопровождали командиры рот и батарей вместе с конными разведчиками.

— Полк начинает наступление на Курск ровно в 14.00, — сказал Лиллакас. — Сигналом для всех будет первый выстрел батареи. Твои орудия успеют к тому времени выйти на позицию?

— По-видимому, нет, — ответил я. — Дорогу замело снегом. Батарея движется крайне медленно. Когда я отправлялся сюда, они были еще в десяти километрах. В лучшем случае батарея прибудет к трем часам.

Лиллакас покачал головой.

— Жаль! Придется отложить начало наступления...

Изучение местности имело для нас большое значение. Из Курска выходили две железнодорожные линии — вправо на Льгов и влево — на станцию Касторная. И на той, и на другой линии могли неожиданно появиться вражеские бронепоезда. Если учесть, что во время стремительного наступления части нашей дивизии могут на какое-то расстояние оторваться от своих соседей, то любая такая неожиданность могла иметь для нас самые тяжелые последствия. Поэтому железнодорожные линии следовало держать под особым наблюдением, чтобы иметь возможность вовремя отразить атаку противника с флангов.

Когда мы с вершины холма осматривали поле предстоявшего боя, белогвардейцы находились внизу на равнине и сверху были видны как на ладони. Словно понимая, что находятся здесь ненадолго, белогвардейцы даже не окопались.

— Видишь, Август, как белогвардейцы прыгают с ноги на ногу, будто упражняются в беге на месте.

— А что им еще остается делать, как не тренироваться в беге, — ответил Лиллакас.

Около четырех часов подошла батарея. Она сразу заняла заранее подготовленную позицию.

Стрелки Тартуского полка, готовые к атаке, ждали сигнала.

Вскоре раздался первый орудийный выстрел, возвестивший о начале наступления.

Быстрым шагом цепь красных стрелков спустилась с холмов и приближалась к позиции белогвардейцев. Усилила темп стрельбы наша батарея. Она била шрапнелью. Все больше и больше деникинцев оставалось лежать на снегу.

С громким «ура!» красные стрелки ринулись в решающую атаку. С начала боя прошло всего несколько минут, а белогвардейцы уже побежали, оставляя свои позиции.

До города оставалось еще километров пять. Быстро наступали сумерки. Входить в город в темноте было опасно. На незнакомых улицах можно нарваться на неприятельские засады. И хотя конные разведчики, побывав на окраине города, не встретили там белогвардейцев, мы все-таки приняли решение войти в город утром. 18 ноября 1919 года, когда еще полностью не рассвело, мы двинулись вперед. Не встретив на своем пути неприятеля, с первыми лучами солнца бойцы Тартуского полка вошли в город.

Выяснилось, что напуганный наступлением частей Красной Армии противник ночью оставил Курск, отказавшись от попыток удержать город в своих руках.

Курск несколько месяцев находился в тисках белого террора, и теперь трудящиеся города тепло встречали бойцов Красной Армии, принесших свободу. Люди не сразу поверили, что прошли времена издевательств, тюрем и камер пыток. Ощупывая своими руками красноармейцев, трудовой народ хотел убедиться, что в город, действительно, пришли солдаты революции.

Вскоре вслед за нами в город походным маршем вошли колонны коммунистических полков Эстонской дивизии и другие части Красной Армии.

*

Прошло несколько дней. Утром мы выехали из деревни, где останавливались на очередную ночевку. Проехав чуть больше двух километров, мы натолкнулись на небольшую группу из тринадцати солдат. Свои винтовки они небрежно несли на плече. Подъехав поближе, я заметил у них погоны. По диагонали они были наполовину черные, наполовину красные. Такие погоны в белогвардейской армии носили солдаты Корниловской дивизии.

— Из какой части? — спросил я солдат.

— Из 3-го Корниловского пехотного полка, — ответил один из них.

— И кого вы здесь ищете? Или заблудились?

— Мы ищем того, кто возьмет нас в плен, — опять ответил тот же голос.

— Вот оно что, — произнес я безразличным тоном. — Тогда идите по этой дороге до следующей деревни. Найдите там штаб 3-го Эстонского коммунистического полка, может быть вам удастся сдаться в плен ему. Но только поторопитесь: штаб скоро уходит оттуда.

— А вы не могли бы взять нас в плен? — спросил кто-то из корниловцев.

— У нас нет времени возиться с вами.

Пробил час, когда недавно рвавшаяся на север деникинская «армия покорителей Москвы» стала разваливаться. Красная Армия наносила все новые и новые удары по белогвардейским частям, откатывающимся на юг. Деникинцы сопротивлялись, старались изменить положение в свою пользу, спасти то, что еще можно спасти.

Но скорость движения и ударная мощь Красной Армии неуклонно росли.

5

ПОД ПЕРЕКОПОМ

*Новый приказ. На фронт! Сыпной тиф. Тарелка компота. Про-
щаясь с госпиталем. Снова в дивизионе.*

В первых числах декабря, когда фронт подошел к Белгороду, я получил приказ явиться в штаб артиллерии Эстонской дивизии. Вскоре я предстал перед широкоплечим человеком, на голову выше меня ростом. Улыбаясь, на меня смотрел сверху вниз начальник артиллерии дивизии Генрих Тедер, в прошлом артиллерист царской армии, прошедший в Красной Армии путь от командира Эстонской коммунистической батареи до начальника артиллерии дивизии. Успешное продвижение по службе объяснялось исключительно его личными качествами. Выходец из рабочей семьи в поселке Козе, Генрих Тедер был неутомимым человеком. Он всегда появлялся на опасных участках фронта, искал и всякий раз находил выход из самых сложных ситуаций. После освобождения Орла его назначили начальником артиллерийских войск всего Орловского района. Железнодорожный мост через Оку южнее города разрушили белые. Красные бронепоезда не могли попасть за реку. А потребность в них там была большая, так как нашим войскам приходилось иметь дело с бронепоездами

белых. И Тедер нашел выход. Найденный на южном берегу реки товарный вагон при его непосредственном участии переоборудовали. Сделали двойные стены, промежуток между ними заполнили песком. Переднюю стенку вагона убрали, установили там орудие и «броневагон» был готов. Одновременно привели в порядок один из покалеченных паровозов и «бронепоезд», выпуская клубы пара, двинулся навстречу белым. Перед ним по шпалам шел рослый начальник артиллерии дивизии Генрих Тедер. Его лицо каждый раз освещалось улыбкой, когда самодельный «бронепоезд» производил очередной выстрел.

Тедер, когда я явился к нему, сказал мне:

— Сейчас же поезжай на станцию Скуратово. Там находится запасная батарея 13-й армии. Примешь командование еще одной батареей и дивизионом, а потом доставишь их как можно скорее в дивизию.

Меня совершенно не радовала мысль о том, что придется на какое-то время покинуть свою бригаду, и я поинтересовался, нельзя ли послать за дивизионом кого-нибудь другого.

— Нет, об этом не может быть и речи! — ответил начальник. — Именно ты должен ехать как будущий командир этого дивизиона. Это приказ! Чем раньше отсюда выедешь, тем быстрее вернешься. Счастливого пути!

Делать нечего. Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Семь работников штаба дивизиона покинули дивизию и скоро находились далеко от линии фронта. Наступившая тишина казалась нам, фронтовикам, неестественной.

Когда мы прибыли к месту дислокации запасной батареи 13-й армии, выяснилось, что никакая укомплектованной батареи и никакого командного состава дивизиона нет и в помине. Их еще нужно создавать. Пришлось взяться за дело. Скоро у нас появились люди, орудия, стрелковое вооружение и аммуниция. На доставку лошадей потребовалось больше времени.

В феврале 1920 года на одной из маленьких станций между Тулой и Орлом мы смогли, в конце концов, погрузить в эшелон батарею и людей. После долгого ожидания подошел паровоз и покати нас на юг, туда, где продолжались бои по разгрому остатков деникинских банд.

Но едва мы проехали километров десять, как эшелон остановился посреди леса.

— Иди узнай, в чем там дело! — сказал я начальнику разведки Артуру Крикку.

Через несколько минут он вернулся вместе с машинистом.

— Дрова сырые, товарищ командир, — объяснил машинист, вытирая рукавом куртки пот с закопченного лица. — Никак не поднять давление до нормы. А мы с помощником целые сутки ни крошки хлеба во рту не держали...

Я тут же приказал начхозу выдать машинисту и его помощнику по буханке хлеба, по банке консервов и килограмму сахара. Я

попросил машиниста все-таки попробовать поднять давление и двигаться на юг.

Через некоторое время наш эшелон тронулся и добрался до Орла.

*

От Орла до Курска наш эшелон шел несколько дней. В пути возросло количество больных тифом. Заболел и начальник разведки дивизиона Артур Крикк, а вслед за ним и я. В Александровске (ныне Запорожье) меня сняли с поезда и поместили в госпиталь. Эшелон двинулся дальше на юг...

Я лежал в бывшей классной комнате Александровской женской гимназии, в которой стояло двадцать кроватей. Моя койка была третьей от стены. Справа от меня лежал пожилой человек, которого принесли сюда тоже со станции, с прибывшего из Москвы поезда. Несколько раз в день его посещали товарищи, спрашивались о здоровье, долго сидели у его кровати.

Через несколько дней моего соседа навестили две девушки. Они долго беседовали, а потом одна из них спросила:

— Иван Иванович, а может быть вы хотите компота? Мы сварим и принесем вам?

Но он ответил что-то нечленораздельное.

У меня же, когда я услышал этот вопрос девушек, все мысли мигом смешались.

Компот последний раз я ел несколько лет назад дома у мамы. Разве можно забыть такое приятное событие?!

Может быть попросить девушек, чтобы они принесли и мне тарелку компота? Но тут меня одолело сомнение: а если они откажут?

И во мне проснулась глупая вражда к больному, лежавшему на койке у стены. Я всей душой стал ненавидеть старика. А причиной этой бессмысленной ненависти стала тарелка компота...

Между тем, состояние соседа у стены все ухудшалось. За тифом, от которого он уже почти вылез, последовал паратиф. Человек таял на глазах.

Однажды утром мне показалось, что одеяло, которым он накрыт, больше не поднимается и не опускается. Дотронувшись до локтя кавалериста, лежавшего на соседней койке, я указал на кровать у стены:

— Слушай, он дышит или нет?

Кавалерист повернулся к соседу у стены, долго смотрел на него и затем сказал:

— Не дышит!

Позвали сестру. Пришел врач. Умершего вынесли из палаты. На его место поместили нового больного.

Прошло еще несколько дней. Однажды, проснувшись утром, я почувствовал, что голова у меня совершенно ясная. Я сел на

кровати, сунул ноги в туфли и встал. Затем сделал первый шаг, второй, третий...

Уже несколько дней в госпитале ходили слухи, будто банды Махно перерезали железнодорожную линию, ведущую на фронт. А до фронта примерно полторы сотни километров. «Если железная дорога перерезана, — думал я про себя, — придется идти пешком», и я начал тренироваться. В течение двух часов я шагал из конца в конец по длинному коридору госпиталя. За несколько дней хотел вернуть своим ногам прежнюю силу. Но не прошло и получаса после второй тренировки, как в висках бешено застучало, голова закружилась, стало исчезать сознание. «Это наверное паратиф,» — подумал я.

Я видел тех, кто после тифа вновь заболел возвратным тифом. Они были худые, как скелеты, и едва двигались, да и то только при помощи посторонних. Многие из них умирали от сердечной недостаточности.

«Лучше уж сразу смерть, чем мучиться в паратифе, — мелькнула мысль. — Пулю в висок и — конец. От смерти так и так не уйти».

И я полез под подушку за браунингом. Но его там не оказалось. Встав, я продолжал поиски, перевернул всю постель, но пистолет так и не нашелся.

Обратился к соседям по палате:

— Может быть кто-нибудь из вас взял пистолет из-под подушки?

— Нет, мы его не видели, — ответили больные.

На шум появилась сестра. Я набросился на нее:

— Сестра, где мой пистолет? Кто его взял?

— Его взяла с собой товарищи, которые принесли вас сюда, — спокойно ответила сестра и, в свою очередь, спросила: — А зачем вам пистолет? Вы же в госпитале, и белогвардейцев здесь нет.

— Чтобы положить конец своим мучениям! — тихо проговорил я.

— Ах, только для этого! — улыбнулась сестра. — Обойдемся и без пистолета. Ложитесь в кровать, а я пойду принесу яд. С ним еще проще. Выпьете и все.

Она поправила постель, уложила меня и ушла.

Когда проснулся, было уже далеко за полночь. Я спал больше десяти часов. Подушка, простыни и нательное белье были влажными, а голова опять ясной. Все больные спали на своих местах, как будто ничего не случилось. С улыбкой я вспоминал, какой «цирк» устроил днем. Усиленно тренируясь, я явно переусердствовал, но в постели усталость прошла, и теперь я чувствовал себя отдохнувшим, здоровым.

На следующий день я продолжал тренировки. Утром в палату вошел начхоз нашего дивизиона. Он привез привет от товарищей, находившихся под Перекопом. Я вновь почувствовал бодрящую атмосферу фронтовой жизни, меня охватило неотступ-

ное желание немедленно ехать к ним. Главврач сначала противился, но потом все-таки дал разрешение на выписку.

В тот день из госпиталя выписалось много бойцов. Все мы собрались вокруг главного врача и поблагодарили весь персонал госпиталя за отеческую заботу о нас.

*

Через несколько дней я добрался до дивизиона. В его состав входили 2-я и 4-я эстонские коммунистические батареи. Многих бойцов еще не было в строю: они лежали в лазаретах и госпиталях, больные тифом. Но многие уже вернулись в строй и теперь восстанавливали силы.

Дивизион стоял в резерве, в нескольких десятках километров от Перекопского перешейка. За время моего отсутствия части Эстонской коммунистической дивизии продвинулись на юг через Белгород—Изюм—Юзовку—Волноваху и в начале января 1920 года у Мариуполя вышли на берег Азовского моря. Под ударами Красной Армии денкинская армия была частично разгромлена. Ее остатки бежали на Северный Кавказ и в Крым.

Частям Красной Армии не удалось с ходу, на плечах отступавших денкинских войск войти на полуостров. Прибывшей сюда в конце февраля Эстонской дивизии красных стрелков поставили задачу ворваться в Крым через Перекопский перешеек. Части дивизии разгромили оборонительные рубежи врага и захватили Юшунь, открыв тем самым путь на просторы Крымского полуострова, но, пользуясь большим перевесом сил, белые предприняли контрнаступление. Неся большие потери, Эстонская дивизия была вынуждена отойти. Недобитым остаткам денкинской армии удалось закрепиться в Крыму.

В тот момент, когда я вернулся из госпиталя, происходило новое сосредоточение красноармейских частей на подступах к Крыму. В то же время заканчивалось расформирование, согласно условиям Тартуского мирного договора, эстонских национальных частей Красной Армии.

Вскоре в дивизион прибыли два контролера из штаба артиллерии Юго-Западного фронта. В прошлом оба были полковниками царской армии. Особенно высокомерно вел себя один из них — Донович. Везде и во всем он видел только плохое, стараясь любыми путями унижить красных командиров, хотя те с успехом били белогвардейские войска и их офицеров, чем наглядно показали свои боевые качества.

Я отметил, что в боях под Орлом артиллерия использовалась неправильно. По приказу начальника артиллерии армии батареи воевали только днем, а на ночь уходили с позиций и располагались по деревням. На позиции они возвращались утром, словно рабочие на смену.

Донович защищал такую тактику и, как выяснилось позже, именно он был ее автором.

— Это делалось для того, чтобы ночью противник не мог захватить нашу артиллерию, — сказал Донович.

— А кто по-вашему должен был бороться с бронепоездами? — спросил я. — Ведь они каждый день на рассвете стреляли по нашим войскам в то время, как красные батареи находились еще в тылу. Не думаете ли вы, что винтовок и штыков пехоты достаточно для борьбы с бронепоездами?

На это он не ответил и смерил меня весьма недружесلوبным взглядом.

После этого мои отношения с начальством стали натянутыми. На третий день после отъезда Доновича я получил приказ передать командование дивизионом бывшему царскому офицеру и немедленно прибыть в распоряжение начальника артиллерии 13-й армии.

Расставаться с боевыми товарищами было так же тяжело, как с родным домом...

*

В Александровске я шел со станции в город, когда неожиданно увидел своего старого знакомого Николая Теофиловича Крупского, петроградца, члена партии большевиков с 1912 года. Николай тоже заметил меня. Мы бросились навстречу друг другу.

— Какими судьбами ты здесь? — спросил Крупский.

Я рассказал товарищу о своих неприятностях, откровенно выложив все, что накопилось на душе.

— Вот оно что! — сказал Николай, выслушав меня. — Очень хорошо, что мы встретились. Третий день я являюсь комиссаром артиллерии 13-й армии, а Донович — начальник артиллерии армии. Сегодня же я подниму вопрос об этом на Военном совете армии.

Я не мог скрыть своего удивления.

На Военном совете Донович сказал:

— Эту перестановку я произвел в интересах дела, так как, находясь на месте, нашел более подготовленного профессионально командира.

Я ответил, что мои знания никто не проверял, и поэтому такое объяснение Доновича только плод его фантазии.

По заданию Военного совета специальная комиссия проверила мои знания. На все вопросы я отвечал быстро и точно. Наконец, Донович подошел ко мне, пожал руку и сказал перед всей комиссией:

— Спасибо, товарищ! Зайдите ко мне в штаб, там поговорим!

В штабе Донович сказал:

— Напрасно вы на меня жаловались. Я хочу назначить вас

командиром батареи в 46-ю стрелковую дивизию. Это самая партизанская батарея 13-й армии, и ваша задача — превратить ее в батарею регулярной армии.

46-я стрелковая дивизия, куда меня посылали, состояла из полков и батарей, созданных еще в 1918 году, когда украинские красные партизаны боролись против германских оккупантов и их приспешника — гетмана Скоропадского. В большинстве своем части дивизии состояли из украинских добровольцев. Дивизия уже имела достаточный боевой опыт и славу. В ее состав теперь включили большую часть бойцов расформированной Эстонской коммунистической дивизии. Вместе со своими товарищами-украинцами сыны эстонского народа продолжили вооруженную борьбу с врагами революции.

Через пару месяцев Доновича разоблачили как белогвардейского шпиона, и его судьбу решил революционный военный трибунал.

6

ЧЕРНЫЙ БАРОН НАСТУПАЕТ

Снова на фронт. Я держу экзамен. Белые переходят в наступление. Мы отступаем. «Ты коммунист?» Горячая любовь трудящихся.

Штаб артиллерии 46-й стрелковой дивизии находился в двенадцати километрах от железнодорожной станции. Я отправился туда с четырьмя бойцами из моей прежней батареи. Все сильнее припекало весеннее солнце. Не успевшие еще окончательно поправиться от перенесенного тифа, бойцы двигались все медленнее и отдыхали все чаще.

— Смотри, командир, перед нами город! — вдруг закричал разведчик Парун, вытянув руку вперед.

Все посмотрели туда, куда он указывал, и увидели в нескольких километрах от нас город с высокими домами. А со всех сторон город, казалось, окружало бескрайнее синее море.

Я сказал бойцам, что перед нами не должно быть никакого города, что ближайший к нам город на берегу Азовского моря — Геническ, но он, по крайней мере, километров 25 южнее.

«А не сбились ли мы с пути?» — подумал я про себя. Карты местности у меня с собой не было и ни одной живой души вокруг тоже не видно. В необъятной степи были слышны только стрекот кузнечиков да песни повисших в небе жаворонков. Мы продолжали неторопливо подходить к городу. Но удивление наше росло с каждым шагом, так как чем ближе мы подходили, тем ниже становились дома, тем дальше отодвигалось море. Большой город, который мы видели издалека, оказался хутором, состояв-

шим из трех ничем не примечательных крестьянских домиков. А высокие деревья превратились в самые обычные яблони. Море совсем исчезло. Город, виденный нами, оказался просто миражем.

Через пару часов я стоял перед командиром артиллерийского дивизиона, бывшим подполковником царской армии. Принял он меня любезно, угостил чаем и говорил обо всем, кроме служебных дел и положения на участке фронта. Пока мы пили чай, из батареи, которой мне предстояло командовать, вызвали тачанку.

По прибытии в батарею я узнал, что под давлением превосходящих сил белых части дивизии два дня назад оставили Чонгарский полуостров. Батареи находились перед деревней Ново-Димитриевка. Стволы ее орудий были направлены на железнодорожную станцию Салково.

Батарея почти полностью состояла из добровольцев Приднепровья, ведущих свой род от знаменитых запорожских казаков.

Батарея родилась в 1918 году в армии украинских партизан. Сначала она наносила удары по германским оккупантам и бандам их подручных — гетмана Скоропадского и атамана Петлюры. Многие бойцы батареи прошли школу боев во время первой мировой войны. Заменить их командира Алексеева и прислал меня Донович.

Тем временем произошли новые события. Войска польских панов в апреле начали поход против Страны Советов. Значительную часть сконцентрированных для освобождения Крыма сил пришлось в срочном порядке перебросить на борьбу с белополяками. Оставлен был только минимум сил, необходимый для обороны.

Почти одновременно запертые в Крыму белогвардейские части предприняли первую попытку вырваться оттуда. Но из выброшенного на берег Азовского моря десанта живыми в Крым вернулись немногие.

На нашем участке фронта только ночью действовали разведывательные отряды и вели огонь батареи. Через несколько дней я получил приказ сменить своей батареей артиллеристов, находившихся в Геническе. Заняв позицию на городской площади, батарея навела стволы орудий на Арабатскую стрелку. С наблюдательного пункта на крыше паровой мельницы полуостров просматривался как на ладони. Днем ни одно движение там не оставалось незамеченным.

Нужно было определить важнейшие ориентиры и направления, откуда мог появиться неприятель, пронумеровать их и вычислить координаты. Этим я занимался весь первый день. На следующее утро я решил проверить правильность расчетов практической стрельбой.

На наблюдательный пункт поднялся старшина батареи коммунист Приходько. Ему было уже за сорок, служил еще в старой армии и имел большой боевой опыт. Я догадался, что Приходько

прислали бойцы батареи, чтобы посмотреть, насколько умело действует новый командир. Еще раз проверив точность математических расчетов, я дал команду открыть огонь. Старшина молчал и был серьезен. Но после того как, потратив лишь несколько снарядов, батарея поразила четыре цели, на лице Приходько засияла улыбка. Он завел со мной разговор, и я понял, что успешно выдержал экзамен по артиллерийской стрельбе.

Вскоре батарею посетил командир дивизиона:

— Товарищ командир батареи, постройте бойцов! Мне надо поговорить с ними, — сказал он мне.

Когда его распоряжение было выполнено, он встал перед строем, снял папаху и, стараясь смотреть в глаза бойцам, сказал:

— Товарищи батарейцы, друзья мои! Я попросил построить вас для того, чтобы сказать вам пару слов, — он молча сделал несколько шагов и продолжал: — Все вы хорошо знаете и понимаете, что самый дорогой человек на земле — это наша мать. Но нередко мы забываем эту немаловажную вещь. Часто многие из вас нецензурно ругаются и упоминают мать. Настойчиво прошу вас, следите, чтобы при ругани с вашего языка никогда не слетало это дорогое слово. Вот и все, что я хотел сказать вам. Можете быть свободны!

Никаких других указаний ни мне, ни батарее этот старший командир, бывший подполковник царской армии, не дал.

Через несколько дней батарея заняла новую позицию слева от железной дороги, между станциями Ново-Алексеевка и Салково. Нашей главной целью была станция Салково.

Ожесточенные сражения с войсками панской Польши не позволяли присылать на Крымский фронт ни новых частей, ни пополнения.

Из-за понесенных потерь в предыдущих боях и тифа бойцов в 46-й дивизии сильно поубавилось, 250—300 стрелков на весь пехотный полк было обычным явлением. Их поддерживали 30—35 пулеметов, установленных на тачанках, и отряд конных разведчиков из 50—100 всадников. С таким составом полк был мобилен, но не обладал большой ударной силой. Нормальным считалось, если на километр оборонительной линии приходилось 20—30 стрелков.

*

Летняя ночь. Темно и тихо. Кажется, что в степи нет ничего живого. Но часовые батареи сосредоточенно всматриваются в темноту. В любой момент войска барона Врангеля могут принять новую попытку вырваться из Крыма. Поэтому все должно быть готово к решительному отпору врага.

Ночь близилась к концу. Вот-вот должна забрезжить заря. И вдруг залпы орудий и грохот разрывающихся снарядов взорвали тишину, слились в один непрерывный громоподобный гул.

Я быстро вскочил на ноги. Через несколько мгновений все бойцы стояли по местам у своих орудий, готовые к бою. Вскочив на коня, я вслед за конными разведчиками помчался на наблюдательный пункт. Вспышки орудийных залпов освещали ночное небо, но что делалось на земле — ничего не было видно. Справа из-за железной дороги, где располагалась соседняя часть, слышалась ружейная стрельба и треск пулеметов. Видимо противник атаковал там позиции советских войск.

На мой наблюдательный пункт прибыл командир 410-го пехотного полка. Перед позициями полка пока было тихо, в то время как справа шум боя удалялся в глубину расположения наших войск. Над 410-м полком нависала опасность окружения, и полк получил приказ отступить. Вместе с пехотинцами начала отход и наша батарея.

При первых лучах восходящего солнца я заметил дым от паровоза вражеского бронепоезда. Ведя непрерывный огонь, он вклинился в расположение советских войск.

— Стой! Орудия к бою! — приказал я, собираясь неожиданно поразить бронепоезд, как только он появится из-за пригорка.

Орудия, готовые открыть огонь, стали ждать. Пехотинцы тем временем продолжали отход. Когда они проходили мимо батареи, бронепоезд все еще находился за пригорком. И тут произошло нечто, для меня совершенно неожиданное.

— Продать нас хочешь! Выдать белым! — закричали сразу несколько батарейцев.

Пришлось успокоить их и отказаться от намерения обстрелять бронепоезд.

На следующий день батарея все же вела огонь по бронепоездам белогвардейцев.

На третий день наша батарея походной колонной двигалась на новую позицию. Неожиданно открыла огонь вражеская батарея. Ее снаряды ложились то впереди, то сзади нашей колонны. Мы быстро развернули свои орудия и начали бить по белогвардейской батарее, видневшейся вдаль в степи. Первые же снаряды попали в цель и вражеские орудия замолчали. Артиллерийская дуэль закончилась полной и к тому же быстрой победой советских бойцов. Я похвалил батарейцев за меткую стрельбу.

* *
*

Развивая контрнаступление, наша 46-я дивизия попыталась вернуться на прежние позиции к Чонгарскому полуострову. Совместно с ней действовала 2-я кавалерийская дивизия, разгромившая конную калмыцкую дивизию белых. Среди пленных оказался и командир этой дивизии в чине генерала. Казалось, войска Врангеля будут отброшены обратно в Крым. Воодушевлен-

ные этой мыслью, самоотверженно сражались все бойцы, от командира дивизии до рядового.

Но вскоре выяснилось, что высадившиеся на берег Азовского моря войска белых захватили Мелитополь, а части, наступавшие с Перекопа, дошли до Каховки. В этой ситуации 46-я дивизия могла оказаться в «мешке».

Под покровом ночи по приказу командования дивизия начала отход в направлении деревни Нижние Серогозы. Незадолго до рассвета остановились, чтобы отдохнуть, а затем продолжить движение.

Я влез на высокий стог, сделал там небольшое углубление и стал в стереотрубу осматривать местность.

Около полудня со стороны Мелитополя в степи появились четыре всадника. Они двигались медленно, время от времени останавливаясь и оглядывая окрестности. По их поведению можно было сразу определить, что это — конные разведчики белых. Хорошо бы захватить их в плен, — мелькнула мысль. Ее я высказал командиру 409-го стрелкового полка. Он поддержал эту мысль и приказал это сделать конным разведчикам своего полка.

Вражеские разведчики подъехали к окраине деревни и тут из-за домов выскочила группа красных конников и устремилась к ним. Никто из белых не должен уйти! Эту задачу красным кавалеристам требовалось выполнить бесшумно, без единого выстрела.

Увидев приближающуюся опасность, белые развернули коней и во весь опор понеслись обратно. Но их быстро догнали. Трех пришлось уничтожить, а четвертого вместе с захваченными лошадьми доставили в штаб полка.

Белогвардеец оказался рослым и здоровенным детиной. Вначале на все вопросы отвечал нецензурной бранью. Но, в конце концов, от него удалось узнать, что разведку, в состав которой он входил, выслала приближавшаяся со стороны Мелитополя белогвардейская кавалерийская часть в тысячу сабель. Вместе с ней двигалась батарея из четырех полевых орудий. Они находятся в десяти—пятнадцати километрах отсюда.

Примерно через полчаса показались колонны белых. Начался бой. Наши бойцы открыли по врагу огонь из винтовок, пулеметов и орудий.

Но вскоре мы получили приказ командира дивизии — прекратить бой и отходить по дороге на Нижние Серогозы.

К вечеру добрались до деревни. Командир дивизии Саблин быстро собрал командиров бригад, полков и артиллерийских дивизионов на совещание, чтобы обсудить план дальнейших действий. Но не успели командиры собраться вокруг карты, как белогвардейцы открыли по деревне пулеметный огонь. Выходит, что белогвардейская конница все время шла по пятам дивизии.

Пришлось отходить дальше, чтобы не попасть в окружение.

Было уже за полночь. Нижние Серогозы остались далеко позади.

И тут вдруг впереди из темноты в небо взвилась ракета. У нас над головами во все стороны разлетелись яркие искры. Но ракета быстро погасла, и бойцов опять окружила крошечная темнота южной ночи. Какое-то мгновение царила полная тишина. Очевидно те, кто пустил ракету, сами испугались, неожиданно увидев на освещенном пространстве большую колонну людей.

Но тревога оказалась напрасной. Ракету пустили красноармейцы передового поста левого фланга 3-й стрелковой дивизии.

Вскоре наша 46-я дивизия вошла в деревню Большая Михайловка и соединилась с действующими севернее Мелитополя частями Красной Армии, тем самым был восстановлен общий фронт советских войск.

Только благодаря помощи империалистов и нападению на Страну Советов панской Польши врангелевцам удалось выйти с Крымского полуострова и продвинуться к северу. В течение нескольких дней дивизия вела в районе Большой Михайловки ожесточенные бои с силами белогвардейцев. Когда белые захватили поселок Большой Токмак, дивизия получила приказ оборонять этот участок фронта. Ночью мы переместились в новый район и заняли оборону на высотах между Большим Токмаком и Сладкой Балкой.

*

Орудия нашей батареи были наведены на белогвардейские укрепления перед Большим Токмаком. Рядом с моим наблюдательным пунктом стоял обыкновенный домишко украинского крестьянина. Пользуясь короткой передышкой в бою, я решил познакомиться с хозяином и его семьей. Вскоре завязалась беседа. Говорили мы, главным образом, о событиях международной жизни, о гражданской войне в нашей стране. Оказалось, что хозяин дома в русско-японскую войну тоже воевал на фронте солдатом. Я рассказал ему о великой цели, за которую сражается Красная Армия, о замыслах наших врагов, расспрашивал крестьянина, как идут дела в его хозяйстве. Он охотно отвечал. Наша беседа принимала все более дружеский характер, и вскоре с лица крестьянина исчезли последние следы недоверия к красному командиру. Потом хозяин подсел ко мне поближе, огляделся по сторонам, словно желая удостовериться, что нас никто не подслушивает, и почти шепотом сказал:

— Говорят, среди вас есть коммунисты, которые у самого сатаны находятся на службе. И еще я слышал, что они ужас как злые ко всем, кто не с ними. А на груди у них выжжено изображение рогатого, с копытами и хвостом. Будь добр, скажи откровенно, у тебя в батарее хоть один такой есть?

Хозяин ждал ответа. Я намеренно тянул, не спеша расстегивал пуговицы сначала на гимнастерке, потом на нижней рубашке. Не говоря ни слова, я стал разглядывать свою грудь. Мой собеседник тоже принялся с неменьшим вниманием смотреть на нее.

Крестьянин, наконец, не выдержал и спросил:

— Что ты ищешь там, командир?

— Я ищу у себя на груди изображение рогатого, о котором ты только что говорил, и что-то не нахожу.

Крестьянин сначала посмотрел мне в лицо, потом на грудь, и, наконец, спросил:

— Так ты что же, коммунист?!

— Да! — ответил я и добавил, что весь этот бред о выжженном рогатом ничто иное, как происки врагов трудового народа.

С этого дня у меня появился еще один верный друг.

Остальные батарейцы тоже нашли себе друзей среди местных крестьян. Благодаря им всегда можно было в случае необходимости решить вопрос о помощи продовольствием, фуражом и транспортом. Когда позволяла обстановка, бойцы батареи часто помогали крестьянам в их каждодневном труде. Поэтому крестьяне относились к бойцам с большим уважением и добротой.

Внимание трудового народа к бойцам своей армии было самой большой радостью для всех батарейцев.

7

С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ

Необычный приказ. Аэропланы. Догадливость бойцов. Храбрейший из храбрых. «Броневик».

Все лето 1920 года 46-я дивизия вела бои с Врангелем, главным образом, на участке между поселком Большой Токмак и деревнями Сладкая Балка и Нижние Куркулаки. Белогвардейцы прилагали много сил, чтобы прорваться в промышленные районы Донбасса. На нашем участке бои шли с переменным успехом. Некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Поэтому все деревни, овраги, высотки, дороги и рельеф окружающей местности батарейцы так хорошо изучили, как будто знали их еще с детства.

В один из летних дней вдали появилась большая колонна врангелевской кавалерии. Над ней колыхался разукрашенный пестрыми флажками лес пик. Колонна двигалась на нас. Я быстро определил координаты и командовал:

— Батарея! По вражеской коннице шрапнелью! Огонь!

Снаряды беспрерывно сыпались на головы врагов. Колонну разметало в разные стороны. Большинство повернуло обратно. Но немало осталось и лежать в степи.

Однако через некоторое время показались новые эскадроны вражеской кавалерии. Бешеным галопом они мчались в нашу сторону.

Им навстречу со свистом полетели выпущенные батареями снаряды. Наша пехота встретила белую конницу плотным ружейно-пулеметным огнем. Белогвардейцы, попавшие под сильный обстрел, заметались по степи и поскакали обратно.

*

С возвышенности южнее деревни Нижние Куркулаки вся окрестность видна как на ладони. Оттуда можно наблюдать за всем, что происходит в деревне, а также в поселке Большой Токмак. Поэтому обе воюющие стороны старались захватить эту высоту. На этот раз ее хозяевами были белогвардейцы. Красные же занимали Нижние Куркулаки и окружающие ее небольшие высоты.

Уже два или три раза стрелковые части 137-й бригады штурмовали высоту. Каждый раз им удавалось овладеть ее вершиной, и каждый раз они тут же оставляли ее, объясняя свой отход контратакой спрятанных за холмом танков. С наблюдательного пункта батареи не было видно, что делается за высотой, предполагаемые же танки не показывались.

Я уже успел забыть, когда в последний раз встречался с танками противника, и тем больше мне теперь хотелось испытать прочность их брони снарядами батареи.

Но как к ним подобраться? Как взглянуть на них? Я внимательно изучал вершину холма. Но ничто не говорило о том, что где-то там находятся танки.

Меня позвали к телефону.

— Товарищ командир батареи! С вами говорит заместитель начальника штаба бригады Римм. Командир бригады товарищ Павлов приказывает одно орудие вашей батареи послать вместе с пехотой на штурм высоты. Его задача — своим огнем уничтожить спрятанные за высотой танки противника. Об исполнении доложить!

На это я ответил, что, к сожалению, не смогу выполнить приказ, так как огнем винтовок и пулеметов противник уложит наших лошадей прежде, чем они втащат орудие на вершину. На руках же орудие в гору не вкатишь. Оно для этого слишком тяжелое, да и делать это пришлось бы под постоянным огнем противника. Прошу довести мое заявление до сведения командира бригады Павлова.

Прошло всего несколько минут и меня снова позвали к теле-

фону. На этот раз говорил сам начальник штаба бригады Эдуард Тейтер.

— Товарищ командир батареи! Я совстую вам, не рассуждая, выполнить приказ комбрига! Предупреждаю, что в противном случае за неисполнение приказа вы будете немедленно отданы под суд революционного военного трибунала!

— Хорошо, но для уверенности, что это, действительно, приказ самого командира бригады, прошу прислать мне письменное подтверждение с его личной подписью, — ответил я.

Не прошло и четверти часа, как на наблюдательный пункт батареи принесли письменное подтверждение приказа.

Я решил с орудием сам идти на штурм высоты.

Не успели мы тронуться в путь, как к нам подлетела тачанка командира бригады Павлова. Комбриг крикнул:

— Ко мне! Быстро!

Я подъехал к нему и отрапортовал.

— Скажите, вы действительно отказывались выполнить мой приказ? — спросил Павлов.

— Да, отказывался, товарищ комбриг. Я усомнился, от вас ли он исходит. Но получив письменный приказ, я, как видите, лично отправился его исполнять.

— Это хорошо, — произнес Павлов, улыбаясь, и добавил: — А знаете ли вы, что сказал командир дивизии, узнав о вашем отказе? Он сказал, что за одну только мысль об этом вас следует отдать под суд трибунала... Но я вас знаю и поэтому решил не спешить с выполнением приказа комдива. Ну, расскажите, как у вас тут сейчас обстоят дела.

Я изложил все, что знал об обстановке на нашем участке.

— Ну что ж, приступайте к выполнению своей боевой задачи. Желаю успеха! — сказал Павлов и его тачанка умчалась прочь.

Вскоре цепь пехотинцев и вместе с ней наше орудие начали взбираться вверх по склону холма. Вокруг все было тихо. Не слышно ни одного выстрела. Вся степь, разморенная горячими лучами полуденного солнца, казалась погруженной в дремоту. Молча, без малейшего шума, мы двигались вперед. Тихо было и у противника. Ничто не выдавало его близости, но наступавшие хорошо знали, что враг ждет удобного момента, чтобы обрушиться на нас свой огонь из всех видов оружия. До вершины холма оставалось уже немного. Последние усилия, и пехота вместе с орудием вот-вот доберется до нее. Все вокруг по-прежнему было тихо. Уже закрадывалась мысль, а не оставил ли противник высоту?

Но внезапно воздух разрезали очереди вражеских пулеметов и винтовочные залпы. Десятки, сотни пуль засвистели над нами. Лошади от неожиданности шарахнулись в сторону. Сначала мне показалось, что их поразили вражеские пули. Шедшая во весь рост пехота залегла. На склоне холма отличной мишенью остались стоять только орудие и запряженные восемь лошадей. Я

почувствовал, что вот сейчас, на моих глазах, прикончат лучших лошадей батареи.

— В атаку! Ура! — закричал я что было сил и пришпорил своего коня.

— Ура! — ответили бойцы.

При поддержке красных пулеметчиков цепь поднялась и устремилась к вершине. Орудие ни на метр не отставало от пехоты. В результате этого стремительного рывка белых в очередной раз сбросили с высоты. Вкатив наше орудие на вершину, мы послали вслед удиравшим белогвардейцам добрую порцию картечи. Но и на этот раз мне не удалось заметить танков противника.

Во время атаки ни батареи, ни лошади не понесли потерь.

* *
*

Ранним июньским утром степь еще была покрыта туманом. Позиция батареи находилась на линии обороны между Сладкой Балкой и Большим Токмаком. Вокруг стояла удивительная тишина. Ни белые, ни красные не подавали признаков жизни. Я не спал уже полчаса, как услышал приближающийся стук копыт. Прибыл посыльный с известием, что под покровом ночи белая конница прорвала справа от нас линию обороны наших войск и теперь рвется в тыл 46-й стрелковой дивизии, очевидно с намерением окружить ее.

Батарею предписывалось быстро и бесшумно сняться отсюда и незаметно для противника еще до окончательного рассвета занять позицию в районе деревни Верхние Куркулаки.

К восходу солнца из двух бригад 46-й дивизии здесь собралось шесть стрелковых полков и четыре батареи полевых орудий. Собранные в один кулак, они ждали появления белогвардейской кавалерии, готовые нанести ей мощный контрудар.

Я выбрал для батареи боевую позицию и направил стволы орудий в сторону Сладкой Балки. Все было готово к тому, чтобы встретить белую конницу или их бронемашинны уничтожающим огнем.

Закончив приготовления, я решил зайти в ближайший крестьянский дом. Но не успел переступить порог, как в воздухе послышался гул авиационных моторов и тут же последовали сильные взрывы бомб. Над деревней кружили шесть вражеских аэропланов и непрерывно сбрасывали бомбы, пытаясь вывести из строя расположенные на околицах батареи.

Небольшие бомбы, напоминавшие грушу, падали по три сразу и взрывались с оглушительным грохотом. Их многочисленные осколки разлетались с неприятным свистом.

Для борьбы с аэропланами дивизия не имела ни зенитных орудий, ни зенитных пулеметов. Бойцы пытались подбить бело-

гвардейских стервятников из винтовок и обычных пулеметов, но белых авиаторов это мало беспокоило. Они нагтели с каждым кругом. Снизу было хорошо видно, как пилоты в очках наблюдали за результатами своего бомбометания. Одна из лошадей батареи уже лежала с развороченным животом. Осколок бомбы попал и мне в правую руку. С еще большей яростью стреляли снизу винтовки и пулеметы, но несмотря на это аэропланы продолжали кружиться над нами и сбрасывать бомбы. Казалось, с земли враг вообще недосыгаем.

Но выход из положения все-таки нашли. Кто-то из бойцов предложил сделать из полевого орудия зенитное.

На просторах черноземной степи, где почти нет камня и леса, крестьяне огораживают свои огороды насыпью толщиной примерно в полметра и высотой в метр. Полевое орудие быстро подкатали к насыпи так, что ствол поднялся почти вертикально вверх. Чтобы во время стрельбы орудие не перевернулось, его держали со всех сторон крепкие руки батарейцев.

В тот момент, когда вражеские аэропланы делали очередной заход на бомбометание, рядом с ними разорвалась шрапнель. Это оказалось невероятный эффект. Самонадежные белые летчики моментально развернулись и скрылись за горизонтом, подгоняемые очередной порцией шрапнели.

Долго батарейцы ждали у самодельной «зенитки» вражеских аэропланов, но они больше не появились. Смекалка бойцов помогла и на этот раз.

*

Массовый героизм и самоотверженность рядовых бойцов и командиров Красной Армии обеспечили победу рабочих и крестьян в гражданской войне и при разгроме интервентов. Это немаловажное обстоятельство общеизвестно. Но среди множества отважных бойцов были все же самые отважные, чье бесстрашие не знало границ.

Одним из таких считался командир батальона Ельников. Бывший слесарь одного из уральских заводов, не имевший никакой военной специальности, дослужился до командира батальона исключительно благодаря своим личным качествам.

Много раз я поддерживал огнем своей батареи батальон Ельникова и неоднократно являлся свидетелем его подвигов. Ельникова можно было узнать издали по черной бурке. В своем казачьем наряде он быстро перелетал на коне под градом пуль с одного фланга батальона на другой. Он ободрял бойцов, показывал пример личного героизма. На его теле оставалось не так уж много мест, куда еще не попадали вражеские пули. Ранение на фронте он считал делом нормальным, даже неизбежным, от которого не уйти никому, кто непосредственно принимает участие в боях. Свою очередную рану Ельников предпочитал лечить

не покидая полка. И немного оправившись, он снова поспешил на боевом коне, всегда вовремя успевая туда, где был нужен в этот момент. Именно из-за полученных ран ему трудно было в пешем строю руководить боевыми действиями батальона.

Однажды со своего наблюдательного пункта я видел, как Ельников, пришпорив коня, ястребом ринулся на белогвардейского офицера, ехавшего верхом на лошади. Противник попытался спастись бегством, но расстояние между ними быстро уменьшалось. Блеснула вспышка выстрела, и белогвардеец свалился на землю. Однако в пылу погони комбат Ельников проскочил не только свою, но и белогвардейскую цепь. Заметив это, он как стрела помчался назад к своему батальону. Разъяренные белогвардейцы открыли бешенный огонь, но Ельников проскочил цепь белых и быстро приближался к своим. Но не доскакав всего несколько метров, конь и всадник вдруг рухнули на землю. Но прежде чем бойцы батальона подоспели на помощь. Ельников сам встал на ноги. А вот его конь уже больше не поднялся. Белогвардейская пуля прошила комбату бедро и все же Ельников снова скакал на новой лошади.

В тот же день командир полка получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь. Исполнять его обязанности командование поручило Ельникову.

С полученным из штаба дивизии боевым приказом он приехал на мой наблюдательный пункт, слез с коня, лег рядом на траву, положил перед собой приказ, карту и только тогда заговорил.

— Слушай, дорогой! Вот смотри сюда! — и он постучал пальцем по карте. — Скажи мне, где здесь юг, запад, север и восток. На карте я таких названий не вижу, а именно о них говорится в приказе. Посмотри и сам приказ. Он таким языком написан, что любого нормального человека запутает.

Очень быстро я убедился, что отважный комбат Ельников вообще не разбирался в карте местности.

Разложив ее на вершине кургана у наблюдательного пункта, откуда вся округа была видна как на ладони, я быстро сравнил нанесенные на карту высоты, деревни и дороги с видимыми внизу. Я до тех пор объяснял все Ельникову, пока он окончательно не усвоил содержание полученного из штаба дивизии приказа. Затем Ельников неожиданно спросил меня:

— А ты слышал, что белые нас опять взяли в кольцо? Наверно, придется здорово попотеть, пока мы из него вырвемся.

— Такого не слышал, — ответил я, потому что точно знал расположение красных и белых частей в данный момент. Называя деревню за деревней и одновременно обводя ее карандашом на карте, я спрашивал Ельникова:

— В чьих руках сейчас эта деревня?

— В наших, — твердо отвечал Ельников.

— А эта? А эта? — продолжал я спрашивать.

— Эта наша. И эта наша. И эта тоже наша, — отвечал Ельников.

— Теперь ты видишь, что линия, проведенная через все эти деревни, почти прямая, не похожа на кольцо. Отсюда можем сделать твердое заключение, что ни в каком окружении мы сейчас не находимся.

— По карте оно выходит так, — подумав, сказал Ельников.

— Ну, а если по карте кольца нет, то его нет и в действительности, — улыбувшись, ответил я и объяснил, что карты представляют из себя точные копии местности. Именно благодаря карте мы можем и на незнакомой местности чувствовать себя как дома.

Я старался передать Ельникову как можно больше сведений о карте. Комбат внимательно слушал.

К тому времени я еще не совсем оправился от ранения и ходил с подвязанной правой рукой. Время от времени я сам мазал рану йодом. Флакончик с лекарством всегда носил с собой. Ельников, по-видимому, знал об этом и, поэтому, обратился ко мне с такой просьбой:

— Знаешь, друг, почему я еще к тебе приехал? Моя свежая рана не дает покоя, все время зудит. Ее надо бы йодом смазать, да у нас в полку его сейчас нет, и рану забинтовали просто так. Я слышал, что у тебя есть йод. Будь добр, одолжи мне капельку, хоть в долг, что ли...

— Дорогой, да для тебя я, если надо, голову отдам. Показывай, куда тебя садануло. Я сам тебе смажу рану, это дело мне знакомое.

Винтовочная пуля прошла навывлет сквозь бедро Ельникова, к счастью, не задев кости. Хорошенько смазав йодом входное и выходное отверстия, я перевязал рану чистым бинтом.

Ельников приезжал ко мне еще несколько раз, и вскоре лечение ему уже не требовалось. За это время он хорошо изучил карту местности. А потом комбат вновь вдохновлял своих бойцов на героические дела.

*

Слева от Нижних Куркулаков наших пехотинцев все время беспокоил вражеский пулемет. Местность перед позициями полка была мне хорошо знакома. Услышав треск вражеского пулемета, я начал внимательно смотреть, где засел пулеметчик, но так ничего и не обнаружил. В это время на наблюдательный пункт прискакал конный разведчик стрелкового полка.

— Командир полка приказывает немедленно открыть огонь по вражескому броневнику, который не дает покоя нашей пехоте. Я спросил, где находится броневик.

— Смотрите, вон он где! — и разведчик указал на поросшую травой кучу мусора в низине прямо перед нами. Я уже до этого

изучил местность и поэтому отказался открыть огонь. Но через пять минут разведчик снова прибыл на наблюдательный пункт, теперь уже с категорическим приказом. Я снова отказался стрелять. Еще несколько минут, и на наблюдательный пункт примчался на коне сам командир полка.

— Ты почему отказываешься выполнять мой приказ?

— По воробьям из пушек не стреляют! Вот если покажешь мне бронемашину, тогда пожалуйста!

Командир полка указал на кучу и произнес:

— Вон бронемашина. Врежь по ней хорошенько!

Но я отказался стрелять и на этот раз.

— Товарищ командир батареи. Я как комиссар батареи вынужден вас именем Советской власти и революции арестовать! Вы помогаете врагу! — подошел Геннадий Петрович Лисицын, который всего пару дней назад приступил к исполнению обязанностей комиссара батареи.

Меня это не на шутку взбесило.

— Вы так считаете, товарищ комиссар? Батарея, по вражеской бронемашине, огонь!

Первый снаряд не долетел до кучи, второй разорвался позади нее, третий угодил точно в цель. Во все стороны разлетелся мусор. Не сказав ни слова, командир полка уехал, а комиссар все еще смотрел на меня смущенным взглядом. Геннадий Петрович Лисицын, до этого служивший комиссаром роты стрелкового полка, был моложе меня на год. Родился в Каменке (ныне Днепродзержинск), где его отец всю свою жизнь работал на металлургическом заводе.

Мы оба рассмеялись...

8

УДАРЫ И КОНТРУДАРЫ

Прорыв. Куда девалась батарея? Неравный бой. Неожиданная помощь. Прорыв ликвидирован. В «столице» Махно. Курсанты. «Я сын питерского пролетария!»

Накал боев усиливался с каждым днем. Как ошалевший маньяк, барон Врангель пытался расширить границы своих «владений». Но противостоящие друг другу силы были равны. Ни одной из сторон не удавалось решающим ударом уничтожить противника. Белые хозяйничали на территории с ограниченными ресурсами. Резервы же Красной Армии в первую очередь направлялись против войск панской Польши. Этим и объяснялся перенесенный успех происходивших на нашем фронте боев.

В этот раз стрелковые полки 137-й бригады занимали оборо-

нительные позиции. На левом фланге у Сладкой Балки находился 410-й полк, на правом фланге у колонии Блументаль — 411-й, а 409-й полк — у деревни Курени. Наша батарея, поддерживавшая 409-й полк, располагалась в низине, чуть левее Куреней. Такое расположение походило на позицию батареи, находившейся в резерве, и бойцы решили культурно отдохнуть. Притащили все свои гармошки, и в наступавших сумерках зазвучали веселые танцевальные мелодии. И, как это обычно бывает, потянулись к бойцам молодежь и старики со всей округи. Под азартные звуки «Яблочка» ноги сами шли в пляс. Вокруг пляшущих поднялось облако пыли.

Эти места населяли потомки славных запорожцев, в жилах которых текла такая же горячая кровь, как и у их предков. Они любили повеселиться. Вечер был длинным, веселым и шумным. Лежа в своей «постели» на тачанке под брезентом я еще долго слышал сквозь сон звуки гармошки и голоса танцующих...

Проснулся я от частой ружейной стрельбы, треска пулеметов, грохота орудий и разрыва снарядов.

В один миг я прыгнул с тачанки. На небе уже забрезжил рассвет. Бой шел на правом фланге бригады, на позициях 411-го полка. Скорее всего, атаковал противник, поскольку наши войска в этот раз наступления не планировали. Батарейцы уже находились у орудий, готовя их к бою.

— На наблюдательный пункт! — приказал я, снова запрыгнув на тачанку. Вместе со мной поехал комиссар батареи Геннадий Петрович Лисицын.

С наблюдательного пункта, который находился на вершине холма у деревни Курени, было видно, как вражеская конница атакует позиции 411-го полка. Плотным огнем винтовок и пулеметов бойцы старались отбить атаку. Их поддерживала расположенная неподалеку батарея. Но с первого взгляда было видно, что одним стрелкам и батарее не задержать наступавшего врага. Позади вражеских кавалеристов по степным дорогам двигались к линии фронта новые колонны белой конницы.

Я приказал своей батарее тоже открыть огонь, чтобы помочь соседям в неравном бою с превосходящими силами врага.

На гребне того же холма, где находился наблюдательный пункт нашей батареи, вскоре заняли позиции бойцы 409-го стрелкового полка. Они приготовили к бою винтовки, легкие и тяжелые пулеметы.

Потом я взглянул на левый фланг — село Сладкую Балку, рядом с которым проходила линия обороны 410-го полка. Из села выскочили казаки, атакуя позиции 409-го полка, в расположении которых находился и наблюдательный пункт нашей батареи.

Я немедленно повернул огонь батарей на 90° влево и перевел его с пятикилометровой дистанции на двухкилометровую.

Затем открыли огонь из винтовок и пулеметов стрелки.

Казаки заметались и, развернувшись, помчались назад. Но в это время навстречу им из-за деревьев на окраине села вырвался новый, еще более многочисленный отряд казаков. Воспрянув духом при виде свежих сил, отступившие были всадники развернули коней, и вся эта лавина вновь устремилась в атаку.

В лучах восходящего солнца поблескивали казацкие шашки. Удары копыт и пули поднимали клубы пыли. Один за другим рвались снаряды. Град пуль уложил на степную землю уже многих врагелевцев. Лошади, потерявшие хозяев, метались по степи.

Атакующие снова не выдержали. Они опять быстро повернули обратно, чтобы уйти из-под обстрела и спрятаться за домами и деревьями на окраине Сладкой Балки. Но прежде чем обращенные в бегство казаки достигли околицы, из села вынеслись новые эскадроны и сотни блых всадников.

Во время третьей атаки все большое пространство покрылось скачущими казаками. Сравнительно редкая цепь красного стрелкового полка больше не могла противостоять конной лавине.

Первыми линию обороны покинули пулеметчики. Они взяли с собой на тачанки часть пехотинцев. Другая часть отошла в заросли подсолнечника и кукурузы. Но нашлись и такие, кто бросил оружие и поднял руки вверх.

Оборвалась телефонная связь с батареей. Что случилось?

Мы с комиссаром быстро сели в тачанку. Ездовой схватил вожжи.

— Давай напрямик на батарею! И как можно быстрее! — сказал я ему.

Но напрямик на батарею можно было проехать только по полям подсолнечника и кукурузы, поднявшейся до метровой высоты. Это затрудняло бег лошадей, уменьшало скорость и быстро утомляло их.

— Вернемся на дорогу, там легче ехать, — сказал комиссар.

Но дорога делала большую петлю вокруг кукурузных полей. Если ехать по ней, можно потерять много времени.

— Нет! Поедем напрямик! Мы должны быть на батарее раньше казаков.

И крепкие лошади тянули за собой тачанку, как детскую игрушку. Вскоре показалась ложбина, в которой находилась позиция батареи. Но... орудий там не оказалось. А рядом с местом, где они стояли, уже рыскали казаки. Они сразу же заметили нашу тачанку и поскакали навстречу.

— Сворачивай влево, к Куреням! — приказал я ездовому и схватил винтовку.

То же сделал комиссар. Мы быстро зарядили оружие. За тачанкой увязалось около двадцати казаков. Они быстро приближались. Им уже казалось, что добыча от них не уйдет.

Я взял на мушку крайнего слева казака, комиссар — его соседа. Мы тщательно прицелились и выстрелили. Почти одно-

временно два коня освободились от седоков. Но остальные казаки продолжали нас преследовать. Мы с комиссаром снова прицелились и с коней слетело еще два всадника.

Преследователи рассыпались, заметно поубавив скорость. С тачанки прозвучало еще несколько выстрелов.

Мы с комиссаром хорошо понимали, что только меткая стрельба может спасти нас.

— Дай патроны! — крикнул я ездовому, сделав пять выстрелов и потратив, таким образом, всю обойму. Я знал, что на козлах тачанки, у ног ездового, всегда лежала полная коробка патронов. Того требовал строгий приказ.

— Здесь нет патронов, товарищ командир! — ответил ездовой.

— Куда же они делись?! Посмотри-ка получше!

— Их здесь нет, товарищ командир! — повторил ездовой.

— Тогда гони лошадей быстрее!

Ездовой какое-то время активно работал кнутом, а затем сказал:

— Лошади быстрее не идут.

Я вырвал из рук ездового вожжи, но вскоре убедился, что из уставших животных трудно что-либо выжать.

Сзади нас догоняли казаки. Патронов для стрельбы по ним больше не было. Лошади бежали из последних сил. Наше положение становилось все более критическим. Я бросил вожжи ездовому и сказал комиссару.

— Стреляй хоть ты, комиссар!

— У меня тоже остался только один патрон, и я держу его как неприкосновенный запас, — проговорил комиссар и посмотрел на меня по-дружески.

— Гена, друг, наши дела, кажется, совсем плохи, — я впервые назвал комиссара по имени. Мы с ним были почти ровесники, члены одной и той же партии коммунистов, но до сих пор держались друг с другом официально. Но теперь над нами обоими нависла смерть. Казалось, уже ничто не спасет нас.

Я посмотрел на Гену. Выгоревшие на солнце волосы комиссара трепал ветер, его глаза внимательно следили за преследователями.

Как-то сразу Гена стал мне особенно близок, как будто мы выросли в одной семье. Он был похож на моего младшего брата Эдуарда. Комиссар задумался над чем-то.

— Гена, о чем ты сейчас думаешь?

— Знаешь, друг, приближающийся конец кажется мне слишком простым. Они изрубят нас на куски. А хотелось бы еще пожить...

— Будь, что будет! Но мы еще не сдаемся. Казаки ведь не знают, что у нас нет патронов. Давай нацелим на них пустые винтовки. Каждую секунду ожидая залпа, они будут держаться

подальше от тачанки. Дотянем таким образом до села, а там может быть удастся спрятаться.

И мы оба, изображая из себя стрелков, зарядили свои винтовки степным ветром и навели их на казаков. Выстрелов, конечно, не последовало, да и не могло последовать.

Но два всадника вдруг свалились с коней, и именно те, которые были к нам ближе всех и в которых мы усердно прицеливались. За первыми двумя на землю слетел третий. Затем четвертый казак свалился вместе с лошадыю. Что за чудо? Мы стали с удивлением оглядываться.

— Э-ге-гей! Команди-и-р! Держи-и-сь! — вдруг услышали мы чей-то голос и примерно в пятидесяти метрах впереди в овражке увидели телегу, запряженную парой лошадей, а на ней телефонистов батареи. Они вели из пяти винтовок огонь по казакам. Вместе с нами они были на наблюдательном пункте, но отошли оттуда по дороге. Поэтому их лошади не так устали. Патронов они имели много и теперь пытались помочь нам выбраться из беды.

Неожиданная помощь подоспела вовремя. Еще немного и она уже могла бы не понадобиться, ибо как раз в этот момент одна из лошадей, запряженных в нашу тачанку, повалилась, сраженная вражеской пулей.

Мы оба спрыгнули с тачанки и побежали к телефонистам. Теперь на телеге разместилось уже семеро вооруженных бойцов. Беспорядочная стрельба по казакам перешла в залпы. И телега телефонистов продолжала катить по дороге, готовая в любой момент и в любом направлении открыть огонь. Ездовой нашей тачанки сел на уцелевшую лошадь и умчался прочь. Тачанка же досталась казакам.

Через четверть часа мы догнали батарею. Как выяснилось, казаки, атаковавшие левый фланг полка, попытались взять батарею штурмом. Под прикрытием двух станковых пулеметов батарея без потерь оставила позицию. Она потеряла только командирскую тачанку. Для меня лично это было большой утратой: там остался чемодан с фотографиями боевых товарищей и батарей с разных фронтов.

*

После прорыва фронта белая конница еще трое суток продолжала двигаться в северном направлении. Враг дошел почти до Александровска (ныне Запорожье), где располагался штаб 13-й армии.

Части 46-й дивизии заняли новую оборонительную позицию, чтобы помешать дальнейшему продвижению врангелевцев к Донбассу.

Равнившиеся на север вражеские части вытянулись в длинную

полосу, западный конец которой упирался в Днепр. Основная масса белой конницы находилась как раз на конце полосы.

На четвертый день рано утром части Красной Армии начали контрнаступление, ставя своей целью перерезать эту полосу. Цепи 441-го стрелкового полка без единого выстрела прошли Верхние Куркулаки. Когда туда подоспела наша батарея, выяснилось, что находившиеся в деревне белогвардейцы проспали наступление советских войск. Бойцы ловили по домам еще сонных врагелевцев. Одни только батарейцы взяли тридцать четыре пленных и среди них одного офицера в чине капитана, которого тут же доставили ко мне. Не успел капитан переступить порог, как трясущимися от волнения руками вытащил из карманов золотые часы и серебряную табакерку, протянул их мне и дрожащим голосом пробормотал:

— Пожалуйста, возьмите их!

Я вспылил:

— Что это за цирк? Ты думаешь, что попал в разбойничье гнездо и здесь кто-нибудь позарится на твое дерьмо? Немедленно убери свои побракушки!

Офицер спрятал свои вещи. Я допросил его. После выяснения некоторых сведений капитана вместе с остальными пленными отправили в штаб бригады.

Из Верхних Куркулаков колонна 411-го стрелкового полка и наша батарея скрытно двинулись по дну лощины в сторону колонии Блументаль. Вместе с полковой и батареей конной разведкой, в сопровождении двух пулеметных тачанок командир полка поехал вперед. Всего нас было свыше семидесяти всадников. Незаметно для врага отряд приблизился к поселку. Командир полка поставил пулеметные тачанки по флангам, отряд развернулся в цепь и по сигналу командира устремился к Блументалю.

Раздалось громкое «ур-ра-а!», и вот уже красные всадники несутся по улицам колонии. Атака была настолько неожиданной для белогвардейцев, что они даже не сопротивлялись и в панике метались по огородам в надежде унести ноги. Но красные всадники повсюду настигали белогвардейцев.

Я на своем коне поскакал на западную окраину поселка. Примерно в сотне шагов от себя я заметил на хлебном поле одетую во все белое фигуру и, прищипив коня, поспешил к ней. Я стал с удивлением разглядывать лежавшего на спине человека. Поначалу мне показалось, что это негр: лицо черное и губы толстые. Но ошибка скоро выяснилась.

Это был распухший и почерневший под палящим солнцем труп в нижнем белье. Верную одежду и обувь кто-то уже содрал с него. Рядом с трупом лежала обычная попутчица солдата — винтовка. Вокруг я не заметил ни одного документа, который помог бы установить — кто он: наш или белогвардеец. Я поднял винтовку и поскакал с этим трофеем обратно в колонию.

За это время конные разведчики полка захватили в поселке

десятки белогвардейцев, в том числе двух офицеров. Как выяснилось, здесь находилось фланговое охранение 7-го казачьего полка врангелевцев.

За один день красные части перерезали слишком растянувшуюся позицию белых войск, на создание которой у белогвардейской конницы ушло три дня. С большими потерями враг был вынужден спешно отступить на свои прежние позиции.

*

Была уже середина лета. Нещадно жгло южное солнце. Бойцы, сражавшиеся на степных равнинах, в полдень чувствовали себя как в парной. В эти часы даже воевать никто не хотел — ни белые, ни красные. Все старались спрятаться от палящих лучей в тени на полях кукурузы и подсолнечника. Жажду утоляли соком недозревших арбузов.

В один из таких дней я получил приказ снять батарею с фронта, доставить ее в поселок Гуляй-Поле и поступить в распоряжение командира расквартированной там курсантской бригады. Мы немедленно отправились в путь.

Поселок Гуляй-Поле прославился как «столица» орудовавшего в тех местах атамана Махно. Этот «батько» устраивал набеги на тыловые учреждения и населенные пункты, нападал иногда и на железнодорожные станции, грабил проходившие поезда. Его шайка состояла, в основном, из кулацких элементов и уголовников. Во время налетов они убивали ни в чем неповинных советских людей.

Свою бандитскую деятельность Махно пытался оправдать и даже обосновать теоретически. Он называл себя анархистом — противником всякой власти. Но в то же время в его банде царил неограниченная власть самого «батьки». Члены банды почитали его, как святого. Одного движения руки, одного взгляда Махно было достаточно для того, чтобы бандиты, не раздумывая, отрубили голову любому попавшемуся в их руки советскому человеку.

Месяц тому назад банда Махно напала на тыловые подразделения дивизии, похитила казенное имущество, продовольствие и убила интенданта дивизии. Узнав об этом, боевой отряд дивизии отправился в Гуляй-Поле, но Махно и его банда уклонились от встречи с красноармейцами. Бандиты словно сквозь землю провалились. Отряд нашел в Гуляй-Поле только остатки разграбленного имущества дивизии и трупы бойцов хозчасти. На все расспросы жители Гуляй-Поля невинно отвечали:

— Когда началась стрельба, я с семьей в погреб залез и носа оттуда не высовывал. А когда после вылез на свет божий, то уже ничего, кроме следов грабежа и трупов, не видел.

Примерно так же на вопросы красноармейцев отвечали другие жители «столицы» Махно. Отряд дивизии ушел из Гуляй-Поля, так и не обнаружив банду.

Когда наша батарея, проделав сорокакилометровый путь, подъезжала к Гуляй-Полю, стояла уже темная ночь. Чтобы избежать неожиданной встречи с бандитскими шайками, я взял с собой десяток конных разведчиков и поехал впереди батареи. Мы приближались к Гуляй-Полю. Вдруг из кромешной темноты перед нами вырос низкорослый боец с винтовкой. Неожиданно грозным тоном он крикнул:

— Стой! Кто идет?

Мне понравилось воинственное поведение часового. Я сразу понял, что он шутить ни с кем не собирается, но все-таки произнес со смехом:

— Слушай, ты чего такой сердитый? Посмотри, сколько нас а ты один. Поскольку нас больше, то спрашивать будем мы. А ну-ка, отвечай, кто ты такой и почему останавливаешь нас здесь, в степи?

Но не успел я закончить свой вопрос, как возникшие из темноты бойцы полностью окружили наш конный отряд. Направив на нас штыки, они приказали:

— Слезайте с коней, быстро! А не то угостим свинцом!

Я был почти уверен, что это бойцы курсантской бригады и поэтому приказал:

— Спешиться!

Из дальнейшего разговора выяснилось, что это, действительно, курсанты. Командир бригады очень обрадовался прибытию батареи, так как их артиллерия еще не успела подойти, а на следующее утро бригада должна выступить на фронт.

На ночевку бойцы батареи разместились в домах жителей. Но тут появилась новая забота — еда. Батарея покинула позицию на фронте еще до полудня, не дождавись полевой кухни. Двигались без остановок. Никто из бойцов не обедал и не ужинал, а полевая кухня могла прибыть только на следующий день. Пришлось обратиться за помощью к местным жителям.

Я остановился в одном доме вместе с конными разведчиками батареи. Перед завтрашней дорогой нужно было как следует отдохнуть, но сон никак не шел. Все ворочались с боку на бок — хотелось кушать. Просьба к хозяйке принести хотя бы молока с хлебом не дала никаких результатов. С виду небедная женщина ответила нам:

— У меня ничего нет. Власти последнее отобрали. Живем словно нищие. Мужиков всех забрали в армию и отправили на польский фронт. А что бабы одни сделают?

Сон все не приходил. Пустой желудок заставил бойцов вновь обратиться к хозяйке. За буханку хлеба и пару крынок молока они обещали заплатить сколько ей угодно. Но та, как попугай, твердила одно и то же:

— Нам самим есть нечего, куда уж вас угощать.

Тут я не выдержал.

— Значит, вы сами голодаете! Сейчас мы из этой беды най-

Но вдруг все переменялось.

— Товарищ командир! Вам срочный приказ! — доложил вестовой. Я вскрыл конверт.

«По получении сего немедленно ведите свою батарею, и как можно быстрее, к понтонному мосту у Кичкасского моста. Не переправляясь на левый берег, ждите там дальнейших распоряжений.

Комбриг Павлов».

К понтонному мосту батарея подошла перед рассветом. Обширная низина на противоположном берегу Днепра, которая еще вчера была наполнена сонной тишиной, сейчас кишела как потревоженный муравейник. Из-за холмов, окружавших низину, прибывали все новые и новые батареи, пулеметные тачанки, телеги, всадники и пехотинцы. Вся эта шумная и пестрая масса старалась пробиться к понтонному мосту, но его ширина позволяла двигаться повозкам только в один ряд. Те, кто, переехав мост, оказывались на правом берегу Днепра, тотчас же исчезали в просторах степи.

Куда все они спешили?

Оказывается, белой кавалерии вновь удалось прорвать фронт красных севернее Запорожья и захватить станцию Софиевка. Несколько стрелковых дивизий 13-й армии оказались прижатыми к Днепру. Подразделения именно этих дивизий и отдельные красноармейцы старались теперь перебраться по понтонному мосту на правый берег.

В низине на левом берегу находилось большое количество орудий и пулеметных тачанок. Если бы все они выстроились в один ряд, колесо к колесу, то образовался бы мощный огневой барьер длиной в несколько километров, который не смог бы преодолеть ни один белогвардейский всадник. Но централизованного руководства на переправе, к сожалению, не было.

Прибыв на переправу, комбриг Павлов приказал своим полкам перейти по понтонному мосту на левый берег Днепра, занять на окаймляющих низину высотах оборону и отразить все возможные атаки белых. Приказ был выполнен без промедления.

Наша батарея заняла позицию на правом берегу в нескольких десятках метров выше понтонного моста. Наблюдательный пункт я устроил сначала на одном из холмов на левом берегу, но там невозможно было оставаться: постоянно обрывалась телефонная связь. Поэтому вскоре я перевел наблюдательный пункт на уцелевший пролет Кичкасского моста. Оттуда частично просматривались дороги, ведущие к низине на левом берегу, и в случае необходимости вести по ним огонь.

Переправа через Днепр длилась до позднего вечера. Все это время, пока все отходившие части не переправились через Днепр, полки 137-й бригады находились на левом берегу в обороне. Они отошли последними.

*

В связи с тем, что основные силы 13-й армии отошли за Днепр, белая конница развила наступление на север вдоль левого берега реки. Она захватила станцию Синельниково, и угроза нависла непосредственно над Екатеринославом.

Поэтому 137-я бригада получила приказ немедленно выступить на оборону Екатеринослава. Нужно было преодолеть сотню километров. Оставив на оборонительном рубеже правого берега Днепра по пять бойцов с тяжелым пулеметом из каждого полка, бригада тронулась в путь. Пехоту рассадили по крестьянским телегам,пряженным парой лошадей. Останавливались только для того, чтобы напоить и накормить лошадей.

Время приближалось к полуночи, когда части бригады были в Екатеринослав.

Не делая остановки в городе, они переправились через Днепр и проехали еще более семи километров. И лишь переехав мост через речку Самарку, бригада заняла оборонительные позиции.

Произошло это как раз вовремя: не истекло и часа, как на горизонте появилась белогвардейская конница. Наткнувшись на организованную оборону, казаки после короткого замешательства были вынуждены отступить. Их вторую атаку также отбили.

Стало тихо во всей округе. На подступах к городу линию обороны заняли бойцы, имевшие достаточный опыт боев. Поэтому ее не так-то легко было прорвать. За успешную оборону города дивизия получила почетное наименование — 46-я Екатеринославская стрелковая дивизия.

*

В войсках черного барона Врангеля были собраны самые ярые и убежденные белогвардейцы, ранее воевавшие в армиях уже разгромленных генералов. Эти недобитые вояки из всех сил старались расширить занимаемую ими территорию. С этой целью в сентябре 1920 года они переправились через Днепр.

Врангель бросил на правый берег Днепра лучшую часть своих войск, в том числе так называемый «добровольческий корпус» и крупные части кавалерии, мечтавшие создать объединенный фронт с румынскими боярами. Начались упорные, кровопролитные бои...

В спешном порядке на этот участок перебросили и 46-ю дивизию. Левым флангом она упиралась в Днепр, правым — в только что освобожденное от белогвардейцев село Широкое. Моя батарея находилась на правом фланге дивизии. Своим огнем мы поддерживали и соседа дивизии — курсантскую бригаду.

«Утопим белогвардейцев в Днепре!» — такой лозунг был единодушно принят всеми бойцами. Начались тяжелые бои. По своей ожесточенности они напоминали бои за освобождение Орла. Обе стороны дрались с крайним упорством. Окрестные высоты за день несколько раз переходили из рук в руки. Обе

стороны несли большие потери. Но накал боев все возрастал. Безостановочно, изо дня в день, из часа в час все сильнее части Красной Армии прижимали белогвардейцев к реке, преодолевая их бешеное сопротивление.

К вечеру третьего дня части 46-й дивизии приблизились к тому месту, где белые переправились через реку. Но здесь, на берегу Днепра, напротив острова Хортицы, сопротивление врагелевцев стало особенно упорным. Они всеми силами старались удержать этот единственный путь, соединявший их с тылом. Овладение Красной Армией этим районом означало бы окружение и последующее уничтожение действующей на юге группировки белых войск.

Красноармейцы все настойчивее вырывали у белых каждый клочок земли. Бойцы обеих сторон, и рядовые и командиры, хорошо понимали, какое значение имеют эти бои. Белые добивались создания объединенного фронта со своими союзниками — польскими панями и румынскими боярами. К вечеру третьего дня наступления частям Красной Армии оставалось сломить последнее сопротивление белогвардейских войск и захватить pontонный мост.

Однако наступила темнота. Постоянно находившиеся в бою красноармейские части нуждались в короткой передышке, прежде чем начать решающее наступление. На несколько часов все стихло. Последний удар по белогвардейцам, который должен был сбросить их в Днепр, намечался на утро.

— Товарищ командир! Ночью белые прорвали правее нас фронт 3-й дивизии. Крупными силами они стремятся зайти нам в тыл. Чтобы избежать этого, стрелковый полк немедленно отходит на новую позицию, — сообщил мне конный разведчик батареи.

Было еще темно. Стрелковый полк и наша батарея спешно отошли на новую линию обороны.

На рассвете белогвардейцы предпринимали одну атаку за другой, стараясь смять правый фланг дивизии. Ведя упорные бои за каждый клочок земли, 411-й полк, находившийся на правом фланге, постепенно вынужден был отходить.

Восемь раз за этот день наша батарея меняла позицию. В конце концов мы остановились на высотах, расположенных у села Широкое. Справа одновременно с нами оборону заняли части курсантской бригады. Все твердо решили остановить здесь врага. Вскоре белые предприняли очередную атаку. Несмотря на крупные потери, врагелевцы подходили все ближе и ближе. Наконец, в атаку поднялась вся белогвардейская цепь.

— Картечью! — скомандовал я.

В дополнение к винтовочному и пулеметному огню с каждым орудийным выстрелом в белогвардейцев летело еще 260 пуль. Четыре орудия батареи вели непрерывный огонь. Количество

атакующих быстро уменьшалось. И вот заметно поредевшие цепи белых побежали уже в противоположном направлении.

Но передышка, длившаяся не более десяти минут, быстро кончилась. Получив свежее подкрепление, белогвардейцы снова устремились вперед. И опять захлебнулась вражеская атака. Была отбита и третья атака, оказавшаяся последней.

Вскоре на степь опустился ночной мрак.

Незадолго до рассвета началось общее наступление частей Красной Армии. Не встретив на своем пути врага, они вскоре вышли на берег Днепра. Ночью белогвардейцы отступили за реку. Однако те, кто последними покинул правый берег, еще пытались закрепиться на острове Хортица.

Я смотрел на этот прославленный остров с холмов правого берега. На нем в свое время находилась знаменитая Запорожская Сечь. Именно сюда, как описывает Гоголь, прибыли Тарас Бульба и его сыновья Остап и Андрий. Раньше я знал об острове Хортица только по книгам, а теперь видел его собственными глазами и даже мог открыть огонь по находившимся там белогвардейцам...

*

Вскоре ранним утром меня вызвали в село Широкое к новому начальнику артиллерии дивизии. Войдя в дом, я увидел широкоплечего крепкого человека в черном кожаном костюме. Угольно-черная, лопатоподобная борода была как бы естественным продолжением смуглого лица этого человека. Я доложил о себе.

Новый начальник не спеша смерил меня с головы до ног. Затем, пристально глядя мне в глаза, он протянул руку и лаконично произнес:

— Здравствуйте! — и сразу же как-то озлобленно продолжил: — Я спрашиваю у вас, сколько вы еще будете тащиться позади пехоты?

Этот вопрос показался мне просто диким. Вот уже два года батарея действовала в тесном контакте с пехотой. Я всегда помогал артиллерийским огнем выполнять поставленные перед пехотой задачи. Опыт, приобретенный в боях, научил меня, что первый снаряд батареи должен лететь в неприятеля вместе с первой пулей пехотинцев. Тогда успех боя обеспечен. Такой согласованности можно было добиться только в том случае, если со стрелковым полком поддерживалась самая тесная связь.

А сейчас передо мной стоял новый начальник артиллерии дивизии, который высмеивал необходимость такой тесной связи с пехотой.

«Чего же он собственно хочет?» — мелькнула мысль. Внимательно глядя в глаза начальнику, я спросил:

— А где же батарея должна тащиться, товарищ начальник артиллерии?

— У артиллерии свои задачи. Их и нужно решать, а не тащиться за пехотой! Ну ничего, я быстро с этим покончу!

— Товарищ начальник артиллерии! Я до сих пор полагал, что и у пехоты и у артиллерии один и тот же общий враг, которого надо бить сообща! Разве я не прав?

— Ах, что с вами об этом говорить! — сердито ответил начальник и махнул рукой. — Вы все равно не поймете, какие задачи у артиллерии. Этот вопрос я буду обсуждать с командиром дивизии. А сейчас доложите мне лучше о положении на фронте.

Вскоре я узнал, что новый начальник артиллерии дивизии — бывший полковник колчаковской армии Виталиев. Когда Красная Армия разгромила Колчака, полковник «добровольно» сдался в плен. Его, как «военспеца», направили на Южный фронт и назначили начальником артиллерии 46-й дивизии.

Уже с первых своих шагов на новом месте он попытался по возможности воспрепятствовать успешным действиям артиллерии дивизии и помочь тем самым белогвардейцам. Но практически выполнить свои намерения ему не удалось: слишком велико было стремление красных командиров сломить организованное сопротивление последних белогвардейских банд. Все хорошо понимали, что этого можно достичь лишь при тесном взаимодействии всех родов войск.

*

Части дивизии готовились к форсированию Днепра. В район города Никополя скрытно доставили детали понтонного моста. Под покровом ночи происходило сосредоточение войск. Успех зависел от неожиданности операции. Чтобы ввести белых в заблуждение, в десятке километров южнее Никополя организовали демонстративную попытку переправиться через реку. Для этого туда подтянули полк кавалерии и две батареи, в том числе нашу.

Отряд спешившихся всадников ночью переправился на другой берег. В его задачу входило, преодолев Днепр, незаметно добраться до растущего в низине леса, оттуда к селу Большая Знаменка, неожиданно напасть на расположенных там белогвардейцев и, воспользовавшись суматохой, скрыться.

Услышав ружейную стрельбу в районе Большой Знаменки, обе батареи должны были открыть беглый огонь, тем самым создавая впечатление, будто красные на самом деле собираются форсировать Днепр в этом районе. В то время, как, поддавшись на уловку, белые подтянут сюда свои силы, недалеко от Никополя должна была начаться настоящая переправа.

Но проходили часы, а в районе Большой Знаменки все еще не было слышно никакой перестрелки. Уже забрезжил рассвет, а за рекой стояла тишина.

— Что случилось? Куда делся отряд? — думал каждый, кто ждал сигнала.

Низина на противоположном берегу Днепра поросла густым лесом. Там не было заметно никакого движения. Часы показывали уже десять, когда со стороны Большой Знаменки донесся сравнительно слабый шум короткой перестрелки. И все снова стихло. Только во второй половине дня из леса на другой стороне реки выехал и направился к берегу обоз, который сопровождали знакомые фигуры. У белых наши бойцы захватили четыре тяжелых пулемета и много другого оружия. Назад вернулись все всадники. Кроме того, отряд привел с собой пленных.

Выяснилось, что ночью отряд заблудился в лесу и только к десяти часам утра вышел из леса недалеко от Большой Знаменки. Не теряя времени, он начал атаку, которая завершилась успешно. В селе находился батальон Корниловского полка. Белогвардейцы всю ночь провели на гребне холма, ожидая возможного нападения красных. В половине десятого утра их отпустили в село. А через полчаса в Знаменку вошел наш отряд. Переходя из хаты в хату, наши бойцы с помощью крестьян захватывали в плен сонных врангелевцев. Оказавших сопротивление уничтожали на месте.

Части 46-й дивизии приступили к форсированию Днепра. Через реку был наведен понтонный мост.

Как я уже говорил, отряд привел с собой много пленных. Среди них особенно выделялся один офицер весьма аристократического вида, с погонами капитана Корниловского полка. Он щеголял в новенькой английской офицерской шинели.

Я позвал «господина капитана» побеседовать с бойцами батарен.

— Скажите нам, пожалуйста, господин капитан, как это могло случиться, что вы, brave офицер-корниловец, позволили красным взять себя в плен?

Белогвардеец не растерялся:

— Меня захватили во сне, когда я не мог оказать никакого сопротивления. Все произошло неожиданно и глупо.

— Ах вот оно что! Как видно, господин капитан прибыл на фронт не воевать, а спать!

Последовал общий взрыв смеха. Капитан опустил глаза и молчал.

— Ну хорошо, эта тема, как видно, вам неприятна. Может быть вы расскажете нам, как ваш хозяин, барон Врангель, собирается решить вопрос о земле?

— Какой вопрос о земле? — спросил капитан, стараясь изобразить на своем лице удивление. — Кому земля принадлежит, тот и является ее законным владельцем. Никакого другого вопроса о земле быть не может!

Под дружный смех бойцов я заметил капитану, что Советская власть, власть трудящихся, совсем другого мнения на этот счет. Она отобрала землю у тех, кто обрабатывал ее чужими руками, и раздала бесплатно тем, кто ее вообще не имел. Совет-

ская власть установила принцип: «Землей владеет тот, кто ее обрабатывает».

Белогвардеец, по всем признакам выходец из помещиков, потерял самообладание. Уставившись на меня взглядом, полным ненависти, он заорал:

— Какое вы имеете право делить землю — ведь она не ваша?! Вы действуете против всяких законов!

— Мы установим на своей земле совершенно новые законы. Они не будут больше служить вам, эксплуататорам. Мы отдадим землю, которую вы до сих пор считали своей, отныне и навеки в пользование трудовому народу. Паразитическому существованию подобных вам господ мы навсегда положим конец! Кто не работает, тот не ест!

До белогвардейца, кажется, дошло, что он всего лишь пленный. Капитан оглядел батарейцев, мысленно сравнивавших этого белогвардейца с теми господами, которых они видели себя, в родных местах. Капитан снова опустил глаза. Далее продолжать разговор не имело смысла.

В тот же вечер все части 46-й Екатеринославской дивизии переправились через Днепр. За ними шли полки 2-й Конной армии.

Одновременно в районе Каховки форсировала Днепр Первая Конная армия Буденного. Части обеих конных армий, не давая врагу опомниться, устремились в его тылы, стараясь перерезать пути отступления в Крым и уничтожить на равнинах Северной Таврии основную живую силу белогвардейцев.

Следом за конными армиями ускоренным маршем шли стрелковые дивизии. Части Южного фронта под командованием выдающегося большевика и полководца гражданской войны Михаила Васильевича Фрунзе приступили к выполнению плана по уничтожению войск последнего контрреволюционного генерала.

*

В ту же ночь вместе с другими частями через Днепр переправилась и наша батарея. К полудню мы подошли к селу Большая Знаменка, окрестности которого мы за день до того обстреливали с другого берега Днепра. Батарея тут же расположилась на позиции, чтобы в случае необходимости быть готовой отбить возможную контратаку белых. На ночлег батарейцы разместились в близлежащих хатах. Мне тоже отвели место для отдыха.

Войдя во двор, я увидел старика-украинца с седой бородкой. Вытянув руки, он ловил удиравших от него кур. А на крыльце, сложив руки на груди, с очень важным видом стоял мой вестовой Шапошников.

Я обратился к старику:

— Здравствуй, дедушка! Скажи мне, зачем ты ловишь кур?

— Да вот, говорят, в мой дом скоро должен прийти красный командир, и его надо накормить! — ответил старик.

— Вот что, дедушка. Красному командиру ничего не нужно. Если у тебя в хате найдется краюха хлеба и крынка молока, то ему этого будет вполне достаточно.

— А вот он, — старик указал на Шапошникова, — приказал приготовить командиру жареную курятину.

— Да командир уже пришел, — сказал я, смеясь. — И он тебе сам говорит, что не надо ничего жарить. Пусть куры живут!

Старик обвел меня взглядом, осмотрел со всех сторон и, наконец, с любопытством спросил:

— Ты что ж, значит, командир?

— Ну, а кто ж?

Старик еще внимательнее посмотрел мне в лицо, схватил протянутую руку, сильно потряс ее и, дружески улыбаясь, сказал:

— Как видно, ты, сынок, настоящий рабочий командир, коли ты мне, старому работяге, не брезгуешь руку подать. А только вчера здесь были господа офицеры, которые только орали да ругались и совали нам под нос кулаки и нагайки. Теперь сам вижу, что ты наш. Проходи, сынок, в хату, посиди, отдохни, а я тут недолго...

10

ДАЕШЬ ПЕРЕКОП! ДАЕШЬ КРЫМ!

Части Красной Армии врываются в Крым. Разгром черного барона. Конный разведчик Демидов. Подлый маневр Махно. В Бахчисарае. На Малаховом кургане. Победа! Старшина батареи Приходько едет домой.

Вскоре части Красной Армии вновь вышли на подступы к Крыму — к Перекопскому перешейку и Чонгарскому полуострову.

Белогвардейцы быстро отступали из Донбасса и, подстрегаемые страхом смерти, пытались пробиться в Крым, надеясь удержаться там на укрепленных оборонительных рубежах. Но не всем удалось прорваться туда через Арабатскую Стрелку. Много врангелевцев было уничтожено в степях Северной Таврии.

Красной Армии предстояло освободить Крым. Когда ее части находились еще у Каховки и Никополя, их посетил всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Красные полки дали ему клятву освободить Крым к 3-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Через Михаила Ивановича это обещание было передано Советскому правительству и нашему дорогому Владимиру Ильичу Ленину. Теперь нам предстояло выполнить свое торжественное обещание.

Но ворваться в Крым было не так-то легко. С помощью фран-

цузских инженеров белогвардейцы укрепили Перекоп не хуже Вердена. На железобетонных платформах стояли военно-морские орудия калибром до 350-мм. По мнению врангелевцев, эти укрепления были неприступны.

Все бойцы Южного фронта горели страстным желанием поскорее разгромить запертые в Крыму войска черного барона и тем самым закончить гражданскую войну.

«Даешь Перекоп! Даешь Крым!» — этот лозунг звучал во всех частях.

Первыми в Крым в ночь на 7 ноября вступили полки 15-й Инзенской и 52-й стрелковых дивизий, кавалерийская и 153-я бригады 51-й дивизии. Они ворвались на Литовский полуостров через Сиваш или Гнилое море в тыл Турецкому валу — главному оборонительному сооружению врангелевцев на Перекопском перешейке. 8 ноября начали штурмовать Турецкий вал бойцы 51-й дивизии и в 3 часа ночи 9 ноября овладели им.

Бои носили ожесточенный характер. Об этом говорят потери. Наши войска потеряли убитыми 650 человек и ранеными свыше 4700 человек. У белых потери были еще больше.

Наша батарея двинулась в Крым через Сиваш следом за 15-й дивизией. Ночью мы миновали районы еще недавних ожесточенных боев. Кони ржали почти на каждом шагу, шарахаясь в сторону, чтобы не наступить на трупы.

В небо смотрели установленные на бетонированных площадках дальнобойные орудия, смонтированные при помощи французских военных инженеров. Их длинные стволы на фоне темного неба казались похожими на гигантские колонны.

Неподалеку от орудий неподвижно замерли два английских танка. Рядом с танками лежали их экипажи.

Я остановился у танков и даже залез в один из них, чтобы получить представление о том, каково же воевать в таком ползающем чудовище. Но едва за мной закрылся люк, как меня охватило какое-то гнетущее чувство. В этом тесном, холодном и страшном гробу я почувствовал себя заживо погребенным.

Наибольшая скорость, с которой передвигались английские бронированные гробы, достигала шести километров в час. В ходе боев часто можно было видеть красноармейцев, сидевших на спинах этих стальных черепах в поисках отверстия, куда можно бросить ручную гранату.

За несколько недель до Перекопских боев двенадцать таких вот ползающих гробов поддерживали атаку белогвардейцев на наш плацдарм у Каховки. И только одному из них удалось вернуться назад к своим войскам. Остальные были подбиты.

Сейчас танки стояли неподвижно, словно музейные экспонаты. Проходившие мимо красноармейцы на мгновение останавливались, чтобы вблизи взглянуть на них.

*

Захватив оборонительный вал белых на Перекопском перешейке, и сломив их сопротивление на Юшунских позициях, части Красной Армии растеклись по равнинам северной части Крымского полуострова. Организованного сопротивления войска черного барона уже не оказывали. Каждый белогвардеец думал только о том, как спасти свою шкуру, как добраться до ближайшего порта, сесть на корабль и удрать. Врангелевцы бежали к южному берегу Крыма, бросая по дороге оружие и амуницию. Повсюду наши бойцы видели английские орудия, боеприпасы, винтовки, танки. «Подарки» Черчилля стали слишком обременительными для драпавших белогвардейцев.

Регулярной Красной Армии помогали красные партизаны, действовавшие в Крымских горах. Они активно препятствовали отступлению белых, устраивали засады на дорогах, сеяли смерть в рядах врага.

Дни правления Врангеля были сочтены. Всем красноармейцам, от рядового до командующего фронтом, стало ясно, что здесь, в Крыму, приходит конец гражданской войне в России. Поэтому все бойцы частей Красной Армии старались как можно быстрее пройти территорию Крыма, чтобы достичь, наконец, его южного побережья.

Мы проходили степными дорогами через украинские села, поселки немецких колонистов, татарские деревни.

Через день после взятия перекопских укреплений наша батарея остановилась вместе с подразделением кавалеристов из 1-й Конной армии Буденного в одной немецкой колонии. Случайно я стал свидетелем разговора между отдыхавшими конармейцами.

— Врангеля мы, считай, разбили, — говорил один из них. — Теперь последней белогвардейской армии на нашей земле конец. И больше, вроде, не с кем воевать. Вот уж десять лет скоро, как не слезаю с коня. Сначала три года отбывал повинность, потом империалистическая война, потом вот гражданская. Все время куда-то мчался. Кого-то надо было рубить. И теперь разбит последний враг! Э-э! Что же мы, товарищи, теперь делать-то будем?

Вопросительным взглядом он обвел товарищей.

— Найдем, что делать! — ответил кто-то, сидевший поодаль. — Ты разве не слышал, что петлюровские и тютюнниковские бандиты, пришедшие из панской Польши и боярской Румынии, недавно перешли границу? Как добьем Врангеля, так сразу и отправимся их уничтожать!

— Петлюра и Тютюнник! — громко рассмеялся первый боец. — Смотри, какие противники! Да на них у нас уйдет две недели, не больше! Мы их быстро в капусту изрубим! А вот что потом будем делать, спрашиваю я вас, дорогие товарищи?

— А ты не очень-то ломай над этим голову, — вступил в разговор третий боец. — Ленин скажет, что делать. Я уверен, что у него все уже продумано, и мы непременно получим от наше-

го Ильича какое-нибудь новое задание. До сих пор мы разрушали старое, а теперь будем строить новое. Довольно кровопролития! Сделаем прекрасной и свою жизнь, и жизнь наших детей. Не печалься, товарищ! И для тебя найдется работа по душе!

Ночью наша батарея продолжила движение. От Симферополя нас отделяло чуть больше тридцати километров. Вместе с первыми лучами солнца перед глазами возникла какая-то громадина, доходившая до облаков. Это великолепное зрелище вызвало всеобщее удивление. Высокий неподвижный колосс, покрытый гигантской белой шапкой, казалось, вышел из какой-нибудь сказки и теперь господствует над всей окрестной степью. Я тут же посмотрел на карту и определил, что это одна из высочайших вершин Крымской горной гряды — Чатыр-Даг. Ее высота 1525 метров.

С большим интересом рассматривали бойцы вершину, к которой мы подходили все ближе, но которая, казалось, находилась от нас так же далеко, как и утром.

К полудню батарея вошла в Симферополь. В сопровождении конных красноармейцев по улицам двигалось большое количество пленных врангелевцев. Они шагали по четверо в ряд, опустив головы. Среди них мы видели и донских казаков, в большинстве своем бородатых. Исподлобья, злыми глазами они смотрели на красных батарейцев.

Вскоре батарея остановилась. Ночевать мы должны были на той же улице, где незадолго до нас расположился махновский 1-й пулеметный полк.

За несколько недель до перекопских боев Махно поклялся в верности Советской власти и попросил разрешения принять участие в разгроме Врангеля. Один из отрядов махновцев действовал вместе с VI-й армией А. Корка. Теперь Махно со своими единомышленниками находился в городе, переполненном наступавшими красными частями.

Позавтракав, я стал ждать дальнейших приказаний. Вдруг дверь отворилась, и в комнату твердым строевым шагом вошел боец. Я сразу же узнал в нем бывшего конного разведчика своей батареи Демидова, который бесследно исчез летом 1920 года.

Он был одет в новую шинель английского образца, вооружен карабином и маузером. Подойдя к столу, он резко остановился, стукнул каблуками, выпятил грудь, и отрапортовал:

— Товарищ командир батареи! Бывший конный разведчик вашей батареи, а ныне пулеметчик махновского пулеметного полка Демидов. Разрешите обратиться!

В прошлом он был исполнительным и толковым конным разведчиком, но затем, увлекшись сивухой, стал безобразно вести себя и в конце концов убежал из батареи.

— Здравствуй, Демидов! Садись и рассказывай, что тебя сюда привело.

— Пришел просить вас, товарищ командир, чтобы вы взяли

меня обратно в батарею, — ответил Демидов. — Простите мне, если можете, все мои прежние преступления против трудового народа. В дальнейшем я постараюсь искупить свою вину. А сейчас готов подчиниться любому вашему решению.

Я спросил Демидова, действительно ли он хорошо обдумал этот шаг. Ведь он знает, какая железная дисциплина в Красной Армии. У Махно он отвык от нее. Как известно, там можно брать у населения все, что понравится. По своему усмотрению можно убивать и скот, и самих крестьян. А в Красной Армии могут расстрелять даже за незначительную кражу.

— Да, товарищ командир, — ответил Демидов. — Я хорошо все обдумал и как раз из-за этих бандитских законов и хочу уйти от Махно. Как вы знаете, я попал туда случайно, по несчастью. Уже давно хотел вернуться к вам, да боялся, что отдадите под суд как дезертира. Только страх перед расстрелом удерживал меня. А сейчас я серьезно прошу вас — если можете возьмите меня обратно в батарею, по которой сильно тосковал все это время.

Я согласился. Было видно, что Демидов искренне раскаивается и намерен в дальнейшем честно служить трудовому народу.

— Приступай к своим прежним обязанностям. Попробуем забыть все, что было раньше.

Только Демидов вышел из комнаты, как поступил приказ двигаться дальше, на Севастополь. Через десять минут батарея находилась уже в пути.

Неделей позже Махно изменил своей клятве. Он поднял бунт и удрал вместе со своей бандой из Крыма прежде, чем успели перекрыть дорогу через Перекоп. Ночью он неожиданно напал на штаб одной из бригад курсантской дивизии и перерезал всех, кто там был.

Отряды красной конницы преследовали его вплоть до румынской границы. Многие бандиты были убиты, но самому Махно с остатками банды удалось уйти под защиту бояр.

*

Ведущая из Симферополя мощеная дорога почти все время петляла среди гор. Вершина Чатыр-Даг сначала отодвинулась влево, а потом и совсем скрылась с глаз. Ее закрыли гребни ближних к нам гор.

Преодолев примерно половину пути из Симферополя в Севастополь, батарея подошла к Бахчисараю. Этот городок с узенькими кривыми улочками, казалось, был зажат среди гор. Вспомнилась поэма А. С. Пушкина. Где же знаменитый фонтан? Мы решили использовать время отдыха для того, чтобы осмотреть Бахчисарайский дворец. Здание, в которое мы вошли, нельзя было, конечно, сравнить с дворцами российских императоров, но

хозяин этих стен обладал такой же неограниченной властью над своим народом, как и русский царь. В зале, где ханские вельможи собирались для обсуждения важных вопросов, не было ни столов, ни стульев. По восточному обычаю для сидения использовали разложенные вдоль стен подушки. Окна дворца украшены многоцветной стеклянной мозаикой. Потолок и стены разрисованы тоже очень пестро.

В том же здании находится зал, где слуги хана вершили суд. В одном его конце, под самым потолком находился балкон, который от зала отделяла плотная занавеска. Оттуда хан мог незаметно для других слышать все, что говорилось на суде. Судьи никогда не знали, следит ли за ними своеобразный повелитель или нет, и поэтому всегда должны были быть начеку.

Наконец, мы дошли до исторического фонтана. Он совершенно не был похож на обычные фонтаны. «Бахчисарайский фонтан», или, как его еще называли, «фонтан слез», представлял из себя несколько вырубленных в каменной стене параллельных желобков. В желобках были проделаны отверстия. По ним вода стекала из верхнего желобка в нижний и так все ниже и ниже. Когда вода капала из отверстий всех желобков одновременно, создавалось впечатление, что камни, действительно, плачут.

В дворцовом саду находился бассейн с обычным фонтаном. Здесь купались ханские жены. С построенного на втором этаже маленького балкона хан мог наблюдать за ними.

Вскоре батарея продолжила свой путь. На ночь мы остановились в двенадцати километрах от Севастополя.

*

Извивавшаяся дорога поднималась все выше в горы. Лошади с трудом тащили орудия. Перевалив через очередной гребень горы, дорога снова пошла вниз. Слева виднелся Инкерманский монастырь. Затем начался новый и на этот раз последний подъем. Одновременно пошел противный мокрый снег. Но всеми владело такое радостное возбуждение, что его не могла бы заглушить и самая лютая сибирская стужа. Все знали, что до города осталось всего несколько километров, и что там, на берегу моря, кончится долгая и трудная война.

Быстро продвигавшиеся вперед отряды красной конницы очищали дороги и населенные пункты от остатков белогвардейских войск. Навстречу стрелковым полкам текли длинные колонны пленных. Одиночные конные красноармейцы конвоировали их, как пастухи стадо.

На нашем пути больше не было никого, кто мог бы оказать сопротивление.

Чем ближе мы подходили к Севастополю, городу военной славы России, тем сильнее бойцы осознавали, что конец войны близок. Настроение у всех было приподнятое.

Над Севастополем поднимались черные клубы дыма: белогвардейцы подожгли склады полученного от Черчилля обмундирования и продовольствия. Снег перестал идти. Словно приветствуя вновь прибывающих, из-за туч выглянуло солнце. Колеса орудий весело катились под гору.

— Конная разведка! За мной! На Малахов курган! Рысью, марш!

С кургана нам открылся великолепный вид на окрестности. Блестело море, очистившееся от кораблей интервентов и белогвардейцев. В отдалении возвышались вершины гор, окружающие город.

Тот, кто владел курганом, являлся и хозяином Севастополя. Отсюда можно было либо остановить всякое движение в городе, либо, наоборот, защищать его нормальную жизнь. Здесь же мы видели таблички с надписями, указывавшими расположение войск защитников города и англо-французских оккупантов во время обороны Севастополя в прошлом столетии. Враждовавшие армии стояли друг от друга всего в нескольких десятках шагов. С точки зрения тактики современной войны такое расположение войск трудно себе представить. Один единственный пулеметчик как траву скосил бы целый батальон атакующих. Но в те годы главным оружием в бою был штык. Когда враждовавшие армии сходились грудь в грудь, то исход боя решали количество штыков, сила и храбрость тех, в чьих руках они находились. Легендарная оборона Севастополя длилась тогда 11 месяцев. Превосходящим силам противника так и не удалось прорвать оборону защитников города и сломить их героическое сопротивление.

Разгромленные в боях под Перекопом белогвардейские войска даже не пытались организовать оборону Севастополя. Подобно обезумевшим животным, каждый старался спасти только свою жизнь. Места на кораблях и судах занимали, как правило, силой. Только те, кто обладал властью или был физически крепок, смогли отплыть. Те, кто послабее, либо остались на берегу, либо были сброшены в воду со сходней или с палубы. Так позорно бежали остатки войск Врангеля в надежде на милостьню своих хозяев — западных империалистов. Иначе быть не могло.

Мы смотрели на красное от заходящего солнца небо. На горизонте больше не видно ни одного дымка. Беглецы успели выйти из зоны видимости, скрыться вдали. Перед нами расстилалось слегка волнующееся Черное море. Оно казалось бескрайним. Вокруг стояла тишина. Ни винтовочных выстрелов, ни пулеметных очередей, ни орудийных залпов. Эта необычная тишина волновала каждого.

— Победа!

— Товарищи! Мы победили! — крикнул я.

— Ур-ра-а! — грянули в ответ все бойцы конного отряда, находившегося на Малаховом кургане.

Бойцы бросились обнимать друг друга, целовать. Мы ликозвали по поводу разгрома иностранных интервентов и белогвардейщины, мы знали, что для нашей социалистической Родины начинается новая эпоха, эпоха созидания.

— Да здравствует наш Владимир Ильич! Да здравствует наша партия! Ур-ра-а! — слышались все новые и новые возгласы, пока все они не слились в звуки «Интернационала»:

«Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!»

Потом все стихло. Я сел и задумался. Перед моими глазами вновь возникли южно-украинские степи. На протяжении многих месяцев там шли жестокие бои. В этих кровавых сражениях нам нередко приходилось отходить и вскоре снова наступать. Погибло много друзей-товарищей, боевых соратников, которым не пришлось дожить до победы, почувствовать ее радость. Я мысленно двинулся через степи дальше на север. Курск, Орел. Оттуда начался боевой путь нашей батареи на Южном фронте. Вдоль и поперек мы изъездили эти места. Псков, Изборск, Печоры, Чудское озеро, Нарва... Там тоже мы были белогвардейцев. Теперь после победы, как зеницу ока нужно беречь государство диктатуры пролетариата. Оно, как маяк, указывает путь всем, кто еще томится в цепях рабства.

Уже темнело, когда конный отряд, простившись с Малаховым курганом, въехал в город.

*

Вскоре выяснилось, что в городе осталось немало белогвардейцев. Солдаты находились по-прежнему в казармах. Офицеры, не попавшие на корабли, рассеялись по городу. Шаг за шагом Севастополь очищался от контрреволюционного отребья.

Улицы, площади и дворы города утопали в кучах мусора. И от этой грязи следовало избавиться.

Предстоящий выходной день был объявлен всеобщим днем чистоты. Заранее приготовили лопаты и метлы.

«Железной метлой выметем из Севастополя контрреволюционный хлам! Превратим Севастополь в образцовый советский город! Призываем всех принять участие в общегородском воскреснике!» — обращались к населению развешенные повсюду плакаты.

В воскресенье части нашей дивизии во главе с командиром ранним утром в сопровождении военного оркестра вышли на улицы. Следом двинулись телеги с инструментом. В одно и то же время во всех районах города началась работа.

Звуки оркестров вскоре выманили на улицу и местное население.

ние. В сопровождении веселой музыки и смеха работа успешно подвигалась вперед. К обеду все было закончено. На вычищенных площадях и улицах начался праздник. Народ вместе с красноармейцами праздновал избавление города от сил контрреволюции. Время приближалось к полуночи, а на улицах все еще слышались песни и звуки оркестров.

*

Уже несколько месяцев батарея стояла в поселке Биук-Онлар. Наряду с боевой подготовкой шла разносторонняя культурно-просветительная работа. В многочисленных кружках красноармейцы старались получить возможно больше знаний из других областей, желая выполнить наказ Ильича: «Учиться, учиться и учиться!» Все понимали, что для строительства новой жизни потребуется много знаний и умения.

Наступала весна 1921 года. Все жарче грело солнце. Быстро растаял тонкий слой снега. Вскоре ожила степь. Высоко в небо поднялись жаворонки. В садах, в скворечниках поселились скворцы.

Все больше зеленых участков появлялось на пригорках. И люди — жители степи — старались не отставать от природы. Впервые в истории трудовой народ Советской страны получил возможность работать на самого себя. Землеробы приводили в порядок сельскохозяйственные орудия, проверяли семена, готовили лошадей к пахоте. Все следовало сделать заранее, чтобы, как только земля подсохнет, тут же начать полевые работы. Первая борозда на своей земле должна была заложить твердую основу будущему благосостоянию.

Все внимательнее всматривались в окружающую природу сами батарейцы — исконные землепашцы. Отвоєванная собственной рукой земля и весна, заставлявшая все вокруг цвести, манили и их в родные места, где не были так давно.

Особенно опечаленными ходили батарейцы постарше, у кого дома остались жена и дети. В годы боев с контрреволюцией, они были вынуждены оставить свои семьи. А сейчас, когда война кончилась, тоска по родным стала особенно невыносимой.

Самым пожилым у нас был старшина батареи коммунист Приходько. На фронте он провел всю империалистическую и всю гражданскую войну. В Курской губернии у него остались жена и пятеро детей. Он очень тосковал по ним.

И как раз вскоре пришел приказ о демобилизации старших по возрасту красноармейцев.

Через несколько дней Приходько вместе с другими бойцами его возраста уехал домой, увозя с собой приветы более молодых боевых товарищей, их обещание стоять на страже Советской страны, чтобы никто никогда не смог вырвать у трудящихся завоеванную в трудных и кровопролитных боях победу.

Часть третья
ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ
1 ДЕКАБРЯ 1924 ГОДА

ПО ЗОВУ ПАРТИИ

Темная ночь 28 ноября 1924 года. Плотной черной пеленой она окутала все вокруг. Бесперывно шел холодный дождь. Земля становилась все более мягкой и скользкой, что сильно затрудняло передвижение по дорогам и тропинкам. Без острой необходимости ни один человек не покинет в такую ночь теплый очаг, не уйдет из-под крыши над головой. Только яростные порывы ветра да однообразный шум дождя были слышны в темноте. Казалось, вокруг нет ни одной живой души.

На самом деле это было не так. Через окраины нарвского Ивангорода куда-то спешила группа мужчин, судя по одежде лесных рабочих. Для запоздалых путников как будто не существовало липучей грязи на немощенной улице, их, казалось, не беспокоила пронизывающая до мозга костей отвратительная сырость. Отблески света, которые были ярче над центром города и затухали в Петровском предместье, становились все ближе. Мужчины прибавили шаг. Они еще сегодня должны поспеть к новому месту работы.

Наконец, путники добрались до вокзала. Взгляд, брошенный на круглые стенные часы в зале ожидания, сразу же поднес им неприятный сюрприз: поезд на Таллин ушел несколько минут тому назад! Проклинали, главным образом, серебряные часы старого морского волка Кусти, доставшиеся ему в наследство от дедушки и служившие единственным указателем времени всей группе. Этот самый точный, если верить словам его обладателя, хронометр всех морей и океанов врал безбожно. Поскольку следующий поезд Нарва—Таллин отправлялся почти через шестнадцать часов, нужно было решать, где и как провести предстоящий день. В данном случае это имело немаловажное значение, так как имена четверых из пяти ничем неприметных «лесорубов» — моряка Кусти, ткачей Яака и Карла и механика Пеэтера — значились в длинном списке разыскиваемых буржуазной охранкой рабочих-активистов. Пятым в группе был автор этих воспоминаний.

Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии поручил нам пробраться в Таллин. Очевидно, это было связано с тем, что подготовка вооруженного восстания эстонского пролетариата вступила в решающий этап. Действовать нужно было осторожно. Поэтому мы не рисковали днем показываться в горо-

де, а направились вскоре по дороге, идущей вдоль железнодорожного полотна, в сторону станции Аувере. Километров через десять мы свернули в лес, отыскивали подходящее место для привала, с большим трудом развели на мокрой земле костер и уселись вокруг него. Сапоги слегка подсохли у огня, одежда же, насквозь мокрая, становилась все тяжелее...

Наученные горьким опытом утренней неудачи, вечером мы заблаговременно отправились в путь. Теперь целью нас, «лесных рабочих», была станция Аувере. Шли поодиночке. В помещении станции мы все уселись отдельно, делая вид, что не знаем друг друга. Но в случае, если к кому-нибудь вдруг прицепилась бы полиция, остальные должны были немедленно вмешаться и во что бы то ни стало выручить товарища. А затем все вместе растворились бы в темноте, укрывшись в ближайшем лесу.

На станции нам пришлось ждать поезда еще два часа. Покурили, подремали. В поезде сели в один вагон, но и там продолжали делать вид, что незнакомы друг с другом. Утром 29 ноября, в начале восьмого, мы прибыли в Таллин, на Балтийский вокзал.

В соответствии с инструкцией пятерка направилась на улицу Сья, дом № 2.

— Здравствуйте! Мы слышали, что вы сдаете квартиру! — произнес Кусти слова пароля.

— Да-да, сдаем! Присаживайтесь, договоримся об условиях, — ответил нам человек средних лет, в котором я быстро узнал члена нелегальной Компартии Эстонии Рейнвальда. Итак, мы в правильном месте! Но долго сидеть и говорить не пришлось. Рейнвальд отвел Пеэтера, Яака и меня в дом № 1 на противоположной стороне улицы, в квартиру на втором этаже, куда через несколько минут пришел еще один, незнакомый нам товарищ. С ним я пошел дальше в город. По дороге мы познакомились. Моим спутником оказался Георг Креукс. По именам мы давно знали друг друга, а вот встретились впервые. Свернув на улицу Лай, мы через подворотню вошли в хмурый двор старого дома и спустились в полуподвал, в квартиру какого-то сапожника. Мастер как раз сидел в передней комнате за своим рабочим столом и прибывал к сапогу подметку. Почти посередине комнату перегораживала прикрепленная к потолку занавеска.

— Здорово, мастер! — сказал Креукс. — Вот принес тебе работу. Их надо бы немножко подбить, — и он указал на мои сапоги.

Мое удивление вмиг рассеялось, когда сапожник, больше разглядывавший меня, чем сапоги, наконец, встал и, подняв занавеску, сказал, обращаясь ко мне:

— Входи и чувствуй себя здесь как дома.

Я вошел за занавеску. Там находилась маленькая плита и напротив нее, у стены, простая кровать. Стянув с себя сапоги и поставив их на плиту сушиться, я лег на кровать и мгновенно заснул.

ПОДГОТОВКА К ВЫСТУПЛЕНИЮ

Вдруг я почувствовал сквозь сон, что кто-то сильно трясет за плечо.

— Артур, проснись!

Я вскочил.

— Пауль!

У кровати стоял мой старый друг, коммунист с 1918 года Пауль Лезвальд, которого я не видел несколько лет. Обрадованный нашей неожиданной встречей, я внимательно разглядывал его. Как всегда, серые глаза Пауля выражали полное спокойствие. Каждая черта его энергичного лица, уверенные движения говорили о железной воле борца, которого на пути к конечной цели не остановят никакие трудности.

— Ну, ладно, друг, — улыбнулся Пауль. — О себе и о своей жизни мы еще наговоримся. Мы с тобой теперь соседи по квартире. А сейчас поговорим немножко о делах. Как ты знаешь, Коммунистическая партия Эстонии формирует вооруженные боевые отряды. И именно поэтому тебя прислали в Таллин. Центральный Комитет решил в самое ближайшее время двинуть свои силы на вооруженное восстание против власти буржуазии. Симпатии самых широких масс трудящихся в городе и в деревне на стороне нашей партии. Но пока народ стоит с голыми руками против вооруженной до зубов буржуазии. Поэтому, самый главный вопрос сейчас — это любыми путями достать оружие. Его нужно много. А мы сейчас можем вооружить, в лучшем случае, только ударные группы. Следовательно, ударные группы должны одновременно с разгромом буржуазных органов обороны захватить все склады оружия. Только в том случае, если рабочие получат оружие, мы можем быть уверены в успехе.

Пауль встал, прошелся несколько раз по комнате, потом остановился передо мной и сказал:

— Тебе, Артур, поручено принять участие в штурме объединенных учебных заведений сил обороны в Тонди. Это один из важнейших объектов, так как там находятся крупные склады оружия, а курсанты училища в подавляющем большинстве сынок буржуев и кулаков — самая прочная опора нынешней власти. Если в самом начале вывести их из игры, это в значительной степени облегчит дальнейший ход восстания. Боевой отряд, который будет действовать в Тонди, мы формируем в основном из молодых, физически крепких рабочих-спортсменов, членов общества «Спартак». Твоя задача, как старого артиллериста, сразу же после захвата военного училища сформировать нашу первую артиллерийскую батарею или, в крайнем случае, привести в боевую готовность хотя бы одно орудие. Оно может очень понадобиться...

Было уже за полдень, когда мы с Паулем вышли на Ратушную площадь, сели там на извозчика и доехали по Пярну маантеэ до угла улицы Лийвалайа. Дальше наш путь лежал из одного маленького домика в другой, из квартиры одного рабочего в квартиру другого. Пауля повсюду встречали как хорошего знакомого. Он условливался о месте и времени предстоящей встречи, отдавал распоряжения. Обойдя таким образом несколько семей, мы вернулись в центр города. В тот же вечер, когда стемнело, мы с Паулем прогуливались недалеко от церкви Олевисте. Переходя из переулка в переулок, мы встречали там прогуливавшихся поодиночке или двое-трое товарищей, которым Пауль передавал приказ быть на следующий день вечером, в шесть часов, в определенном месте и ждать дальнейших указаний. Некоторые из тех, кого мы встречали, были одеты в форму военнослужащих буржуазной армии.

Утром 30 ноября Пауль один ушел в город. Вернувшись назад, он еще с порога окинул нас — хозяина конспиративной квартиры и меня — радостным взглядом, плотно затворил за собой дверь и сказал:

— Будьте готовы, товарищи! Военно-революционный комитет единогласно решил начать вооруженное восстание завтра, 1 декабря, в четверть шестого утра. Но прежде, — добавил он, — мы с тобой еще разок сходим в город.

На этот раз мы поехали с Ратушной площади на улицу Татари и снова посетили несколько семей рабочих, которым Пауль передал распоряжение явиться в места сбора уже сегодня вечером. Когда мы дошли до последней квартиры, Пауль попросил меня остаться там и ждать товарища, который проводит меня дальше.

— Здесь наши пути на время расходятся. Утром мы вступим в бой в разных местах. Так что до встречи завтра, после нашей победы перед дворцом Тоомпеа!

Последовало крепкое рукопожатие и Пауль ушел.

Не прошло и четверти часа, как в комнату вошел незнакомый молодой человек. Крепкое телосложение, твердая походка и энергичные движения с первого взгляда выдавали в нем спортсмена. Молодой человек посмотрел на меня, затем протянул руку и, широко улыбаясь, сказал без длинных предисловий:

— Привет, товарищ Артур! Меня зовут Матс. Завтра утром мы вместе будем решать одну и ту же задачу. Сейчас надо бы посоветоваться, как это лучше сделать.

Он сел и продолжил:

— Как ты знаешь, задача в том, чтобы захватить объединенные учебные заведения сил обороны. По имеющимся у нас данным, там в пяти казармах находится примерно полтысячи человек: двести пехотных и сто морских cadетов, около ста аспирантов, курсы повышения квалификации офицеров из сорока человек и, наконец, команда обеспечения примерно из шестидесяти

человек. Вот эту силу мы должны парализовать. Тогда в наших руках будут склады оружия, парк артиллерийских орудий, бронемашин и боеприпасы. Меня назначили комиссаром отправляющегося в Тонди боевого отряда. По составленному плану, мы собираемся окружить казармы и потребовать у курсантов безоговорочной капитуляции.

— А что вы собираетесь делать, если они не сдадутся?

— Тогда мы захватим их силой! — ответил Матс.

— В том, что на наш ультиматум ответят огнем, пожалуй, не стоит и сомневаться, — уверенно сказал я. — Так зачем же, вообще, тратить на это время? Фактор времени в любом бою играет весьма существенную роль, а в условиях восстания его значение особенно велико. Здесь нужно, в прямом смысле слова, мерить все на секунды! Удар восставших должен быть неожиданным, молниеносным. Поэтому я предлагаю сразу же ворваться в казармы и захватить для начала оружие, находящееся в руках курсантов. Безоружные курсанты будут нейтрализованы как боевая сила. Мы же, став хозяевами положения, сможем быстро организовать передачу в руки восставшего народа складов оружия и боеприпасов, парка орудий и бронемашин. Для доставки трофеев в город грузовики должны быть в Тонди не позднее 5.20. Внезапная операция потребует всего несколько минут, и мы, быстро освободившись, сможем заняться другими объектами.

Предложенный мною план, как единственно возможный в данной ситуации, и был положен в основу действия ударной группы.

Как только начало смеркаться, мы с Матсом направились на окраину города, на Кристинин луг, а оттуда пошли по дороге, ведущей в Лиллекюла. Здесь нам встречались с виду невинно прогуливающиеся в тихий воскресный вечер фабричные парни. Матс еще издала внимательно вглядывался в них и затем, узнав, словно мимоходом, скороговоркой сообщил следующее место сбора. Наконец, мы свернули с большой дороги и вскоре дошли до оврага, на краю которого сидели два человека. Каково же было мое удивление, когда я узнал в них своих попутчиков — Яака и Пеэтера. Матс сказал мне, чтобы я оставался с ними, а сам исчез куда-то.

Минут через десять со стороны города появилась группа из шести человек. Поравнявшись с нами, они остановились на противоположной стороне оврага. У одного из них на плече висела гармошка, и вообще вся компания оставляла впечатление людей, собравшихся на гулянку. Я напряг зрение, но так и не смог никого узнать из вновь прибывших. В этот момент гармонист сказал:

— Артур, прыгай через овраг!

Убедившись, что это свои, я перепрыгнул овраг и подошел к

«гармонисту», который передал свой инструмент одному из товарищей.

— Неужели товарищ Анвельт?

— Да, сегодня нам скрываться незачем, — ответил Анвельт. Затем он обратился к своим товарищам: — Знакомьтесь: товарищи Артур, Яак и Пеэтер.

Затем Анвельт, которого между собой звали «Старым Яаном», повел нас всех вдоль края оврага влево. Выйдя на дорогу, мы вскоре еще раз свернули вправо и подошли к какому-то одному кому домику. Вслед за Старым Яаном все вошли в помещение.

Хозяева домика с удивлением и явным беспокойством уставились на необычных гостей. Их беспокойство еще более усилилось, когда Старый Яан сказал:

— Именем Советской власти я объявляю этот дом собственностью народа!

Но заметив испуг на лице хозяина дома шорника Реймана, он добавил успокаивающим тоном:

— Это распоряжение действительно только в течение сегодняшней ночи, пока мы будем проводить здесь свое собрание. Но с этого момента и до окончания собрания никто не имеет права выходить из дома без разрешения.

Мне поручили организовать дежурство и охрану места собрания.

— Осторожность, — сказал Старый Яан, — здесь крайне необходима. Никто из нас не может быть на сто процентов уверен, что среди тех, кто придет сюда, не будет полицейского провокатора, которому каким-либо образом удалось проникнуть в нелегальную организацию нашей партии и который попытается раньше других выйти из дома, чтобы навести на нас полицию.

В сопровождении проводников стали собираться товарищи. Когда пришло уже человек двадцать, Старый Яан, обращаясь к ним, сказал:

— Товарищи, усаживайтесь и спокойно ждите. Часов в восемь — в девять, когда все соберутся, здесь состоится собрание, на котором вы узнаете, зачем вас собрали сегодня.

Он еще раз напомнил мне о необходимости соблюдать железную дисциплину и ушел. Товарищи продолжали собираться. Принесли еду: хлеб, булку, сыр, колбасу, папиросы. Прибыли и свертки с оружием. К девяти часам собралось пятьдесят четыре человека. Крошечные комнатки шорника Реймана были забиты до отказа. Гул стоял как в пчелином улье.

Но если смотреть снаружи, одиноко стоявший на лугу дом казался безжизненным. Окна его были плотно закрыты ставнями, и он полностью сливался с окружавшей темнотой.

Время шло. Стрелки показывали уже 22, затем 23 и, наконец, 24 часа, но никто из тех, кто должен проводить собрание, не появлялся. Бездеятельное ожидание стало уже надоедать. На лицах у некоторых можно было заметить первые признаки бес-

покойства. Один из товарищей взял меня за рукав, отвел в сени и прошептал:

— Несколько человек беспокойны, волнуются, не пронюхала ли чего полиция. Вечером некоторые вроде бы даже видели в городе больше полицейских, чем обычно. Другие утверждают, что полицейским выдали винтовки...

Что я мог ответить на эти подозрения? Центр молчал. Никто не появлялся, чтобы объяснить обстановку и рассказать о целях сбора. Чтобы успокоить собравшихся, я решил раскрыть свертки с оружием и раздать его товарищам. Тогда, в случае необходимости, каждый сам сможет себя защитить.

Прежде всего из свертков появились на свет около сорока немецких парабеллумов. Очевидно, это была частичка «наследства», которое германские оккупанты в 1918 году оставили эстонской буржуазии. Затем из свертков вынули пять винтовок русского образца времен мировой войны. Все они находились в разобранном виде и имели глубокие следы ржавчины. Единственным новым оружием оказался покрытый толстым слоем смазки ручной пулемет «Томсон» («Made in U. S. A.»). По всем признакам, это был один из многочисленных «подарков» американского «дяди» своим здешним лакеям. Теперь «Томсон» поступал на службу к эстонскому пролетариату. В свертках было еще несколько десятков сильно поржавевших ручных гранат всевозможных систем. В самом конце из свертков извлекли бутылки, заполненные взрывчатыми веществами и снабженные взрывателями. Эти мощные гранаты были изготовлены нелегальными пролетарскими пиротехниками.

Мы принялись приводить оружие в порядок. Возни с ним было немало. Детали винтовок и пистолетов сначала очищали от ржавчины, смазывали и затем собирали. Нарезные отверстия для взрывателей ручных гранат оказались целиком забитыми ржавчиной. Их прочистили остриями ножей и ввинтили взрыватели. По ходу работы я давал указания по обращению с оружием. Примерно к двум часам ночи эту работу закончили и каждый получил в свое распоряжение какое-нибудь оружие. Но из бойцов отряда не знал, где располагается центр, то попытаться самим запросить инструкции мы не имели возможности. Нужно было просто ждать.

Поскольку я не успел отдохнуть после недавнего трудного пути, усталость все больше овладевала мной. Передав обязанности дежурного коменданта Пеэтеру, который пообещал разбудить меня в случае необходимости, я лег на пол под кухонным столом и мгновенно заснул.

ВОССТАНИЕ

Меня разбудил отчаянный топот десятков ног и возбужденные голоса товарищей. Я быстро вылез из-под стола и сразу же увидел прибывших руководителей боевого отряда. Стрелки часов показывали три четверти пятого. Значит, до начала восстания осталось всего лишь полчаса. Времени для долгих рассуждений не имелось. Матс позвал всех в большую комнату и, попросив тишины, сообщил торжественным тоном:

— Товарищи! Военно-революционный комитет принял решение сегодня утром, в четверть шестого, начать свержение власти эксплуататоров в Эстонии! Вы, коммунисты, закаленные борьбой в подполье; представляете собой ядро восстания. Ваши первые успехи в вооруженном выступлении должны создать для широких масс пролетариата возможность включиться в борьбу. Военно-революционный комитет уверен, что вы в полную силу и со всей преданностью будете действовать на доверенном вам участке.

Какое-то мгновение над плотным строем мужчин царил тишина. Матс изучающим взглядом скользнул по их лицам и спросил:

— Готовы ли вы к борьбе?

— Готовы! — ответили все разом.

Коротко и точно изложив стоявшую перед нами задачу, командир отряда приказал:

— В шеренгу по двое становись!

Затем отряд разделили на две части. Первую половину отряда возглавили командир и комиссар. Они и идущие за ними шесть товарищей были одеты в форму офицеров буржуазной армии. В соответствии с планом, первая половина отряда должна была ворваться на второй этаж кадетской казармы и захватить его. Второй половине, во главе которой встал я, предстояло занять первый этаж той же казармы. Особой группе, состоявшей из трех человек, поручалось обезвредить в помещении казино дежурного офицера учебных заведений.

Быстрым шагом отряд двинулся прямо через луг к Тондскому военному училищу. Единственным препятствием на нашем пути оказалась колючая проволока, огораживавшая территорию казармы. Кусачками в ней проделали широкий проход и боевой отряд стал приближаться к цели почти бегом. У казино от нас отделилась особая группа. Мы вошли в кадетскую казарму, чтобы начать выполнение своего задания. Но, к несчастью, дневальный, находившийся в главном коридоре, заметил нас и побежал в спальные помещения первого этажа будить кадетов. В нарушение плана наших действий из головной группы за ним устремился комиссар Матс. Вслед за Матсом мимо лестницы, ведущей на

второй этаж, проскочила вся первая половина отряда. Но когда дневальный упал, продырявленный выстрелами из пистолета прямо на пороге спальных помещений, все повернули назад и, тем самым, образовали пробку в коридоре. Навстречу им напирали бойцы второй половины отряда, которые-то и должны были действовать на первом этаже. А первая половина стала пробираться к лестницам, ведущим на второй этаж. Большинство бойцов второй половины отряда не знало, почему все перемешалось и пошло не по плану, не догадывалось о причинах, вызвавших незапланированную стрельбу.

То и дело были слышны одни и те же вопросы:

— Что произошло?

— Почему стреляли?

— Кто стрелял?

Как наводнение, сметающее на своем пути все дамбы, бойцы, наконец, ворвались в спальные помещения нижнего этажа. Ружейные пирамиды у стены стояли нетронутыми. Испуганные кадеты были не способны оказать какое-либо сопротивление. Дрожая от страха, часть их залезла под кровати. Некоторые прямо в нижнем белье попрыгали в окна. Большинству же было приказано лежать на своих местах.

Успех окрылил нас, и малочисленный отряд тотчас же ринулся по лестнице на второй этаж. Два-три прыжка и мы наверху. Убрав из нижнего помещения все оружие и оставив безоружных кадетов под охраной нескольких бойцов, остальные товарищи, и среди них комиссар Матс, устремились следом за нами. В двери спального помещения второго этажа появились два офицера. Матс выстрелил. Один упал, второй рванулся обратно за дверь. Пеэтер почти схватил его сзади за френч, но тут из глубины помещения прогремел винтовочный залп. Отовсюду полетели штукатурка и осколки кирпича. Винтовка Пеэтера упала на каменный пол, а он сам повалился на спину и раскинул руки.

В полуоткрытую дверь спального помещения казармы влетела ручная граната. За ней последовали еще три-четыре гранаты. В ответ прогремел новый залп. На пол упал еще один наш товарищ. Остальные спрятались за выступами каменных стен.

— Подожди-ка, я кину им штуку по сильнее! — сказал Матс и швырнул в дверь уже знакомую нам бутылку со взрывчатой смесью. Она взорвалась с адским грохотом. Взрывом вышибло дверь. Чуть позже Матс получил ранение.

Прибежал посланный с первого этажа боец. Он сообщил, что по черной лестнице группа кадетов спустилась со второго этажа и теперь держит под обстрелом главный коридор. У наших товарищей патроны на исходе, и они собираются оставить казарму. Делать нечего — именно минуты промедления в начале операции решили теперь исход дела в пользу врага. Кадеты, находившиеся на втором этаже казармы, успели собраться, а отчаянная стрельба послужила причиной общей тревоги во всех корпусах

военного училища. Сложившееся соотношение сил больше не оставляло надежды на успех...

Поскольку главный вход находился под обстрелом кадетов, оставалась только одна возможность уйти — окно. Мы влезли на подоконник и через мгновение находились во дворе. Под огнем кадетов мы зигзагами побежали по знакомому пути к проходу в проволочных заграждениях. Вокруг нас жужжали пули.

Мы уже были совсем близко от проволочного забора, когда вдруг свалился Яак. Я тоже упал на землю, подполз к нему и закричал:

— Давай, Яак, поднажмем! Здесь еще рано переводить дух. Они могут догнать нас. Вставай, побежали!

Но Яак молчал. Я подполз к нему еще ближе и увидел, что он убит...

Мне показалось, что вокруг все стихло, не слышно больше ни треска выстрелов, ни свиста пуль.

— Прощай, товарищ! — прошептал я и оглянулся. Между казарменными постройками в тусклом свете металась человеческие тени, доносились приказы. Офицеры буржуазной армии наводили порядок среди охваченных паникой кадетов.

Я взял винтовку Яака. В ней оставалось еще три патрона. Недолго думая, я прицелился в сторону казарм и нажал на курок.

— Получайте за Яака.

— Это за Пеэтера! — сказал я после второго выстрела. Последний патрон я положил в карман и побежал вперед. Сзади вновь раздались выстрелы, но ночная темнота скрыла меня от глаз врага.

Я быстро дошел до железной дороги. Вдоль нее можно было, не петляя по темным улицам, безошибочно добраться до Балтийского вокзала, находившегося почти в центре города. Чем ближе я подходил туда, тем яснее слышалась стрельба. Сквозь утренний полумрак стали видны вокзальные постройки... Я уже различал стрелявших из-за укрытий людей. Стало быть, бой за Балтийский вокзал еще был в полном разгаре. Мне издали показался знакомым рослый человек, лежавший с винтовкой в руках на перроне.

— Бог в помощь, Кусти! — крикнул я, подползая к другу.

— А с какого неба ты сюда свалился? — удивился «морской волк», не сводя глаз с привокзальной площади.

— Да вот пришел на вас посмотреть...

— К сожалению, хвалиться пока нечем, — сказал Кусти. — Чтобы избежать окружения, нам пришлось с Тоомпеа отступить сюда. Мы отбили уже несколько атак на вокзал. Ждем подкрепления. Отряд, действующий в Тонди, скоро должен прибыть сюда, тогда сразу поднимемся в атаку. Слушай, а ты разве не должен был идти в Тонди? Как это ты вдруг попал сюда?!

В это время на площади появился броневик, остановился пе-

ред вокзалом и дал несколько очередей из пулемета. Из парка на противоположной стороне площади появилась цепь солдат. Они то бежали, то падали на землю, опять вставали и снова бежали. Защитники вокзала вели по ним беспорядочный огонь.

— Черт побери! Это же тондиские кадеты, — удивленно проговорил Кусти. — Как они сюда попали?

В цепи атакующих на ноги вскочил офицер, и до нас долетел его голос:

— За мной — в атаку!

Кусти выстрелил. Офицер рухнул на мостовую. Кусти выстрелил еще пару раз.

Я заметил, как ствол пулемета на бронемашине повернулся в нашу сторону. Я крикнул:

— Кусти!

Но мой голос заглушила очередь, и по лбу моего боевого товарища, отважного моряка Кусти потекла темно-красная струйка крови...

Через некоторое время группе солдат удалось ворваться в здание вокзала. Я видел, как оттуда выбежало несколько человек в штатском. Это были последние защитники вокзала. Затем я услышал крик:

— Быстро в разные стороны!

Времени на размышление больше не было. В несколько прыжков я оказался между стоявшими на запасных путях вагонами.

Стало ясно, что восстание провалилось...

4

ОТСТУПЛЕНИЕ

Стрелки часов перевалили за девять. Было уже совсем светло. Еще издали можно было разглядеть каждого идущего. Враг повсюду искал участников восстания, пытаясь схватить их всех до единого. Первойшей задачей оставшихся в живых стал немедленный уход в подполье. Проходя мимо пустого товарного вагона, я бросил туда свою винтовку. В данной ситуации она оказалась ненужной. В карманах лежали еще три ручные гранаты и парабеллум примерно с сотней патронов. Для самообороны этого было достаточно.

Но куда идти? Где найти надежное укрытие?

Дорога через луг вела в Штромский лес. Может быть туда? Но долго ли там просидишь?

На случайные прибежища в городе рассчитывать нельзя. Первая такая попытка могла бы оказаться роковой. Единственными

возможными укрытиями, пожалуй, были квартиры в домах № 1 и № 2 по улице Сья. После прибытия в Таллин я провел там всего несколько минут.

«Да, туда и пойду, по крайней мере, отсижусь там до темноты», — твердо решил я и прибавил шагу. Но на улицу Сья я не попал: в конце улицы Вольта полицейский патруль проверял документы и обыскивал прохожих. В то же время по улице Копли со стороны города в сопровождении офицерской цепи двигалась бронемашина. Время от времени броневик останавливался, офицеры проверяли документы и карманы у каждого встречного.

Шедшие в город автобусы тоже останавливались. Пассажирам приказывали выйти. Таким образом, пробраться сквозь это частое полицейское решето было невозможно. Я повернул назад и пошел в сторону оконечности полуострова. У «Балтийской мануфактуры» небольшая кучка людей читала какое-то объявление. Я подошел к ним. На заборе фабрики была наклеена листовка нашей партии. В ней объяснялся смысл происходящих событий, выражался призыв к таллинским рабочим принять активное участие в свержении буржуазной власти.

Вдруг откуда-то появились трое мужчин. Они поспешно сорвали с забора воззвание.

— А знаете, как все происходило на самом деле? — спросил один из них, в то время как другие беспокойно оглядывались по сторонам. — Утром на Балтийский вокзал прибыл поезд, состоявший из опломбированных вагонов. Не успел он остановиться, как оттуда выскочили до зубов вооруженные головорезы и захватили вокзал в свои руки. Поезд этот пришел из России и привез он не то русских, не то китайцев, которых Москва прислала захватить всю нашу республику...

— Можете не ухмыляться! — вдруг, разозлившись, закричал один из пришедших, заметив на чьем-то лице усмешку. — Сегодня же ваше коплиское красное змеиное гнездо разнесут к чертовой матери!

Я пошел дальше, решив зайти в какой-нибудь двор и там переждать, пока проедет бронемашина. Но в это время из двора ближайшего дома вышла группа полицейских. Едва передвигая ноги, между ними ковылял человек в штатском, с разбитым в кровь лицом. Я остановился как вкопанный. Это был мой попутчик Карл. На мгновение наши взгляды встретились, затем Карл снова опустил голову.

Я еще крепче сжал в кармане рукоятку пистолета. Меня так и подмывало вмешаться. Но я понял, что не смогу помочь товарищу, попавшему в руки полиции.

Итак, ближайшие дома и дворы тоже обыскивают. Куда же податься? — спрашиваю я себя. — Может все-таки было бы правильнее пустить в ход гранаты? Вступить в последний бой и получить ответы на все вопросы? Пальцы нащупали холодный, шершавый металл гранат...

Нет, — тут же подумал я, — нужно найти другой выход!

Дойдя до следующего переулочка, я свернул туда и направился к железной дороге. Быстрой походкой делового человека, спешившего на службу, я зашагал вдоль железнодорожных путей обратно в город. Где-то в районе улицы Гранейди я заметил в заборе, отделявшем железную дорогу от улицы Копли, открытую калитку. Путь на улицу Сья свободен!

На Сья я быстро вошел в знакомый дом № 1, поднялся на второй этаж и постучал в дверь квартиры. Никто не ответил. Я постучал еще раз. По-прежнему молчание. Дернул ручку. Дверь была заперта. Я уже собирался уходить, как из соседней квартиры вышла пожилая женщина. Она посмотрела на меня добрым и в то же время грустным взглядом, молча сделала несколько шагов в мою сторону и сказала:

— Там сейчас никого нет дома. Хозяйка пошла в порт, к мужу — посмотреть, жив ли он после всей этой стрельбы. Приходите чуть-чуть позже.

Я направился через улицу в дом № 2 к Рейнвальду. Он входил в боевой отряд, действовавший на Тоомпеа. Меня встретила его озабоченная супруга. Он еще не появлялся дома. Вскоре туда пришла и жена портового рабочего из дома напротив. К моим планам покинуть Таллин обе женщины отнеслись неодобрительно, утверждая, что это сейчас гораздо опаснее, чем отсидеться где-нибудь в городе.

Через полчаса мне сказали, что в сумерках я должен пойти на улицу Уус-Каламая, дом 13 в квартиру номер 1, где на мой пароль «Я очень устал!» ответят: «Сядьте и отдохните!»

Вечером я направился по названному адресу. Из семьи в пять человек дома находились только хозяйка и ее четырнадцатилетний сын, трое остальных — муж и два старших сына — сидели в буржуазной тюрьме по политическим мотивам. Поэтому скрываться здесь было опасно.

Вскоре в квартиру вошла молоденькая девушка. Остановившись у двери, она разглядывала меня с видимым любопытством. Наши взгляды встретились, но она не опустила глаз. По ее решительному выражению лица я понял, что на девушку можно положиться.

— Подойди ближе, Тофийле. Вот товарищ, которого ты должна на некоторое время спрятать у себя, — подозвала девушку хозяйка квартиры.

Я встал и представился.

— Не теряйте времени, — беспокоилась хозяйка, — отправляйтесь сейчас же. В случае необходимости, Артур, вы найдете меня через Тофийле. Счастливо вам!

Я взял девушку под руку, и мы направлись на улицу Сья. Дойдя до дома № 15 (теперь 25), Тофийле сказала мне, чтобы я

прошел во двор через коридор, а сама прошла через ворота. В темном дворе мы снова встретились, и меня провели в квартиру в подвальном этаже. Кроме Тофийле здесь жили ее десятилетний брат Освальд и отец — Якоб Синка, который сразу же принялся расспрашивать меня о подробностях восстания.

— Да, — печально произнес он. — Утром, когда в городе началась стрельба, я уж думал, что теперь, наконец, мы станем хозяевами своей жизни. Когда бой шел на Балтийском вокзале, мы прекратили работу. У всех руки так и чесались, ноги просились на улицу. Один фабричный прибежал к нам с известием, что скоро будут оружие раздавать. Ждали, ждали — и ничего. А с голыми руками против винтовки не пойдешь... Наверно, теперь наша жизнь станет еще труднее. Но мы, трудящиеся, отчасти сами виноваты в своих бедах, так как не было у нас единства в борьбе. Один сражается, а другой только затылок чешет и надеется неизвестно на какое чудо. Часто не узнаем своих действительных друзей и позволяем врагу провести себя за нос. За примерами не надо ходить далеко. Здесь, рядом с нами, в подвале, живет один старый ночной сторож со своей женой, продавщицей газет, и дочерью. Они — люди труда, но в то же время против коммунистов. Сторож думает, что с приходом власти трудящихся ему больше нечего будет охранять и он останется без работы. Жена боится, что останется без хлеба, когда закроют буржуазные газеты. Таких людей немало, и среди них предстоит вести большую разъяснительную работу. Только тогда мы сможем одержать уверенную победу.

Мы легли спать. В задней комнате улеглись папаша Якоб, Освальд и я, в передней комнате на раскладушке — Тофийле. Я быстро заснул. Уснули Освальд и Тофийле. Не спалось только хозяину.

Вдруг до его ушей донесся тяжелый топот ног. Он внимательно прислушался. По крайней мере с десятков человек вошли в находившуюся во дворе прачечную. Загремели корыта и треноги. Кто-то грубо выругался.

— Куда же он, черт побери, делся? — спросил чей-то хриплый голос. — Ведь люди-то видели, как он вечером пришел сюда.

— А может быть он в подвале?

С шумом спустились в подвал. Якоб затаил дыхание. Обыскивали дровяные сараи.

— Никого. Куда же он делся? Черт бы тебя побрал, может ты набрехал нам?

— Честное слово, — пропищал испуганный голос, — это был Михкель Пент! Своими глазами видел, как он прошмыгнул в дом.

Послышались удары в дверь соседней квартиры.

— Открывай немедленно!

— Был сегодня здесь Михкель Пент?

— Не был. У нас сегодня никого не было, — ответила продавщица газет дрожащим от волнения голосом.

— Ладно, мамаша, дай-ка мы лучше проверим!

Послышался грохот, очевидно, отодвигали шкаф.

— Ну, не сквозь землю же он провалился. Нужно еще поискать!

Теперь шаги подошли к двери квартиры Якоба.

— Посвети! Это что еще за дверь? О, да здесь же живет Синка. Он такими делами не занимается, — сказал чей-то осипший голос. — Пошли дальше...

Я отлично выспался и утром с трудом верил рассказу Якоба о ночном происшествии.

*

С каждым днем я узнавал все больше подробностей о восстании 1 декабря 1924 года. Отряд, которому было поручено захватить дворец Тоомпеа, быстро справился со своей задачей. Вторая группа восставших ворвалась в дом государственного старосты Карла Акеля. Он убежал в задние комнаты, запирая за собой по очереди все двери, а его адъютант в одном нижнем белье выпрыгнул в окно и удрал.

Около шести часов утра другой боевой отряд захватил военный аэродром на Ласнамяги. Часть солдат авиадивизиона вместе с начальником караула присоединилась к восставшим. Были захвачены Балтийский вокзал, железнодорожная станция Таллин-Вяйке, главный почтамт, центральный телеграф, почти все полицейские участки. Поначалу успешно развивалась атака и на автотанковый дивизион. Под командованием участника восстания, унтер-офицера 2-й танковой роты Лооренца, был захвачен гараж, но из-за предательства вывести танки на улицу не удалось.

Неудачи последовали в нескольких пунктах, захват которых имел определяющее значение. Сорвалась попытка захватить учебные заведения буржуазной армии в Тонди. Не удалось захватить военное министерство, главный штаб «кайтселийта» и казармы конного резерва полиции. Непростительную ошибку допустила партийная организация 10-го пехотного полка, своей пассивностью дав возможность разоружить солдат. Все это в конечном итоге решило судьбу восстания.

Восставшие отступили, ушли в глубокое подполье. Буржуазия начала охоту на них сразу же, как только немного оправилась от пережитого ужаса. Начались кровавая оргия, массовые аресты, бесконечные обыски. День и ночь работали полевые суды. Точнее, это были не суды, а сборища палачей, выносивших только смертные приговоры. Машина за машиной вывозили со двора таллинской комендатуры трупы казненных там людей.

Между бывшими участниками восстания и преследовавшими их полицейскими время от времени завязывались жестокие схватки. 5 декабря буржуазные газеты сообщили, например, о таком

столкновении в Иру, в десяти километрах от Таллина. В течение девяти часов 45 вооруженных винтовками и пулеметами полицейских безуспешно штурмовали дом мелкого чиновника Густава Тупси, в котором нашли убежище коммунист Арнольд Sommerling и двое его товарищей. Спротивление не прекращалось до тех пор, пока последний герой не пал в неравном бою.

*

Я скрывался уже десять дней. Моя жизнь приобрела строгую размеренность. Каждое утро к восьми часам хозяин квартиры уходил к себе на стройку, откуда возвращался в четыре часа дня. У Освальда занятия в школе начинались в час дня. Все заботы по дому: уборка, приготовление пищи и прочее — лежали на шестнадцатилетней Тофийле. Несмотря на свою молодость, она уже была сознательным политическим борцом. Она часто приносила мне почитать нелегальную коммунистическую литературу. Тофийле нисколько не пугало мое нахождение в их доме, хотя приказы кровавого генерала Лайдонера грозили, что «суровая рука закона покарает не только тех, кто бунтовал против существующего государственного строя, но точно так же... и тех, кто скрывает бунтовщиков от рук правосудия».

Как я убедился, Якоб Синка был активным революционером с большим стажем. Но об этом не мог догадываться ни один посторонний человек, так как Якоб выполнял особые задания. Законспирирован он был великолепно, и это лишний раз подтвердило поведение полицейских у его двери в ночь на 2 декабря. В глазах всех жильцов папаша Синка оставлял впечатление человека, не интересующегося политикой. Они были убеждены, что Якоба занимают только будничные заботы о своих детях и себе. Он казался им старым пнем, которому безразличны судьбы человечества...

Я постепенно стал привыкать к своему положению. В то время, как буржуазная полиция и «кайтселийт» день и ночь проводили обыски в квартирах рабочих Таллина и других городов и поселков Эстонии, когда полевые суды непрерывно выносили смертные приговоры лучшим сыновьям и дочерям рабочего класса, только укрывшись в надежном месте можно было сохранить свою жизнь для дальнейшей борьбы.

Но вскоре и мое, казалось бы, спокойное житье-бытье было потревожено. Не успел Освальд уйти в школу в полдень 11 декабря, как в дверь нашей квартиры постучали. Я тут же спрятался, сев на ящик между высокой деревянной спинкой кровати и стеной. Сверху Тофийле накрыла меня чем-то из одежды. Спереди кровать загораживалась ширмой. В таком положении были видны только мои ноги, да и то, если специально заглядывать под кровать.

Вошла семнадцатилетняя дочка продавщицы газет Арманда, девушка крайне живого и веселого нрава. Ее болтовне и залихватому смеху, казалось, не будет конца.

Гостья, то и дело заглядывая во все уголки, неожиданно вошла в заднюю комнату и прежде чем Тофийле успела помешать ей, испуганно закричала:

— Ой! Под кроватью ноги какого-то мужчины! Там кто-то прячется!

Нелепая случайность неожиданно осложнила мое положение. Арманда и ее мать продавали газеты на углу улиц Гиргенсони и Сья, недалеко от располагавшегося там полицейского поста. Через них полиция могла случайно прослышать о таинственных мужских ногах под кроватью в квартире Синка и прийти поинтересоваться, кому они принадлежат. Нужно было срочно найти какой-то выход из положения...

Когда Арманда через некоторое время вновь пришла, она увидела меня стоявшим посреди комнаты.

— Знакомьтесь, это — Волли, мой двоюродный брат из Тапа, — представила меня Тофийле.

Арманда вскоре ушла. Чуть позже ушла и Тофийле. Вернувшись уже к вечеру, она успокоила любопытную соседку, сказав, что ходила провожать Волли на поезд.

— Он уехал домой.

Более пяти часов, пока не вернулся папаша Синка, я тихо как мышь, просидел в дровяном сарае. Вечером мы обсуждали, что же предпринять. Якоб имел связь с подпольем только через женщину на улице Уус-Каламая 13. Но поскольку та уехала куда-то и должна была вернуться не раньше, чем через три-четыре дня, я решил сам поискать себе новое убежище. У меня появилась мысль поехать в Тарту, где жили мои родители. Этот шаг был далеко не безопасным, так как родители трех коммунистов находились под постоянным надзором полиции и мое появление могло быть сразу же замечено. Но в данный момент это казалось мне все-таки надежнее, чем дальнейшее пребывание в Таллине. Кроме того, я надеялся таким образом приблизиться к восточной границе, чтобы при первой же возможности вернуться в Советскую страну.

*

В вечерних сумерках 13 декабря я отправился на Балтийский вокзал, чтобы сесть там на рижский поезд. Купив билет, я решил сразу же занять место в вагоне. Но не тут-то было — поезд вообще еще не подали! В здании вокзала и на перроне я заметил на редкость много по-господски одетых людей. Вдруг духовой оркестр заиграл гимн буржуазной Эстонии. Что же здесь происходит? Вокруг меня все сняли шапки, я тоже был вынужден

зажать в руке свою ушанку, а перед глазами в это же время возникла занятная картинка из прошлого.

Жаркий летний день 1915 года. Базарная площадь в Вильянди. Ослепительно блестят медные духовые инструменты военного оркестра. Напротив оркестра выстроились новобранцы — свежее пополнение истекающей кровью царской армии. Унылые лица отправляющихся на бойню. У ног стоят солдатские рундучки, а чуть поодаль, на тротуаре и булыжной мостовой, толпятся провожающие — родственники, близкие, знакомые. И я пока нахожусь в толпе провожающих, до дня моего призыва еще две недели... Все ждут начальства... Вдруг оркестр грянул гимн царской империи. Я так разомлел от жары, что поленился снять свою соломенную шляпу. В одно мгновение я увидел ее прыгающей по булыжнику и почувствовал боль в затылке. Рядом со мной стояла хмурая фигура жандарма огромного роста...

Оторвавшись от воспоминаний, я стал разглядывать парадную картину. Два оркестра. Почетный караул. Полицейские. Вышие военачальники эстонской и латвийской буржуазных армий. Штатские господа. Очевидно, провожали какую-то латвийскую делегацию. Ехать с ней в одном поезде, — думал я, — или совершенно безопасно или крайне рискованно. Но третьего пути у меня не было. Приходилось рисковать.

Поезд подошел к платформе, и я быстро вошел в вагон. Выбрал себе место у окна во втором купе, сев лицом к двери вагона. Вооружен я был по-прежнему: во внутреннем кармане пальто — парабеллум, в боковых карманах — три ручных гранаты. Имевшееся у меня удостоверение личности на имя Вольдемара Тынтса было уже недействительным, так как согласно приказу генерала Лайдонера с 5 декабря 1924 года все граждане буржуазной Эстонии обязаны перерегистрировать себя по месту постоянного жительства или же немедленно встать на учет (в течение двух часов) в пунктах временного пребывания. В моем паспорте соответствующей отметки не имелось. Но зато рычаг аварийной остановки поезда, находившийся в купе, мог здорово помочь мне: молниеносно рвануть его и, добежав до подножки вагона, прыгнуть в темноту...

Купе постепенно заполнялось пассажирами. Напротив меня, у окна, сел средних лет упитанный человек, в овечьей ушанке, добротном овчинном полушубке, обшитом сверху зеленоватой материей, и в новеньких хромовых сапогах. Очевидно, кулак. Рядом со мной занял место молодой человек в поношенной, но чистой городской одежде. Мое внимание привлекли его крепкие рабочие руки и белоснежный твердый воротничок, в котором его обладатель чувствовал себя, как видно, не слишком свободно. Кто он был — мелкий чиновник, вышедший из рядов пролетариата интеллигент? Громко болтая между собой, в купе ввалились два господина, длинный и короткий, с довольно-таки блеклыми лицами и пузатыми чемоданами в руках. Или адвокаты,

или спекулянты, — подумал я. Последнее свободное место занял солдат авиационных частей с подвязанной рукой. Это был поистине беспокойный попутчик! Он без конца ерзал на сиденьи, то и дело ощупывал здоровой рукой карманы шинели и гимнастерки, его горячечные глаза беспокойно бегали.

Оркестры на перроне заиграли прощальный марш. Гудок паровоза, и мы, наконец, едем. Шумный вокзал с обилием провожавших вскоре остался позади. В вагоне царила тишина. И очень кстати: я как раз собирался подремать. Но кулак, словно назло, решил связать разговор.

— Да-а, смотри, какую честь оказали латышам, — произнес он. — Раньше вроде говорили, что наши правительства не ладят между собой, а теперь рижских послов даже двумя оркестрами провожают, да еще комендантскую роту выстроили и важные государственные чиновники пришли.

— Что правда, то правда, — согласился длинный спекулянт. — Но коммунисты — наши общие враги, и для борьбы с ними мы должны держаться вместе. Офицеры латвийского генерального штаба приезжали, чтобы поздравить нас с успешным подавлением попытки красного мятежа и вручить руководителям нашего государства латышские ордена.

После минутного молчания кулак продолжал:

— Уж сколько их перестреляли, в тюрьмы пересажали и ничего не помогает, все равно делают свое. Если бы им удалось захватить склады оружия, сейчас уж точно на Тоомпеа сидело бы правительство Анвельта.

— Да, наша государственная власть висела на волоске, — проговорил солдат и добавил гордым тоном, намекая на свою раненую руку: — Ценой своей крови ее защитили лучшие сыны отечества.

— Так, значит, и вы — один из наших спасителей!

— Герой! — воскликнули, перебивая друг друга, спекулянт и кулак.

— Ерунда, что теперь об этом говорить, — махнул рукой солдат. — За отечество я сражался!

— Вы, конечно, из состоятельной семьи? — осторожно спросил я.

— Вовсе нет, — ответил солдат. — Я из семьи батрака, и сам батрак. С детства надрывался на тяжелой работе у хозяина, и в будущем придется заниматься тем же. Но я не хочу сказать, что среди хозяев нет безрассудных или даже плохих людей. Но ты — свободный работник и можешь в любое время уйти от таких. А вот от отечества, земля которого полита твоим потом, так легко не откажешься.

Я сидел как на раскаленных углях и в мыслях кричал этому солдату: «За то, чтобы ты, батрак, сын батрака, стал истинным хозяином своей родины и шли бои 1 декабря! Мы с тобой вместе должны были сражаться против общего врага!»

— Никто из нас не пожалует ничего ради независимой Эстонии, — опять вступил в разговор длинный спекулянт. — Когда пробьет час, отдадим все, что у нас есть на алтарь отечества...

— Подумать только, — передернул плечами другой спекулянт, — коммунисты, из лап которых я еле вырвался в России три года тому назад, могли достать меня здесь! Между нами говоря, им не понравилось одно мое дельце. Я тогда был нэпманом и срок мне грозил солидный. В коммунистическом государстве все граждане живут на птичьих правах. Да-да, я жил там и видел все собственными глазами — законов нет, полиции нет, комиссары слонялись по улицам и для забавы убивали невинных людей, словно мух. Кровь рекой стекала в сточные канавы...

Я молчал, с трудом сдерживая себя, а мой молодой сосед осмелился усомниться:

— Как это возможно?

— Милый мой, — удивился спекулянт, — вы еще сомневаетесь?! Да подобные истории, одна страшней другой, можно услышать повсюду, и в газетах об этом часто пишут, и все это чистая правда. Вы не верите?.. А вы им случайно не сочувствуете, или боже упаси — может быть сами какой-нибудь мятежник?

Обстановка становилась опасной. Что будет, если они позовут полицейского проверить документы сомневающегося? Он непременно захочет увидеть и мои.

— Не беспокойтесь, — спокойно и, как мне показалось, со скрытой иронией сказал мой сосед. — Или вы сомневаетесь в способностях полиции нашей республики уничтожить бунтовщиков и упрятать за решетку сочувствующих им?

Этот ответ разрядил обстановку.

— Ну, конечно, — верноподданически добавил кулак, — уж у генерала Лайдонера рука не дрогнет!

На этом разговор в купе прервался.

Кулак кашлянул, вытянул из кармана полушубка солидный ломоть хлеба, завернутый в газетную бумагу, и начал молча есть. Спекулянты закурили сигары. Закончив с едой, кулак тоже закурил свою трубку.

Позднее время и монотонный стук колес вскоре усыпили всех. Я тоже притворился спящим, но все время был начеку...

*

После полуночи поезд остановился на станции Тарту. Быстрым, деловым шагом я подошел к извозчику, и попросил отвезти на угол улиц Тяхтвере и Пийри.

Миновав по дороге несколько полицейских и кайтселийтовских патрулей, я вскоре стоял перед домом № 14 на улице Пийри и сильно волновался. Последний раз я видел своих родителей семь лет назад. Я всегда представлял себе возвращение домой как победный марш освободителей трудового народа. А сейчас

пришел сюда после проигранного сражения, преследуемый, в поисках убежища...

Наружная дверь была заперта. Я постучал. Мне открыла какая-то молодая женщина. В ответ на мой вопрос она указала на дверь квартиры № 1 и скрылась за дверью квартиры напротив.

В первой комнате за столом сидел какой-то незнакомый молодой человек. Оторвавшись от чтения, он посмотрел на меня вопросительным взглядом. Но я заметил уже и кое-что знакомое: на полке в углу в рамках стояли фотографии двух подростков. Одним из них был я, вторым — мой брат Виллем. Я спросил незнакомца:

— Юхан Ломбак дома?

— Дома, — смущенно ответил тот.

Войдя во вторую комнату, я остановился у двери. В тусклом свете ночника я увидел мечущегося в беспокойном сне отца. Мамина кровать стояла за массивным платяным шкафом. Едва я сделал пару шагов, как отец открыл глаза, приподнялся, провёл по лицу ладонью и, тяжело вздохнув, снова упал на подушку.

Я крепко обнял отца и в тот же момент услышал обеспокоенный голос мамы:

— Юхан! Кто там?

Не дожидаясь, пока отец ответит, я бросился к кровати мамы.

— Артур, сынок! Наконец-то...

Как только улеглась буря радости, вызванная нашей встречей, нам пришлось более детально обсудить ситуацию. Я рассказал родителям, что принимал участие в восстании, что сейчас нахожусь на нелегальном положении и надеюсь перейти границу, чтобы попасть в Советский Союз, но до этого мне нужно найти где-то надежное убежище.

Отец сказал, что, по его мнению, укрыться можно и здесь — полиция во всяком случае его уже давно не беспокоила. Однако, сложнее дело со студентом, квартирантом моих родителей. Оставшийся без наследства, младший сын хуторянина-середняка во время гражданской войны воевал в белых эстонских частях, а теперь бесплатно учится в университете и, кроме того, получает государственное пособие. Парень он тихий и порядочный, но от него нельзя ожидать какого-либо сочувственного отношения к борьбе пролетариата. Напротив, в разговорах он проявил себя как ярый реакционер, особенно в последние дни.

С другой стороны, студенту давно известно обо мне и моих братьях, но родители еще ни разу не слышали от него ни упреков, ни угроз. И поскольку он меня теперь уже видел, я предложил отцу играть с ним в открытую. В ту же ночь отец пошел в комнату студента и спросил его, как бы он повел себя в том случае, если бы «блудный сын» на несколько дней остался погостить в доме родителей. Студент заявил, что его такие вещи совершенно не касаются.

Я захотел своими ушами услышать этот благородный ответ. Глядя на меня несколько испуганными, но честными глазами, молодой человек произнес:

— Я уже сказал вашему отцу, что в отношении меня вы можете быть совершенно спокойны. Я не доносчик.

— Я вам верю, — и, пожав ему руку, прибавил: — Я прошу вас не ради собственной безопасности. Нет. Сам я уже привык ко всяким опасностям, но не хочу, чтобы из-за меня страдали родители.

На следующее утро студент постучал в дверь задней комнаты. Увидев меня сидящим за столом, он как-то стыдливо вошел, сел около меня и спросил:

— Скажите, вы коммунист?

— Да, — коротко ответил я.

— И в мятеже принимали участие?

— Принимал.

Несколько секунд он молча смотрел на меня, потом продолжал:

— Я все никак не могу понять коммунистов. Их бесстрашие и упорство в борьбе просто поразительны. Как, например, понятие пренебрежительное отношение 149 подсудимых-коммунистов к государственным судебным органам, от которых зависело решение их дальнейшей судьбы? Возьмем, к примеру, такие факты: несмотря на запрет, они пели в зале суда «Интернационал»; большинство из них признало себе виновным только в том, что до сих пор еще не свергли власть эксплуататорских классов. А потом вспыхнул этот бунт... До меня никак не доходит, почему несмотря на непрерывные усилия правительственного аппарата, полиции и суда количество коммунистов не уменьшается, а постоянно растет? Во имя чего коммунисты ведут свою нелегальную и легальную борьбу против существующего строя, пренебрегая при этом любыми опасностями? Чего они, в конце концов, хотят достичь?

Эти первые, пока еще несмелые вопросы положили начало нашим беседам, длившимся не один день и порой сопровождавшимся весьма ожесточенными спорами. Мы анализировали весь экономический уклад, политический строй и культуру буржуазного государства. Моему собеседнику все труднее становилось возражать мне, все чаще ему приходилось соглашаться со мной. Затем мы перешли к основным принципам коммунистического движения. Я добился главного — заставил человека думать, размышлять. Через три дня студент уехал на зимние каникулы к брату в деревню. Мы расстались друзьями.

ОХРАНКА ОХОТИТСЯ ЗА КОММУНИСТАМИ

Первые дни после отъезда студента мы прожили все-таки в беспокойстве. А что, если он расскажет своему брату — хозяину хутора — о встрече с коммунистом? Кто гарантирует, что тот быстро не сообщит об этом властям? Пробирайтесь к границе сейчас означало обречь себя на верную гибель.

Найти более надежное место в городе тоже не было возможности, и мы каждую минуту могли ожидать появления охранки. Предусмотренный ранее путь к бегству — из кухни через люк в полу в подвал и оттуда через низкую дверь на задний двор — был явно ненадежен: вряд ли полицейские оставят двор без присмотра. Поэтому следовало устроить тайник внутри дома. Ни подвал, ни чердак не подходили для этого. Оставалась только квартира родителей.

Мое внимание привлекло углубление между печкой и стеной в задней комнате, размерами примерно $50 \times 75 \times 225$ см. Две стороны этой своеобразной ниши создавались углом комнаты, третья — печкой, сверху ее полностью закрывал дымоход. Я тут же решил взяться за дело. 23 декабря мы с отцом при помощи шурупов и клея, без единого удара молотком соорудили для ниши переднюю стенку и оклеили ее обоями. Еще день ушел на окончательную отделку.

Я разглядывал свой тайник с близкого расстояния и издали, днем и вечером, при солнечном освещении и при свете керосиновой лампы, свечи, спички, карманного фонарика. Ничего не должно было бросаться в глаза. Я отнес в нишу свою верхнюю одежду, оружие и карманный фонарь.

Вскоре я уже мог самостоятельно, быстро и бесшумно прятаться. Прodelывал я это каждый раз, когда кто-нибудь стучал в дверь нашей квартиры.

Наступил новый 1925 год. Все было по-прежнему тихо и спокойно. Но как известно, беда о себе не предупреждает. Когда в полдень 5 января мама на минутку вышла в коридор, из квартиры напротив неожиданно появилась какая-то женщина и ее вездесущий взгляд тут же заметил меня в щель неплотно закрытой двери. Я припомнил со слов родителей, что это — вдова бывшего царского жандарма, которая стала яркой сторонницей существовавшего буржуазного строя и лютым врагом всех, кто покушался на его основы. В тот же момент я услышал, как она спросила у мамы:

— Вы, наверное, сегодня ждете гостей, раз даже в святую субботу хлопочете?

— Нет, мы никого не ждем, — ответила мама, не подозревая, что меня видели, — а хлопот каждый день хватает.

Жандармская вдова с корзиной в руках направилась в центр города. Естественно, ее разбирало обычное любопытство — что за человек в квартире соседки? Если она знала историю со мной и моими братьями, то это могло сразу же зародить в ней серьезные подозрения. Ожидать можно было всего.

К обеду вернулся домой отец и мы подробно обсудили случившееся. Решили, что в случае обыска я буду сидеть в своем тайнике, а отец с матерью с показным безразличием смотреть на старания полицейских. Если повезет, то все будет в порядке. Но если мой тайник все-таки обнаружат, отец мгновенно схватит заранее спрятанный под краем платяного шкафа остро отточенный топор и ударит им по голове того, кто меня найдет. Это будет одновременно и сигналом, по которому я опрокину переднюю стенку ниши и пушу в ход парабеллум и гранаты... Чтобы избежать пыток в застенках охраны, мы решили живыми врагу не сдаваться.

Едва мы успели все это обсудить и отец прилег отдохнуть на кровать, а я просматривал на кушетке свежие газеты, как мама, которая мыла посуду в передней комнате, вдруг крикнула:

— Полиция!

Я выглянул из-за края шторы на улицу и увидел целую ораву бегущих людей — часть в полицейской форме, часть в штатском. Не было ни малейшего сомнения в том, что они направляются именно в нашу квартиру.

В один прыжок я оказался в своем тайнике. В ту же секунду в дверь стали колотить.

— Именем закона, откройте! Полиция!

Я слышал, как отец, взяв газеты с кушетки, бросил их на кровать и спокойно вышел в переднюю комнату.

— Что вам угодно?

— Немедленно откройте дверь!

Щелкнул замок, потом звякнула цепочка, и чей-то резкий голос пронзительно крикнул:

— Руки вверх! Вы арестованы!

Обе комнаты моментально наполнились снующими шагами.

— В вашей квартире есть кто-нибудь чужой? — спросил тот же голос.

— Никого чужих нет, только свои, — ответил отец.

— Это мы сейчас увидим. Вот приказ начальника полиции, в котором предписывается провести обыск в вашей квартире. Руки опустить! Сесть!

— Это же явное недоразумение, господин Побуль, а впрочем, как вам угодно... Кто палку взял, тот и капрал...

— Отставить разговоры!

Побуль? — думал я. — Да это же сам помощник начальника тартуского отделения охраны. Стало быть, здесь сегодня надеются получить богатый улов...

В передней комнате на люке, ведущем в подвал, звякнул отпираемый замок.

— Если кто-нибудь здесь есть, выходи! — рявкнул чей-то громовой бас.

— А ну-ка, спрыгни вниз, проверь!

Начался тщательный обыск. В то время, как полицейские потрошили платяной шкаф и комод, звенели посудой на полках, рылись в ящиках стола, ощупывали и трясли матрацы, половики и подушки, вдоль стен, не торопясь, двигался задыхавшийся на каждом шагу сыщик, очевидно, страдавший болезнью легких. Он стучал, прислушивался, сухо кашлял, опять стучал, прислушивался и снова кашлял. Простукивал он на разной высоте, продуманно, не оставляя без внимания ни одного квадрата. Такого «специалиста» не проведешь, — подумал я. — Кажется, пробил час моего последнего боя!

Наверное и отец заметил, насколько серьезно положение, потому что вскоре он нашел причину, чтобы зайти в заднюю комнату.

— Не нужно ли господам в чем-нибудь помочь?

— И хозяин, оказывается, решил, что ему не пристало в стороне сидеть, когда государственные служащие в поте лица проветривают его мебель!.. Сейчас как раз нужно комод от стены отодвинуть, берись-ка!

А сыщик, который простукивал стены, продвигался все ближе к моему тайнику. Я весь сжался и ждал только сигнала... Но нет, он заинтересовался печью. Пошумел заслонкой, открыл дверцу, покопался в пепле кочергой, откашлялся; затем простукал, наверное, каждый камень печи.

Я поборол волнение...

— Нет, здесь мы, кажется, ничего не найдем.

— Хозяин, возьми ключи. Пойдем на чердак и в сарай! — неожиданно приказал Побуль. Судя по голосам, с ними ушло еще, по крайней мере, трое. Остальные сидели в передней комнате и завели разговор с мамой:

— Слушай, старуха, а сколько у тебя сыновей?

— Было трое, теперь осталось двое, — ответила мама.

— Как их имена и где они живут?

— Виллем в Советской России, в городе Костроме, а об Артуре ничего не знаю.

— Так уж об Артуре ничего не знаешь... Ну, а Виллем чем же там кормится? — злорадно выспрашивал сыщик.

— Он — налоговый инспектор.

— Врешь, старуха! Нам хорошо известно, что оба твоих выродка — коммунистические комиссары. Один — в России, а другой — где-то здесь, в подполье.

— Что коммунисты, то да, а вот о том, что они комиссары, я не слышала, — по-прежнему спокойно сказала мама.

— Ишь ты, как она этим гордится! — злобно выкрикнул

кто-то. — А может скажешь нам еще, куда делся твой третий сын?

— Эдуард погиб в 1918-м.

— Хо-хо-хоо! Погиб! Наши кайтселийтчики прикончили эту красную собаку, когда он со своими дружками, русскими и китайцами, хотел нам здесь коммуно устроить...

— Я вижу, господа прекрасно обо всем осведомлены. Тогда зачем же они спрашивают?! — голос мамы стал резким.

— Закрой рот! Полиция республики никому не позволит над собой насмехаться! — Чей-то кулак грохнул по столу, и тяжелые шаркающие шаги прошли через комнату.

— Фотографии комиссаров возьмем, на всякий случай, с собой...

Речь шла о наших с Виллемом фотографиях на полке в углу передней комнаты. Я на фото действительно был похож на комиссара — в форме командира Красной Армии времен гражданской войны.

В этот момент в комнату вернулся отец и сопровождавшие его полицейские.

— Ничего! — зло буркнул Побуль.

Снова зашумели стулья, потом какое-то время стояла тишина, пока Побуль не начал читать протокол обыска, из которого следовало, что служащие тартуского отделения охраны (следовал длинный список фамилий), проведя обыск по адресу: Тарту, ул. Пийри, д. 14, в квартире Юхана Ломбака, а также находящемся под этой квартирой подвальном помещении, в деревянном сарае и на чердаке, не обнаружили ни одной улики, прямо или косвенно изобличающей присутствие посторонних лиц.

Отец подписал протокол и, не в силах скрывать своей радости, сказал самым невинным тоном:

— Господам придется немножко обождать меня — я только полущубок накину.

— Зачем? — сначала не понял Побуль.

— Господин начальник ведь объявил меня арестованным...

— Если надо будет, мы вас вызовем! — гаркнул начальник, моментально побагровев от злости, и через несколько секунд дверь захлопнулась за последним шпиком.

— Сыночек, ты еще жив там? — прошептала мама.

Вместо ответа я вылез из своего укрытия. Обыск длился около двух часов. Тихо как мышь, ни разу не шелохнувшись, просидел я все это время на корточках, в крайне напряженной позе. Тело буквально окаменело, пот лил градом: от печной стенки в тайнике стояла нестерпимая жара. Я выпил холодной воды и только после этого почувствовал в полной мере радость от того, что нахожусь на свободе, живой и невредимый... Борьба продолжается! — радостно стучало сердце. — И победа, в конце кон-

цов, будет все-таки за нами! В порыве радости я бросился обнимать родителей...

Прошло каких-нибудь два дня, и отец, действительно, получил повестку явиться в охранку к восьми часам вечера. Оставаясь дома, мы с мамой волновались не меньше, чем он.

— Ну, господин Ломбак, какие у вас новости? — спросил Побуль.

— Пожалуй, самая большая новость — тот набег, который вы совершили на мою квартиру. На нашей улице все знают меня, и не перестают удивляться, как это могло прийти в голову полиции...

— В тихом омуте черти водятся, — пробурчал Побуль. — Если вы, господин Ломбак, такой кроткий агнец, то как же это вы из своих сыновей воспитали красных?

Порывшись в каких-то бумагах на своем столе, он отдал отцу наши с Виллемом фотографии, и на этом прием закончился.

*

Каникулы в университете кончились. Вернулся студент, квартирант моих родителей. Мама рассказала ему о происшедшем событии. Разумеется, дело было представлено так, как будто «виновник» всего этого задолго до обыска покинул квартиру в неизвестном направлении. Но поскольку наша квартира теперь была скомпрометирована в глазах властей, что могло повредить и его репутации, студент решил подыскать себе новое жилище. Это удалось ему в тот же день. Простился он с моими родителями очень тепло. Для меня, который все это время просидел в своем тайнике, такое решение вопроса было, разумеется, самым приемлемым.

Постепенно жизнь снова входила в нормальное русло, где каждый день поразительно походил на предыдущий. Вынужденное бездействие вскоре стало нестерпимо томительным. Я с тоской ждал, когда же, наконец, наступит зима, реки и озера покроются льдом, станут проходимыми болота и трясины. Я готовил лыжи и коньки, приводил в порядок обувь, мама сшила мне из белой простыни маскхалат. Но морозы все не приходили. Земля была по-прежнему голой. Снег, если и шел иногда, то тут же таял. Каждое утро все мы первым делом смотрели на термометр за окном. Но он только изредка показывал пару градусов ниже нуля.

На смену январю пришел февраль, за февралем последовал март, а погода оставалась неизменной... И только после 20 марта несколько похолодало, земля покрылась тонким снежным ковром. В путь я собирался отправиться в воскресенье, 29 марта. Но случилось непредвиденное...

«Таинственный человек в белом на границе! Неизвестный застрелен пограничниками!» — сообщали набранные жирным шрифтом заголовки на первой странице газеты «Постимеэс» 29 марта 1925 года. Из дальнейшего описания можно было узнать, что в ночь на субботу патруль одной из пограничных застав на восточной границе заметил на краю приграничного леса человеческую фигуру, укутанную в белую простыню. Неизвестный направлялся в сторону границы, приказу пограничников остановиться не подчинился и потому был убит выстрелами из винтовок.

Можно было не сомневаться, что это происшествие встревожило всю пограничную охрану. Еще долго ей будут мерещиться повсюду «люди в белом». Делать нечего — я отложил свой поход.

Опять пришлось ждать, но теперь я решил установить контакт с тартускими коммунистами, хотя в данной ситуации найти верную нить к ним было крайне трудно, так как они действовали в глубоком подполье.

Я знал, что в доме напротив живет уже немолодой вдовец Прикс. Его старшая дочь на процессе 149-ти была приговорена к каторжным работам на большой срок, а младшая, тоже принимавшая участие в рабочем движении, жила у отца. Приксы знали и политические настроения нашей семьи. Через них-то я и хотел начать поиски. На «разведку» я послал отца, который выступал не от моего имени, а товарища Волли. Поначалу казалось, что этот шаг правильный.

Амалие Прикс сообщила, что через неделю-полторы из тартуской тюрьмы выйдут некоторые из коммунистов, и лишь тогда будет возможно вновь установить оборвавшиеся 1 декабря связи.

Но прошло всего два дня, и Амалие принесла отцу приглашение на встречу с прибывшей из Таллина товарищем. Встреча должна произойти за ратушой. На голове у женщины он увидит черную шляпу с красным цветком, за руку она будет вести пятилетнюю девочку.

Я предупредил отца, чтобы он был крайне осторожен и ни на минуту не ослаблял внимания.

Когда он подошел к месту встречи, женщина в черной шляпе с красным цветком уже прогуливалась там, держа за руку девочку.

— Через меня один товарищ хочет установить связь с подпольщиками, — сказал отец.

— А вы не могли бы мне сказать его имя? — спросила незнакомка.

— Пока что нет.

— А где он скрывается?

— И это тоже не могу. Я могу вам сказать только то, что он участник восстания 1 декабря и является членом партии с 1917 года.

— Было бы хорошо, если этот товарищ переседет в Таллин, чтобы активно участвовать в возобновлении партийной работы прежде всего там. Через три-четыре дня вам принесут письмо, в котором будет написан текст «Мы здоровы и живем в прежнем месте» и адрес. После этого пусть он сразу же отправляется в путь.

Мне вся эта история показалась подозрительной. На следующий день, когда я ломал голову над тем, как найти возможность проверить эту женщину, в дверь нашей квартиры кто-то тихо постучал.

Я сразу же залез в свой тайник, а в комнату, не говоря ни слова, вошел незнакомый худощавый молодой человек в пенсне и молча сунул отцу какую-то сумму денег. Затем он вынул из кармана книжку квитанций, карандаш и, очевидно, стал ждать подписи.

Прошло несколько секунд, прежде чем отец, несколько оправившись от удивления, спросил, что это за деньги, откуда они и для кого.

— Это пособие ему, — многозначительно произнес молодой человек и добавил, указывая рукой куда-то вверх: — От Красного Креста. Распишитесь в том, что вы получили деньги!

Отец одел очки, прочел на квитанции: «Я, Юхан Ломбак, подтверждаю своей личной подписью, что получил пять тысяч марок», и расписался.

Молодой человек ушел.

Через несколько минут отец и сам понял, что это мог быть только провокатор. Но ничего нельзя уже было исправить!

Два дня прошли спокойно. Близился к вечеру третий день. Я как раз разглядывал улицу из-за шторы в задней комнате, когда заметил на тротуаре противоположной стороны улицы трех подозрительных типов. Они совещались о чем-то, затем один из них быстрым шагом направился к нашему дому. Я немедленно укрылся в тайнике.

Стук в дверь.

— Господин Ломбак дома?

— Он в подвале, — ответила мама. — Проходите, садитесь. Я его сейчас позову.

Гость сел. Вскоре вошли отец с матерью. Отец сразу же узнал в госте того молодого человека, который пару дней назад принес ему деньги.

В этот раз гость сказал:

— Один господин хочет с вами встретиться. Он будет ждать вас в половине восьмого на углу улиц Херне и Марья.

— Вы пойдете со мной? — спросил отец.

— Нет, вам лучше пойти одному, — ответил молодой человек.

— А как же я узнаю этого господина?

— Он знает вас и сам подойдет, — сказал гость и вышел.

До назначенного времени оставалось менее получаса. Я еще и еще раз попросил отца быть осторожным, поскольку не было никаких сомнений в том, что господин, который будет ждать его, — провокатор.

Приближаясь к месту встречи, отец еще издали заметил трех человек. Посчитав, что такое соотношение сил не в его пользу, он повернул назад к дому.

Тогда один из трех быстро догнал отца и, коснувшись его локтя, сказал:

— На этих днях у вас опять будет обыск.

Отца словно ножом кольнуло в сердце, но тут же в голове промелькнула мысль: «А откуда тебе, мерзавцу, об этом известно?»

Он посмотрел в лицо незнакомцу. Из-за толстых стекол очков в позолоченной оправе на отца глядели глаза стервятника, высматривавшего добычу...

Но стараясь не выдать своего волнения, отец сказал:

— Пускай. Только не знаю, что они на этот раз надеются у нас найти?

— Понятия не имею, знаю только, что планируется обыск, — произнес провокатор и тут же поинтересовался: — А место, где скрывается этот молодой человек, надежное?

Глаза отца еще раз встретились со взглядом незнакомца, и он сказал спокойным тоном:

— Сам я этого места не знаю. Слышал только, что оно все же довольно-таки опасное. Но что поделаешь, если лучшего нет.

Незнакомец проглотил слюну.

— Между нами говоря, если его укрытие ненадежно, я могу предложить ему абсолютно надежное место, которое никогда в жизни не найдет ни один шпик. Такое место есть в моей квартире по улице Марья, дом 2. — Судорожный кашель на мгновение прервал его речь. — Если его это устраивает, он может прийти ко мне уже завтра утром. Пусть спросит Землепашца...

В тот же вечер мы обсуждали с отцом план наших действий. Нужно было выиграть время, чтобы я мог покинуть Тарту.

Зная, что агенты охраны следят за домом, на следующий день рано утром отец пошел на базар, побродил там часа два, разговаривая со всеми мало-мальски знакомыми, вернулся домой и вечером направился на улицу Марья, в дом № 2.

Дверь скромного домишки открыл сам Землепашец. На его лице отразилось радостное удивление. Отец рассказал, что встретил утром на базаре женщину, у которой до сих пор скрывался тот самый молодой человек, а сейчас он уехал в деревню, где пробудет до начала следующей недели. Но когда он вернется, его, если позволят обстоятельства, непременно направят к Землепашцу.

— Вот и прекрасно, — еще больше обрадовался Землепа-

шец. — Здесь ему будет отлично. Пожалуйста, зайдите и посмотрите сами.

Комната, которую Землепашец показал отцу, была изолирована от других, вход в нее только из коридора. Кроме двух кроватей здесь стояли еще стол, застеленный чистой скатертью, и пять стульев, на окнах висели со вкусом подобранные гардины. Все как будто, действительно, в полном порядке.

— Еще раз повторяю вам, господин Ломбак, — без умолку болтал Землепашец, — что я нахожусь вне всяких подозрений, так сказать, самый чистый парень в Тарту. Поэтому у меня и останавливаются часто товарищи из Таллина. Между прочим, — он понизил голос до шепота, — Ханс Хейдеманн тоже скрывался у меня. Здесь ему были не страшны никакие опасности. А едва он перебрался в другое место, как тут же попал в руки охраны...

— Да-да, — поддакивал мой отец, едва сдерживаясь, чтобы не хватить «гостеприимного» Землепашца тростью по шее...

Выиграна была, по крайней мере, неделя времени. Теперь нужно было выяснить, откуда за нами наблюдают шпики. Не со второго ли этажа дома на углу Пийри и Херне, из окон которого хорошо просматривались оба выхода из нашего дома и вся округа?

Так оно и оказалось. Ведя постоянное наблюдение, мы заметили, что как только кто-нибудь входит в дом или выходит из нашего дома, в одном из угловых окон появляются четыре незнакомые мужские физиономии.

6

ШПИКОВ ОБВОДЯТ ВОКРУГ ПАЛЬЦА

В черной фетровой шляпе, в темно-синем суконном пальто и брюках того же цвета, обутый в крепкие сапоги на толстой подошве, я вышел в 10 час. вечера в воскресенье 6 мая из квартиры родителей. Моя внешность ничем не привлекала внимания. Я выглядел, если использовать полицейскую терминологию тех лет, «более или менее лояльно». Кому пришло бы в голову, что у пассажира, направлявшегося на ночной таллинский поезд и не взявшего с собой в дорогу даже узелка, в карманах рядом с бутербродами, коробкой папирос и плиткой шоколада лежат еще парабеллум и три гранаты? Или, что на поясе у него висит тесак, на цепочке от часов — компас, а за пазуху засунута свернутая серая кепка? Только бы прошмыгнуть мимо шпииков здесь, рядом с домом!

Я вышел из двора через калитку, выходившую на улицу Пийри. Заржавевшие петли калитки скрипнули. Я осторожно бросил взгляд на второй этаж соседнего дома, но, как ни стран-

но, там я не заметил никакого движения. Я твердым шагом направился вверх, в сторону улицы Тяхтвере.

Через мгновение я услышал, как у меня за спиной распахнулось окно и кто-то крикнул:

— Вот черт, видишь?!

Я увидел четырех шпигов, которые, высунувшись из окна, заметили меня. Скоро они будут на улице! Я быстро свернул на улицу Тяхтвере. Здесь в одно мгновение сменил шляпу на кепку, расстегнул пальто и закурил папиросу. Если принять во внимание темноту, то моя внешность изменилась довольно сильно. Слегка покачиваясь, напевая себе под нос и походя, таким образом, на малость выпившего гуляку, я буквально нос к носу столкнулся с поворачивавшимися за угол шпигами. Не обратив на меня ни малейшего внимания, они с вытянутыми шеями помчались дальше...

Я же поспешил обратно по только что пройденному маршруту — с улицы Пийри на Херне, оттуда по улице Кроонуайа на бульвар, идущий по берегу Эмайыги. Через два часа поезд увозил меня из Тарту, а ранним утром я благополучно прибыл в Таллин.

Я решил побывать на прежних конспиративных квартирах только в вечерних сумерках, а весь день провести где-нибудь в городе. Я сходил на базар, погулял в Кадриорге, потом вернулся в центр города, купил газеты и на бульваре Каарли сел на скамейку почитать их. Было невыносимо скучно. Между тем, стрелки часов еще не показывали и полудня. Мимо меня, словно бы прогуливаясь, прошел элегантный господин, смерил изучающим взглядом и сел на скамейку напротив. Я по-прежнему изображал из себя читающего. То же самое делал и чересчур любопытный господин. Кажется, шпиг!

Я поднялся, и самым что ни на есть медленным шагом пройдя через площадь Свободы на Пярну маантеэ, остановился у здания Коммерческого училища. Неизвестный господин тыкал тростью в песок на углу церкви св. Яана. С Пярну маантеэ я свернул на улицу Валли, оттуда по улице Виру — на Ратушную площадь, часто останавливаясь у витрин магазинов. На всем этом пути мой прилежный «проводатый» тоже крайне интересовался выставленными для обозрения товарами. Когда я проходил с Ратушной площади на улицу Нунне, мне удалось на несколько десятков шагов оторваться от шпигов, сохранить разрыв вплоть до Шнельского пруда и незаметно нырнуть в сад одного из домов в том районе.

Вскоре мимо домика почти бегом промчался мой преследователь! Остановившись спиной ко мне, он словно искал кого-то, шумно вдыхая в себя воздух, затем медленно повернулся и наши взгляды встретились... Лицо незнакомца покрылось пятнами.

Я вышел из садика и прошел мимо шпики, едва не задев его, направляясь в сторону Башенной площади. Слежка продолжалась. Шпик пристально наблюдал за мной, правую руку он не вынимал из кармана пальто.

Я надеялся, что мне удастся оторваться от шпики где-нибудь в районе улицы Копли, в тамошних узких и кривых переулках. Но неожиданно в самом начале улицы Копли мой преследователь куда-то исчез. Не веря своим глазам, я прошел еще немного вперед и на углу улицы Гранийди чуть было не столкнулся с ним, но на этот раз он шел уже не один, а еще с каким-то типом. Мы прошли мимо друг друга, причем все трое держали правую руку в кармане...

Свернув на улицу Гранийди, я остановился за углом и осторожно выглянул. Шпики почти бегом устремились в сторону города и затем скрылись за углом улицы Мальми. Теперь они, видимо, надеются, неожиданно выскочив из какого-нибудь переулка, схватить меня. Я тоже немного прошел в сторону города и, заметив крошечное кафе, вошел в него. Через три часа я мог не сомневаться, что мои следы потеряны...

— Я очень устал! — сказал я вечером на улице Уус-Каламая, 13.

— Сядьте и отдохните! — ответили мне.

Таким образом, я вновь установил связь с Таллинской организацией Коммунистической партии Эстонии. Снова был среди товарищей по борьбе.

Из-за штор у окна задней комнаты родители видели, как я вышел из калитки, как открылось окно, у которого дежурили шпики, и оттуда выглянули четыре их рожи, как они выбежали на улицу Херне и затем свернули на Пийри... Перед глазами все затуманилось, в висках застучало — сейчас раздадутся выстрелы!.. Но нет, выстрелов не последовало. Вокруг было тихо. Наступила ночь, потом утро. Тревога родителей постепенно сменилась слабой надеждой...

Через несколько дней отец с мамой поехали в Пылтсамаа, к моей сестре Лезни. Им тоже пужно было отдохнуть после всех передразг со шпиками гартуской охранки и провокаторами, проникшими в подпольную организацию партии.

Шпики дежурили у дома № 14 по улице Пийри до конца недели, а потом и их начальство тоже решило «прокатиться» в Пылтсамаа. Куда же, в конце концов, делся тот таинственный коммунист, который, приехав через неделю из деревни, сам должен был кинуться в лапы охранки? А вдруг он в Пылтсамаа?

Полицейские организовали облаву на Пылтсамааскую ветеринарную клинику, в которой жил и работал врачом мой зять Владимир Вестмани-Лаанте. Окружив территорию клиники и все постройки вооруженными до зубов кайтселийтчиками, полицей-

ские с превеликим упорством рылись там всю ночь. Но результат, разумеется, опять получился нулевой!

А для моих родных, прежде всего, отца с матерью, обыск стал лучшим подтверждением тому, что я нахожусь на свободе...

7

НА СВОБОДУ!

Главное оружие пролетариев в борьбе с врагом — это их сплоченность и организованность. Всю глубину этого ленинского принципа я вскоре смог почувствовать в полной мере. Я еще раз убедился, что нет преград, которые массы трудящихся, объединившись, не смогли бы преодолеть.

Слившись с нелегальной организацией партии, я снова почувствовал рядом с собой крепкие плечи товарищей, на которые в любой момент можно опереться. Было с кем посоветоваться, с кем обменяться мыслями. Глаза товарищей видели все, что происходило вокруг, уши вовремя узнавали обо всех новостях. Уже не приходилось действовать наугад, в расчете на случайность.

В целях сохранения кадров временный руководящий орган Коммунистической партии Эстонии рекомендовал ряду товарищей уехать в Советский Союз, пока не утихнет жестокий белый террор. Это решение касалось и меня. Если, находясь в Тарту и намереваясь самостоятельно перейти границу, я в течение четырех месяцев не смог осуществить свой план, то теперь я еще раз убедился в том, какая огромная сила заключена в коллективе.

10 мая я уже находился в Нарве, откуда на следующий вечер, когда стемнело, отправился в свой опасный путь.

По мощеной дороге я дошел до черты города. Там свернул на луг и продолжал идти параллельно дороге, примерно метрах в пятидесяти от нее. Росшие на лугу одинокие кустики должны были помочь мне оставаться незамеченным.

Минут через десять я услышал на шоссе стук копыт. Лежа на земле, я видел, как мимо проехал пограничный патруль из трех человек.

Прошел еще километра два и вдали показались фары автомобиля. Я снова прижался к влажной земле.

Вскоре меня скрыл редкий сосняк, за которым, как я знал, начиналась пограничная зона. До границы оставалось четыре километра... Пройдя сосняк, я остановился на его краю. На открывшемся безлесном пространстве необходимо было определить местонахождение хотя бы одного пограничного поста. Я сидел, прислонившись спиной к толстому стволу дерева, и изучал ландшафт, квадрат за квадратом. Ни малейших признаков. Светящиеся стрелки часов отсчитывали десять, пятнадцать, двад-

цать, двадцать пять минут, полчаса... Вдруг справа, рядом со стогом сена, вспыхнул и тут же погас какой-то огонек. Но через мгновение я заметил на том же месте еле светящуюся точку — кончик горящей папиросы. Есть! Значит, я должен пройти немного влево, чтобы проскочить между двумя сторожевыми постами, которые находятся друг от друга на расстоянии примерно километра.

Осторожно переползая от куста к кусту, от одного пенька к другому, я двигался так больше двухсот метров. Где-то здесь, как мне говорили, должен начинаться овраг, который ведет прямо в сторону границы. Как же его найти? Несколько раз обманывался, принимая кучу камней или кочку за край оврага, но, в конце концов, я все же стоял на его дне почти по колено в воде. Теперь ни одна ищейка не возьмет мой след, — с облегчением подумал я, услышав где-то далеко в ночной тишине пронзительный лай служебной собаки. Пригнувшись пониже, так, чтобы меня не было видно из-за края оврага и стараясь не издавать плеска, я двигался вперед... Граница должна быть где-то рядом. Я еще больше напряг зрение и слух, останавливался через каждые двадцать шагов. Не было сомнения: теперь я слышал чьи-то шаги, которые казались мне слишком гулкими. Это было у самой контрольно-следовой полосы, в нескольких метрах от проволочных заграждений! Я присел на корточки на дне оврага, и метрах в двадцати от меня, ни о чем не подозревая, протопал солдат. Здесь посты отстояли друг от друга тоже на расстоянии в один километр. Времени должно хватить. Я выскочил из оврага, перебежал контрольно-следовую полосу и в несколько прыжков оказался у пограничных заграждений, состоявших из трех рядов колючей проволоки.

Раздвинув проволоку, я пролез сквозь первый ряд заграждений. Затем остался позади и второй ряд. Через несколько минут энергичной работы я находился на советской земле, уставший от волнения, с порванной о колючую проволоку одеждой и кровоточащими ладонями, но свободный в самом истинном смысле этого слова.

— Вот моя социалистическая Родина! — кричало все мое существо.

Я торжественно поклялся себе, что буду, не жалея сил, продолжать борьбу до тех пор, пока и эстонский народ не освободится от гнета эксплуататорских классов. Отныне эта борьба будет неразрывно связана с работой по укреплению первого в мире государства рабочих и крестьян.

На востоке загоралась заря нового дня...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. В ОГНЕ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ

1. Первые искры	7
2. Имена пылают	20
3. Мы познаем мир	34
4. В дни войны	47
5. Долой царя!	59
6. Октябрьская буря	72
7. Укрепляя завоевания революции	83
8. Прощай, Вильянди!	95
9. По железной дороге	107
10. В преддверии новых боев	118

Часть вторая. ОТ НАРВЫ ДО СЕВАСТОПОЛЯ

1. Враждующие стороны	131
2. Дни побед и поражений	139
3. Псков и Даугавпилс	150
4. Орел и Курск	159
5. Под Перекопом	165
6. Черный барон наступает	171
7. С переменным успехом	177
8. Удары и контрудары	184
9. Начало конца	193
10. Даешь Перекоп! Даешь Крым!	201

Часть третья. ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1 ДЕКАБРЯ 1924 ГОДА

1. По зову партии	212
2. Подготовка к выступлению	215
3. Восстание	220
4. Отступление	223
5. Охранка охотится за коммунистами	235
6. Шпиков обводят вокруг пальца	243
7. На свободу!	246

Артур Юханович Ломбак. **Пламенные годы.** Воспоминания. Перевод с эстонского языка. Художник-оформитель И. Сонн. Редактор А. Нугис. Художественный редактор С. Стерн. Технические редакторы К. Рохтметс и Э. Айбла. Корректоры П. Тольтс и Ю. Уритская. ИБ № 3665. Сдано в набор 29. 06. 81. Подписано в печать 15. 10. 81. Формат бум. 60×90/16. Бумага печатная № 1. Гарнитура: литературная. Печ. л. 15,5+1 вклейка. Усл. кр.-отг. 15,56. Уч.-изд. л. 16,19. Тираж 10 000. Заказ № 2183. Цена 70 коп. Издательство «Ээсти раамат», 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Типография им. Хауса Хейдеманна, 202400, Тарту, ул. Юликооли 17/19. III.